

ПСИХОЛОГИЯ

Пистолет в ближнем бою

СТРЕЛЬБЫ

В. Жуковский

С. Ковалев

И. Петров

Знай то, чем владеешь!

ЗНАЙ ТО, ЧЕМ ВЛАДЕЕШЬ

Жуковский В., Ковалев С., Петров И.

ПСИХОЛОГИЯ СТРЕЛЬБЫ

2005

УДК 623.4
ББК 68.8
Ж86

Серия «Знай то, чем владеешь»
основана в 1997 году

Иллюстрации: А. Жуковская

Художник Г. Григорян

Подписано в печать 08.07.05. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 1586.

Жуковский, В.
Ж86 Психология стрельбы / В. Жуковский, С. Ковалев, И. Петров. — М.: ГЕЛЕОС, 2005. — 156, [4] с. — (Знай то, чем владеешь).

ISBN 5-8189-0240-4

Книга посвящена актуальным вопросам применения ручного короткоствольного оружия в условиях ближнего боя.

УДК 623.4
ББК 68.8

© В. Жуковский, С. Ковалев, И. Петров, 2003
© ЗАО «ЛГ Информэйшн Груп», 2003
© Оформление. ЗАО «Издательский дом «Гелеос», 2003
© Серия ЗАО «Издательский дом «Гелеос», 2003

Эта книга является продолжением работы, посвященной исследованию актуальных вопросов применения ручного короткоствольного оружия. Первая книга этого проекта — «Пистолет в ближнем бою. Анатомия стрельбы», по замыслу авторов, должна была оживить угасающий интерес к проблемам стрельбы. Мастерам мы предложили нетрадиционный взгляд на особенности плотных огневых контактов, начинающих предостерегли от легкомысленного отношения к основам стрелковой науки.

Дело в том, что в последние годы прилавки книжных магазинов буквально наводнили пособия по стрельбе. Не вступая в полемику с авторами этих работ, к стати, нередко весьма добротных, мы хотели бы обратить внимание читателя на то обстоятельство, что *стрельба в них рассматривается вне контекста боя. То есть технология выстрела ставится выше ситуации; способ превозносится над результатом.* В итоге, намертво въевшиеся приемы ведения огня превращаются в фактор сдерживания роста стрелковой искусности, становятся непреодолимым препятствием на пути «взросления» воина.

Поэтому в книге «Пистолет в ближнем бою. Анатомия стрельбы» мы осознанно нарушили ставший привычным уставный ритм повествования литературы такого рода и сделали это для того, чтобы обратить внимание читателей на *иную модель отношения* как к самому стрелковому тренингу, так и к собственным достижениям в этой области.

На наш взгляд важна не столько *технология* стрельбы, сколько *отношение* к ней. Именно поэтому в наших книгах нет стрелковых упражнений, они имеют смысл лишь в сугубо персональном контексте. Но зато, поняв и приняв эту концепцию, можно пересмотреть и скорректировать любую тренировочную программу.

Нередко нам задают вопрос: для кого вы пишете, ведь «мастера», как известно, книг не читают, а для новичков они слишком сложны? Это верно. Но мы исходим из того, что в настоящее время ни одна из «компетентных структур» не заинтересована во возвращении истинных воинов. Современные «конторы» нуждаются в бойцах, способных за короткое время подготовиться к решению конкретных задач, чтобы своими телами «латать прорехи» в их рядах. Так что сегодня, движение к вершинам подлинного ратного мастерства остается исключительно личным делом каждого бойца. Вот для тех, кого не устраивает роль «пушечного мяса», кто недоволен собой, кто находится в неустанном поиске, именно для них мы и пишем. Это к ним обращены слова о *другом* пути, об *иных* ценностях, о *смене отношения*. Неравнодушные люди имеют право знать о вершинах ратного совершенства.

ВВЕДЕНИЕ

Бой — слово хлесткое, как выстрел, емкое, плотное, страшное. В нем гул и пламя, грязь и кровь, боль и стоны.

Бой — иное измерение реальности, мера человеческих сил, грань между жизнью и смертью, прошлым и будущим.

Бой! Что в нем одновременно и влечет и отталкивает? Что отличает его от опасных эпизодов повседневности, что придает ему запредельный эмоциональный накал?

Ответ прост и ясен: дыхание смерти. Но, смерти «...не от водки и от простуд». В бою смерть активна и целеустремлена. Ее источник — враг. Он умен и находчив, хитер и ловок. Он пришел именно за тобой. Ему нужна именно твоя жизнь.

Близость смерти, самый вид ее поднимают такую волну чувств, которая легко сметает все наносное, внешнее, привнесенное. Трепет охватывает бойца, его сердце разрывается невыносимыми по остроте переживаниями. Эмоции пронизывают естество, проникают в каждую клетку, понуждают бойца к особым формам активности.

Бывает что «боевая горячка» самым непостижимым образом отрезвляет ум командира и тем наделяет его способностью мгновенно принимать верные решения. Иногда в бою воину открывается доступ к могучим, доселе дремавшим силам, которые удесятятят его натиск и насыщают тело энергией. Подчас в пылу сражения боец и видит дальше, и слышит тоньше, а случается и ход времени ощущает иначе. Но нередко смятение, сопутствующее смертельной схватке, парализует волю солдата. И тогда он цепенеет от леденящего ужаса или панически бежит, увлекая за собой утративших мужество товарищей.

Но коль скоро от краткого смятения, мгновенного замешательства или секундного малодушия бойца подчас зависит успех всей схватки, то, очевидно, и стрельба не может рассматриваться в отрыве от психического состояния стрелка. Однако именно психологические аспекты стрельбы остались нераскрытыми в книге «Пистолет в ближнем бою. Анатомия стрельбы». В ней исследовалась исключительно *технология* производства выстрела. Поэтому там есть мишень, но *нет про-*

тивника; есть условия стрельбы, но нет опасности; есть стрелковые упражнения, но нет боя!

А ведь бой — это не только стрельба, а меткий выстрел — лишь точка в конце грозной фразы битвы. И хотя спектр психологических проблем ближнего боя слишком широк, чтобы охватить его в целом и детально рассмотреть в книге по стрельбе тем не менее без освещения некоторых психологических аспектов материал по применению пистолета в бою не будет полным.

Как угроза смерти влияет на стрелка? Возможно ли одолеть страх? Сказывается ли смертельная опасность на технологии производства выстрела? Это лишь малая толика вопросов, которые волновали авторов при исследовании «Психологии стрельбы».

ПСИХОЛОГИЯ СТРЕЛЬБЫ

Страх — естественная реакция человека на смертельную опасность. Негативная роль страха в бою хорошо известна и поэтому желание воина *не испытывать страха* — быть **бесстрашным** — вполне объяснимо. Однако «короткий» путь к бесстрашию, а главное его последствия весьма прискорбны. Самые распространенные «прививки от страха» — химическая и психическая «анестезия» (наркотики, фанатизм, боевые трансы) — калечат душу воина, дурманят его разум. Насильственно уничтожая страх, человек утрачивает нечто такое, что, собственно, и отличает его от зверя: способность и потребность **сочувствовать**, **сопереживать**, **сострадать**. Ведь наркоман не станет **сотрудничать** и не будет **содействовать**, ему не нужны **соратники**. Фанатик не захочет **созидать**, он жаждет только разрушать. Язычнику мало **совершить** поступок, он желает вершить судьбами. **Такое бесстрашие и бессовестность** в чем-то очень близки.

И тем не менее решение идти или не идти в бой под «наркомом» остается личным выбором каждого. Те же, для кого невременность наркомана, слепота фанатика и лютость язычника одинаково неприемлемы, имеют право знать, существует ли реальная альтернатива «анестезии» страха?

Пренебрежение опасностью не свойственно человеку, оно противоестественно. Более того, *переживание* угрозы — скорее сильная сторона нашей природы, чем ее изъян. В процессе выживания человека, как биологического вида, страх играет важную роль, являясь, по существу, пусковой кнопкой, переводящей психику в состояние готовности, катализатором, ускоряющим протекание физиологических процессов. Поэтому должно *не подавлять* страх, а *преодолевать* его негативные последствия.

Итак, альтернатива искусственной «блокаде» страха существует. Это — обуздание в себе животного начала, победа над инстинктом самосохранения.

Какие же для этого нужны силы? Что укрепляет бойца в его решимости подняться из окопа, ударить в штыки, броситься в рукопашную? Ответ известен: нравственные силы помогают

человеку сделать осознанный шаг на встречу смерти. Но достаточно ли *этого шага* для победы?

В поиске ответа на этот вопрос обратимся к типичной картине эволюции воина. Новобранец, попав в мясорубку боевых действий, каждую секунду, каждое мгновение тяжело и мучительно борется с парализующим волю желанием спрятаться, уклониться от схватки, выйти из боя. Здесь даже самая малая победа дается ценой невероятных усилий, предельным напряжением всех нравственных сил. Вместе с тем, раз за разом превозмогая дурноту и слабость, подавляя тошноту и позывы, сдерживая дрожь и судороги, новобранец идет в бой, осваивает ратное дело, учится воевать, но... только если выживает. Ясно, что боец рефлексирующий, скованный своими комплексами, подавленный собственной немощью — легкая добыча для противника.

А вот счастливчик, сумевший выжить в первых боях, получает шанс продолжить свое воинское взросление. Растущая опытность и премудрости «науки побеждать» могут со временем начать «работать» на бойца. И тогда на ниве *ратной искушенности* многократно преодоленный, поверженный и побежденный ужас новобранца погибает, чтобы дать жизнь *опасливости, настороженности, осмотрительности* зрелого воина. Так в сражениях, пройдя сквозь боль и смерть, переступив через желание во что бы то ни стало выжить, боец может вырасти в *неустранимого воина*. Однако *стихийное рождение неустрашимости* — редчайший случай, исключение, которое лишний раз подтверждает **правило**: *страх изощряет способность к выживанию*, в то время как истинный воин, если понадобится, сложит голову за доверенное ему дело.

Очевидно, риск гибели, своего рода выбраковки в «естественном отборе» первых боев, слишком велик. Когда же дело касается собственной жизни, как-то не очень хочется полагаться на волю случая. Лучше бы этого избежать, но как?

В поисках ответа на этот непростой вопрос позволим себе небольшое отступление.

Природный кристалл рождается в стихии катаклизма. В утробе матушки-Земли его комкает и мнет чудовищное давление, обдает испепеляющим жаром раскаленная магма. Плане-

та корчится в родовых судорогах. Тектонические плиты громятся и дыбятся в страшной сшибке. Разломы земной коры изрыгают потоки лавы, выдыхают ядовитые пары. Неистовые ураганы, яростные тайфуны и огромные волны разбуженного океана довершают картину этой глобальной катастрофы. Но вот... новорожденный кристалл уже нежится в теплых пеленах глубинных Земных пластов. Чтобы извлечь его на свет и поставить себе на службу, люди раздвигают горы, вскрывают грандиозные разрезы, просеивают сквозь пальцы тонны породы. И счастье, если кристалл будет найден, — чаще «младенец» оказывается в отвале. Но даже если (о, удача!) заветный камень попал в руки, малейшее замутнение, трещина или вкрапление делают находку практически бесполезной.

Эта апокалипсическая картина, конечно, гиперболизирует процесс спонтанного рождения «бойцов-самородков», но суть его отражает верно. В гибельной стихии битв, сквозь страх и боль, чудесным образом, вопреки здравому смыслу, пробивается редкая поросль счастливицков, случайно обретших «природный кристалл» **боевого опыта**.

Но кристалл можно вырастить и в лаборатории.

А что если и война готовить так, чтобы еще в мирное время заложить у него основу неустрашимости — сформировать «**ядро**» будущего боевого опыта? Фундаментом такой подготовки могло бы стать понимание того, что *боевой опыт* — явление целостное и цельное — не делимое на составляющие; что боевой опыт не просто сумма умений, навыков, хваток; что его не получишь «арифметическим» сложением разнородных навыков. Хотя, по всей видимости, это очевидно не для всех. Порой кажется, что идеологи традиционного подхода к боевой подготовке воспринимают слова классика как руководство к действию: и вот, знай себе, учат понемногу «...чему-нибудь и как-нибудь» (ускоренному передвижению, преодолению препятствий, стрельбе, метанию гранат, переносу тяжестей, рукопашному бою), рассчитывая, видимо, на то, что в критический момент схватки нужный навык «окажется под рукой». Однако боевая действительность не раз опровергала подобные взгляды, и эти опровержения писаны кровью.

При организации боевой подготовки нужно во что бы то ни стало избежать соблазна обучать новобранцев исключительно решению «насустных задач» боя, необходимо подняться над сиюминутными потребностями боевых действий, чтобы познать *законы* вооруженной борьбы. Только это поможет остановить конвейер по производству «воинов-спортсменов» и позволит создать питательную среду для рождения бойцов, готовых принять кровавое крещение войной и стать неустранимыми воинами.

Не отягощая книгу подробностями подхода, называемого *эмпириогенным* (от греч. *genes* — рождающий и *empeiria* — опыт), следует тем не менее отметить, что *опыт*, в том числе и боевой, при этом трактуется как *результат синтеза процесса и итогов удачных и неудачных попыток решения реальных задач*. Такому подходу глубоко чужда «игра в солдатики» — всякая «оберточная» имитация боевых действий. Во главе угла стоит **не** реалистичность, а непременно **реальность** учебных задач. В противном случае вместо *опыта деятельности* рождается игровой, «*сценический*» опыт.

Что же нужно для того, чтобы сформировать «ядро» будущего боевого опыта? Ответ известен: питательная среда и центр кристаллизации.

Центр кристаллизации — это *двигательная основа* деятельности, особая телесная пластика, способная реализовать и связать между собой самые разные ратные действия, объединить их в единый, универсальный двигательный комплекс. «Цивилизованный» человек утратил свою первородную пластику, разменял ее на множество спортивных, хореографических, строевых приемов, стилей и школ. Но она может быть восстановлена. Как, какими средствами? Именно об этом все дальнейшее повествование.

Другая сложнейшая задача эмпириогенезиса — создание питательной среды для кристаллизации «ядра» будущего боевого опыта. Ясно, что традиционное *моделирование* боя смысла не имеет — *сымитировать* смертельную опасность невозможно. Где же выход?

В технике, при разработке особо ответственных узлов, приборов или механизмов конструкторы намеренно вводят в про-

ект **избыточность** полезных качеств. Рассчитав устройство на практически *невероятные* режимы эксплуатации, они, тем самым, *гарантируют* его безотказное функционирование в *реальных* условиях.

Это и есть аналог одной из главных методологических идей эмпириогенезиса: коль скоро условия боя вне боевых действий принципиально невозпроизводимы, комплексное *воздействие реальных* угрожающих факторов нужно заменить *избыточной информационной и двигательной сложностью* учебных заданий. Разноплановые, многомерные, пересыщенные неожиданными учебные ситуации должны вводить стрелка в пограничное состояние, подводить его вплотную к стрессу. Именно в таком состоянии, когда выполнение задания требует от человека крайнего напряжения и предельной мобилизации, начинают интенсивно работать *механизмы адаптации*. В такие моменты боец, как губка, по каплям впитывает сущностную, глубинную, родовую влагу *боевого предания*. Только так зарождается, кристаллизуется, возвращается «ядро» будущего боевого опыта. И тогда...

Первые, самые тяжелые для каждого новобранца, боевые эпизоды уже не загоняют его в ступор, не ломают психику, не калечат душу. Бой воспринимается им иначе: да, угроза велика, но она «видна»; да, опасность реальна, но известны «правила безопасности». Страх поначалу еще появляется, но это не парализующий ужас смерти, это, скорее, опасение за работоспособность новых боевых снарядов, еще не опробованных, не проверенных в деле. **Такой страх** не подавляет, не угнетает, а возбуждает, стимулирует, активизирует. Становление неустрашимости уже не «отдается на откуп» *стихийному накоплению опыта боевых действий*, напротив, «ядро» методично и целенаправленно достраивается, наращивается, подвергается огранке и, в итоге, превращается в реальный боевой опыт.

Но это еще не все. Оказывается, эмпириогенезис открывает путь к **подлинному бесстрашию**. Сформированное, созревшее «ядро» будущего боевого опыта, как «горчичное зерно», хранит в себе особый «генетический код» развития — своего рода программу взращивания «плода» непобедимости. Так что, изоцряя в битвах свою ратную искушенность,

обретая опытность, воин нередко перерастает неустрашимость и становится бесстрашным. На Руси такие воины испокон века звались «охотниками». О них слагались легенды, а их ратными подвигами жило боевое предание русского воинства. Бесстрашие «охотника» имеет совершенно иную, нежели «анестезия» страха, природу. Его ратное мастерство столь велико, что он фактически непобедим. Чего ему опасаться, а уж тем более бояться, если бой ведется «под его диктовку»? Переживание схватки «охотником» характеризуется совершенно особыми категориями: потребность, влечение, предвкушение, стремление, охота, воодушевление, рвение, укрощение, торжество. «Охотник» выделяется из грозного строя неустрашимых бойцов не храбростью, а мужеством и отвагой; не безрассудством, а лихостью и удалью; не лютой яростью, а охотничьим азартом. Вся его походная жизнь пронизана боевой поэзией...

Но «...тесны врата и узок путь» к подлинному бесстрашию. Принцип: «учить войска тому, что необходимо на войне», как слепой слепого, ведет в тупик «естественного отбора». Только выполняя учебные задания *невероятной* для боевой действительности *сложности*, можно обрести существенно больше, чем заурядный набор «полезных навыков» — «ядро» боевого опыта. То есть **учиться не для того, чтобы делать, но чтобы не допустить.**

Что это означает в контексте стрелковой подготовки к ближнему бою?

В первую очередь — *объемность* учебных заданий. Слово «объемность» выбрано намеренно, в противопоставление *линейности* традиционных условий стрелкового тренинга. Сюда относится и *пространственная* распределенность целей, и *наложение времени* их предъявления (скрытия), и *направленное противодействие* среды.

Немаловажную роль играет *смысловое наполнение* заданий. Бессмысленная стрельба «по кругам» на количество выбитых очков сокрушает всякие боевые сноровки; полезно только осмысленное *решение огневой задачи* с оценкой: выполнил, не выполнил. Но для этого необходимо исключить из стрелкового тренинга однозначную ясность упражнений (именно

отсюда произрастают типовые варианты), должно существовать *множество допустимых решений*.

И последнее. Для активизации адаптационных механизмов человека категорически необходимы предельное напряжение всех сил и концентрация всех ресурсов его организма. Рождение **опыта**, как, впрочем, любое рождение, не бывает без мук. Вывести стрелка на грань возможного, подвести к краю мыслимого, дать вкусить безысходности — вот сверхзадача наставника.

Существует только одно средство, позволяющее практически беспредельно и, при этом, не лукавя, наращивать сложность стрелкового тренинга: схватка с несколькими противниками — **групповой бой**.

Воин, готовый к ведению группового боя, все прочие обстоятельства боевой действительности воспринимает как упрощение своей задачи. Боец, обученный «видеть ситуацию в объеме», без труда разрешит любой «линейный» конфликт. Специалист, который ориентируется в «многомерной» проблеме, легко проникнет в любую ее проекцию. Словом, групповой бой аккумулирует в себе неисчерпаемый потенциал для творческого осмысления и богатейший запас методологических принципов и закономерностей построения «ядра» боевого опыта. Без стрелкового тренинга, построенного на этом фундаменте, нет пути к подлинному бесстрашию.

ГРУППОВОЙ БОЙ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Бой с несколькими противниками кардинально *меняет условия схватки*. Вместо простой *линейной оппозиции* «стрелок — цель» возникает новая, сложная и многомерная реальность — **«ситуация боя»**. Изменение это столь глобально, что воин, прежде чем приступить к освоению техники группового боя, должен сделать осознанный выбор пути дальнейшего совершенствования во владении оружием. Позднее изменить что-либо будет невозможно, а признание ошибочности своего выбора означает возвращение к этой исходной точке.

Столь ответственное решение невозможно принять, не обнажив глубину пропасти, разорвавшей все многообразие взглядов и отношений к проблеме группового боя на *две непримиримые альтернативы*: по одну сторону — варианты, так или иначе утверждающие, что участие в бою нескольких противников в технологии стрельбы практически **«ничего не меняет»**, по другую сторону, — что **«меняет все»**.

Прежде чем обсудить эти альтернативы, следует упомянуть о так называемом *стихийном* ведении боя. По своей сути стихийный бой напоминает компьютерную «стрелялку». В его основе — скорейшее поражение первой же увиденной цели. Принять осмысленное решение, осуществить продуманный комплекс мер, подготовить выстрел в этом случае практически невозможно. Главное — хорошие рефлексы и предельно высокая скорость реакции. Стрелок как бы забывает об одномоментном присутствии в пространстве боя *нескольких* противников и с *каждым* из них ведет себя так, будто он с ним *один на один*. Очевидно, такой способ ведения группового боя рациональным не назовешь. Это скорее беспорядочное метание в пространстве боя в надежде обнаружить и перестрелять противников раньше, чем это сделают они. То есть *стихийный бой* — единственное доступное средство необученного воина, своего рода *«русская рулетка»*. Хотя, с другой стороны, в случае неожиданного нападения и более опытный воин будет вынужден вступить на зыбкую стезю стихийного боя. Рассуждать о каких-либо закономерностях, когда «бал правит его величе-

ство случай», смысла не имеет. И мы не станем искать *суть* там, где властвуют инстинкты.

Если же говорить о *технике* ведения *группового боя*, то в случае выбора первой альтернативы «**ничего не меняется**», «*ситуация боя*» воспринимается *в целом*, чтобы затем подвергнуться *расчленению* на отдельные локальные конфликты. В результате групповой бой становится банальной **последовательностью** нескольких *дуэлей*.

Следует признать, что подобная тактика достаточно широко распространена. И не удивительно. Во-первых, сложное явление с трудом воспринимается целиком; всегда есть соблазн разложить его на элементарные составляющие. Во-вторых, новую задачу обычно решают «по аналогии», используя старые, испытанные средства. Это во многом объясняет попытки снизить остроту проблем группового боя, разделив его на отдельные поединки. К такому решению подталкивает и то обстоятельство, что на начальном этапе огневой подготовки стрельба рассматривается именно как средство ведения боя один на один.

Очевидно, при реализации первой альтернативы смысл имеет лишь подготовка самых ближайших действий — своего рода *набросок* предстоящего *поединка*. То есть, стрелку, после оценки «ситуации» и деления ее на дуэли, остается *выбрать* рубеж огня для поражения очередной цели и *наметить* пути подхода к нему. Но поединок не заканчивается выходом на рубеж; бойцу еще предстоит стрельба. А результативный выстрел должен быть подготовлен и, следовательно, на авансцену выходит *стрелковая позиция*. Роль *изготовки* детально обсуждалась в книге «Пистолет в ближнем бою. Анатомия стрельбы», однако «ситуация» группового боя заставляет еще раз пристально взглянуть на эту фазу выстрела.

Дело в том, что *деление* боя на отдельные поединки происходит лишь *в воображении* воина. Это, конечно, упрощает восприятие «ситуации», но никоим образом не снижает ее реальную опасность. Противникам нет дела до умозрительных экзерсисов стрелка, у них собственный взгляд на течение боя. Наивно полагать, что пока боец «разбирается» с очередным противником, остальные станут терпеливо дожидаться своей

участи. Будем реалистами: появление неприятеля в тылу или на флангах, — скорее правило, чем исключение, а для увлеченного дуэлью стрелка это равносильно поражению. В этом контексте выбор своего местоположения обретает новое звучание. Очевидно, изготовка бойца идеальна, если ему невозможно зайти за спину или ударить с боку.

Завершая обсуждение первой альтернативы, в которой групповой бой рассматривается как последовательность отдельных поединков, заметим, что при этом может использоваться как прицельная, так и бесприцельная стрельба. Значение имеют только скорость подготовки и точность каждого выстрела. Чем быстрее и точнее стрельба, тем более эффективны действия «дуэлянта».

Итак, если ближний бой — совокупность дуэлей, то стрелку необходимо, оценив «ситуацию боя», разделить ее на отдельные поединки, каждый из которых он начинает с выбора рубежа, подходящего для ведения огня по очередной цели. Наметив путь к выбранному рубежу и достигнув его, воин изготавливается, стараясь при этом оградить себя от возможных атак с тыла и флангов. Затем он стреляет. Поразив врага, боец вновь оценивает ситуацию и, если нужно, пересматривает очередность оставшихся поединков.

Теперь обратимся ко второй альтернативе **«изменилось все»**. Для большинства она менее привлекательна, чем первая. В этом нет ничего странного: отказываться от сложившихся, испытанных вариантов действий и начинать с нуля всегда тяжело. Именно поэтому нужно отчетливо представлять, к чему приводит отказ от простого и, на первый взгляд, естественно-го желания разложить «ситуацию» боя на поединки.

Итак, если «ситуация» — это **не совокупность дуэлей**, тогда, что же она такое? Тогда она — явление целостное, обладающее сутью, наполненное смыслом, имеющее тенденцию. Неприятель поставил перед собой цель, и он стремится к ней изо всех сил. Противник имеет волю, он обучен и тактически грамотен. Следовательно, «ситуация» развивается не стихийно, меняется не спонтанно, а подчиняется строгим внутренним законам возникновения, протекания и разрешения конфликтов. Зная эти законы, можно вести групповой бой расчет-

ливо, рационально, предусмотрительно. Значит, существуют объективные предпосылки для целенаправленного и планомерного противодействия группе противника в ближнем бою.

Таким образом, воспринимая «ситуацию боя» как данность, как феномен, стрелок, будучи последовательным, и разрешать ее должен как явление цельное, неделимое. Из чего следует естественный вывод: *групповой бой*, в этом случае, *ведется не с каждым противником по отдельности, а со всеми сразу*. И пусть этот вывод не покажется банальным. Он имеет огромное методологическое значение. Реализация его на практике в корне меняет рисунок боя.

Поясним сказанное.

Как правило, огонь ведется по визуально обнаруженной цели. Но в групповом бою у стрелка **несколько** противников. Это обстоятельство порождает *необычную задачу* — **поиск групповой цели**. При традиционной огневой подготовке такая задача отрабатывается крайне редко. Чаще *каждая* обнаруженная цель поражается *незамедлительно*, и только потом осуществляется поиск следующей. Однако в групповом бою относительное расположение *всех* противников, характер их *взаимодействия* куда важнее местоположения *каждого*. Для стрелка главное — понять намерения *всей группы*, а не подметить особенности поведения *кого-либо одного*. Сражаясь с несколькими противниками, нужно просчитывать не только очередной свой шаг, но, что гораздо актуальнее, — *прогнозировать* развитие событий, *предвидеть* течение боя. Ясно, что «**очередность поединков**» такой возможности не предоставляет. Нужно нечто иное, своего рода генеральный «**план**» *всего сражения*. Он должен охватывать «ситуацию» во всей полноте: детали обстановки, тенденции ее развития, задачи неприятельской группы, свои собственные цели, задачи и ресурсы. Но главное, план должен отражать *процесс* — протекание боя, изменение ситуации, *а не очередность* отдельных событий.

Из сказанного следует, что оценка «ситуации» в целом, а также поиск и обнаружение групповой цели (всех ведущих бой противников) необходимы для *планирования* ближнего боя. По существу, «план» представляет собой **модель процесса**

уничтожения противников. План тесно увязан с пространственно-временной структурой «ситуации» и пронизывает всю ткань боя, направляя, тем самым, течение схватки в заданное русло.

Важнейшим элементом «плана» является *последовательность* «обхода» противников, своего рода очередность их поражения. «Плановая очередность» определяется с учетом тактического фона, прежде всего активности, значимости и местоположения противников.

Упорядочивая очередность поражения целей по их местоположению, боец часто пользуется заранее отработанным сценарием их «обхода». Существуют, по крайней мере, два типовых сценария, условно называемых «последовательным» и «челночным». В первом случае, поражение начинается с крайней цели и осуществляется *последовательно*, слева направо (справа налево) (рис. 1). Во втором — очередность поражения целей определяется близостью цели к некоторому базовому направлению. Цели поражаются *челночно*: сначала ближайшая правая (левая), затем ближайшая левая (правая) и так от базы к периферии (рис. 2).

Если при планировании учитывается еще и значимость цели, то в первую очередь уничтожаются наиболее важные и опасные противники (главарь, подрывник, снайпер). Чрезмерное усердие и повышенная активность некоторых из них так же может изменить общую последовательность поражения.

Завершив планирование, стрелок вступает в бой, придерживаясь, по возможности, плана. Однако, как говорится, — «план не догма». Если «ситуация» развивается не совсем так, как хотелось бы, план должен корректироваться. Важно не выполнить задуманное любой ценой, а *удержать ситуацию под контролем*, одержать верх в бою.

Таким образом, в соответствии с альтернативой «**изменилось все**», успех в групповом бою становится реальностью, если все противники обнаружены, процесс их поражения спланирован, а каждый выстрел — результативен.

На первый взгляд может показаться, что планомерное ведение группового боя вряд ли возможно. Динамично меняющаяся обстановка, боевая горячка, непредсказуемость схватки не могут не сказаться на способности воина контролиро-

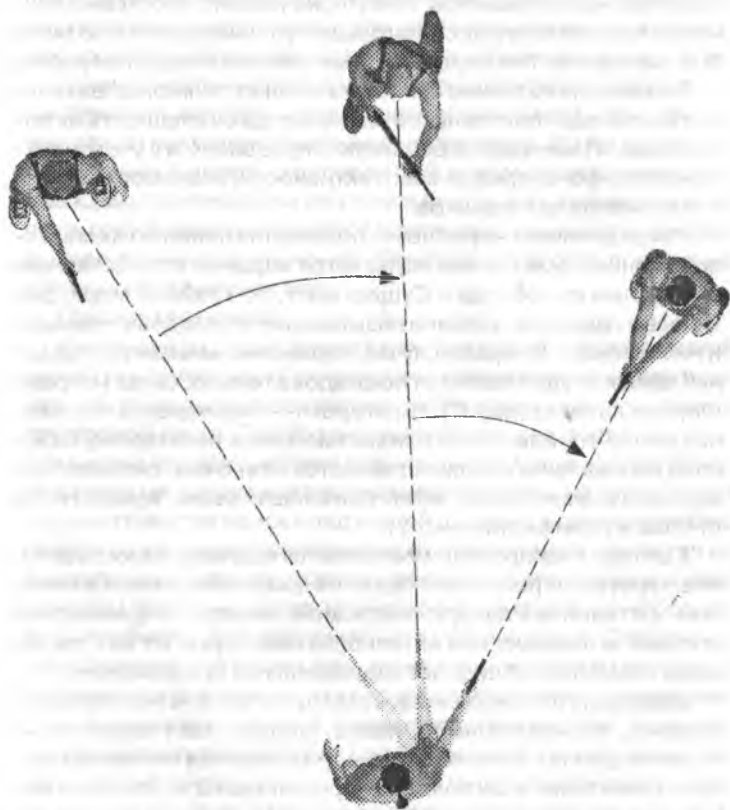

Рис. 1. Схема «последовательного» поражения целей

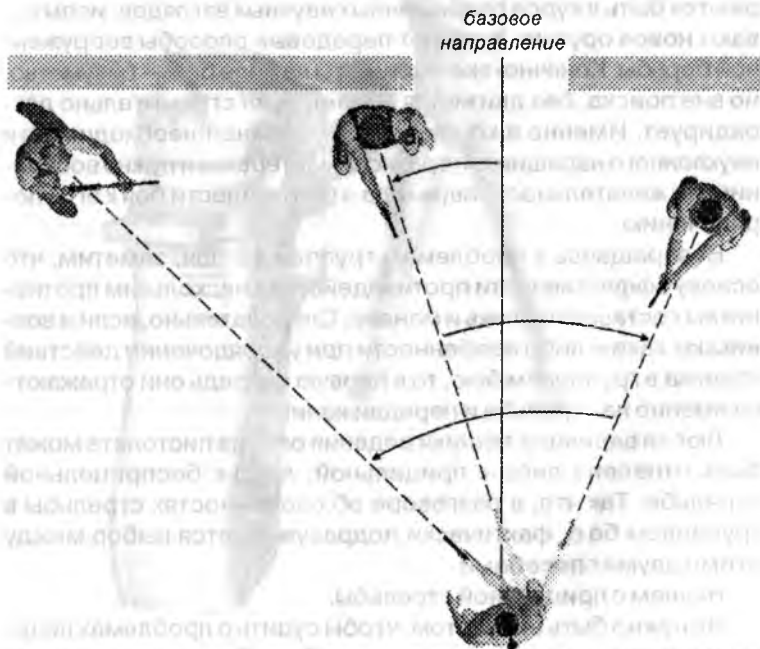

Рис. 2. Схема «челюстного» поражения целей

вать ситуацию. Не будет ли лучше подчиниться стихии боя, а там... будь, что будет?

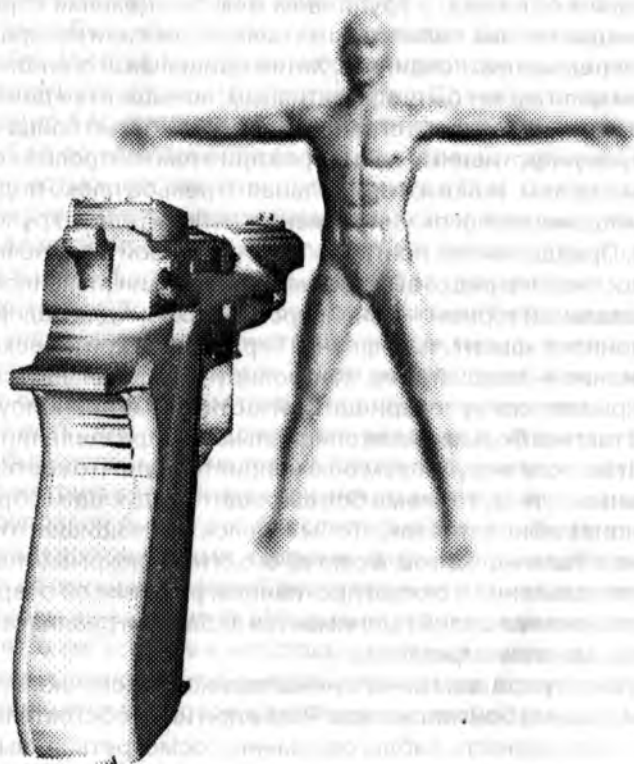
Наше мнение по этому поводу таково. Воин не имеет права «топаться на месте», он должен профессионально совершенствоваться, наращивать свое мастерство. Его стихия — поиск нового. Любой застой в военном деле ведет к поражению. Все, и соратники, и враги настойчиво обобщают боевой опыт, стараются быть в курсе современных научных взглядов, испытывают новое оружие, пробуют передовые способы вооруженной борьбы. Конечно, эксперименты на поле боя — безумство, но вне поиска, без движения вперед воин стремительно деградирует. Именно в контексте безусловной необходимости неуклонного наращивания ратного мастерства и нужно воспринимать желательность перехода от стихийности боя к его упорядочению.

Возвращаясь к проблемам группового боя, заметим, что основу эффективности противодействия нескольким противникам составляют огонь и маневр. Следовательно, если и возникают какие-либо особенности *при упорядочении* действий стрелка в групповом бою, то в первую очередь они отражаются именно на стрельбе и передвижении.

Любая вариация техники ведения огня из пистолета может быть отнесена либо к прицельной, либо к бесприцельной стрельбе. Так что, в разговоре об особенностях стрельбы в групповом бою, фактически подразумевается выбор между этими двумя способами.

Начнем с прицельной стрельбы.

Не нужно быть экспертом, чтобы судить о проблемах ведения прицельного огня в групповом бою. Очевидно, что контроль ситуации, как минимум, означает визуальное наблюдение целей. Но удержать в поле зрения групповую цель — утопия, особенно если учесть стремление противника зайти в тыл или напасть с флангов. Эту и без того острую проблему еще более усугубляет *технология* прицеливания. Не секрет, что удержать «ровную мушку» невозможно без полной концентрации внимания *только на одной* (в данный момент поражаемой) цели (рис. 3). То есть, прицеливание разрыхляет плотную ткань плана боя, нарушает его целостность, вносит стихийность и

Рис. 3. При удержании «ровной мушки», стрелок даже одиночную цель видит нечетко, что же тогда говорить о групповой?

хаос в упорядоченное течение процесса уничтожения противников.

Таким образом, в групповом бою прицельная стрельба вынуждает воина полагаться на волю случая или возвращаться к чередованию поединков. Хотя и прицельный огонь по групповой цели может быть эффективным, но лишь в пределах сектора, ширина которого ограничена способностью бойца «взять на мушку» противника, не потеряв при этом контроль за ситуацией в целом. И все же прицельная стрельба плохо подходит для «планомерного» уничтожения неприятеля в групповом бою. Правда сейчас почти никто не ведет бой в одиночку. Теперь и снайпер редко выходит на задание один (появился даже специальный термин — «снайперская пара»). А для малой группы понятия: фронт, тыл, фланги теряют свое критическое содержание — каждый боец, контролируя персональный сектор, прикрывает спину товарища. Сейчас по этому принципу строится тактика большинства специальных подразделений.

Итак, если в групповом бою неприятель уничтожается прицельным огнем, то схема боя выглядит следующим образом: позиция выбирается так, чтобы стрелок был защищен от нападения с тыла и флангов, а сектор его огня перекрывал направления появления и отхода противника; решение об очередности поражения целей принимается заранее и реализуется по мере подхода неприятеля.

Эта ситуация вам ничего не напоминает? Конечно, это оборонительный бой или засада. Разве при иных обстоятельствах есть возможность заблаговременно осмотреться, выбрать место и дожидаться неприятеля?!

А что, если сам попал в засаду? Отыщется ли тогда выгодная позиция? Убережет ли контроль узкого сектора от роковой ошибки при выборе очередной цели?

Ответить на эти вопросы нелегко. Ясно одно: техника *прицельной* стрельбы существенно *ограничивает* возможности ведения боя с *несколькими* противниками. Пытаться контролировать обстановку в ближнем бою «сквозь прорезь прицела» — крайне безответственно. И на наш взгляд, разговор о прицельной стрельбе в контексте *планирования* группового боя смысла не имеет.

Групповой бой становится реальностью только после овладения техникой стрельбы без традиционного прицеливания. Возвращая читателя к книге «Пистолет в ближнем бою. Анатомия стрельбы», напомним, что, осваивая *бесприцельную* стрельбу, боец целенаправленно активизирует механизмы *адаптации и ориентации* в пространстве. Более того, уровень овладения *бесприцельной* и, особенно, *двухплоскостной* стрельбой во многом определяется степенью реальности, «*физичностью*» *восприятия пространства* боя. Для точного нацеливания стрелок «*привязывается*» к цели. Конечно, объем устанавливаемых связей, их характер, интенсивность, а, следовательно, информативность зависят от уровня подготовки стрелка. Но в любом случае боец, стреляющий *бесприцельно*, уже не «*нарезает*» пространство боя на секторы, а воспринимает его как неделимое целое. И чем выше уровень воина, чем тоньше он чувствует, тем точнее его прогноз развития событий. То есть, для упорядоченного ведения группового боя может быть использована только *бесприцельная* стрельба.

Но действия в групповом бою не ограничиваются стрельбой. Групповой бой — это бескомпромиссная схватка с несколькими противниками, которые, согласуя свои действия, атакуют со всех направлений, ведут огонь с различных дистанций, на ходу, из-за укрытий... И здесь со всей определенностью заявляет о себе вторая ипостась действий воина — *смена стрелковых позиций и перемещение* в пространстве боя. Рассмотрению этих вопросов и посвящены следующие разделы книги.

ПОРАЖЕНИЕ ГРУППОВОЙ ЦЕЛИ

Итак, выбор сделан. Мы либо согласны рассматривать групповой бой как последовательность поединков, либо готовы воспринимать «ситуацию» боя в ее неразрывном единстве. Принятое решение позволяет определиться со способом ведения огня. В «дуэльном» бою годится как прицельная, так и бесприцельная стрельба, а для реализации «плана» подходит только бесприцельная.

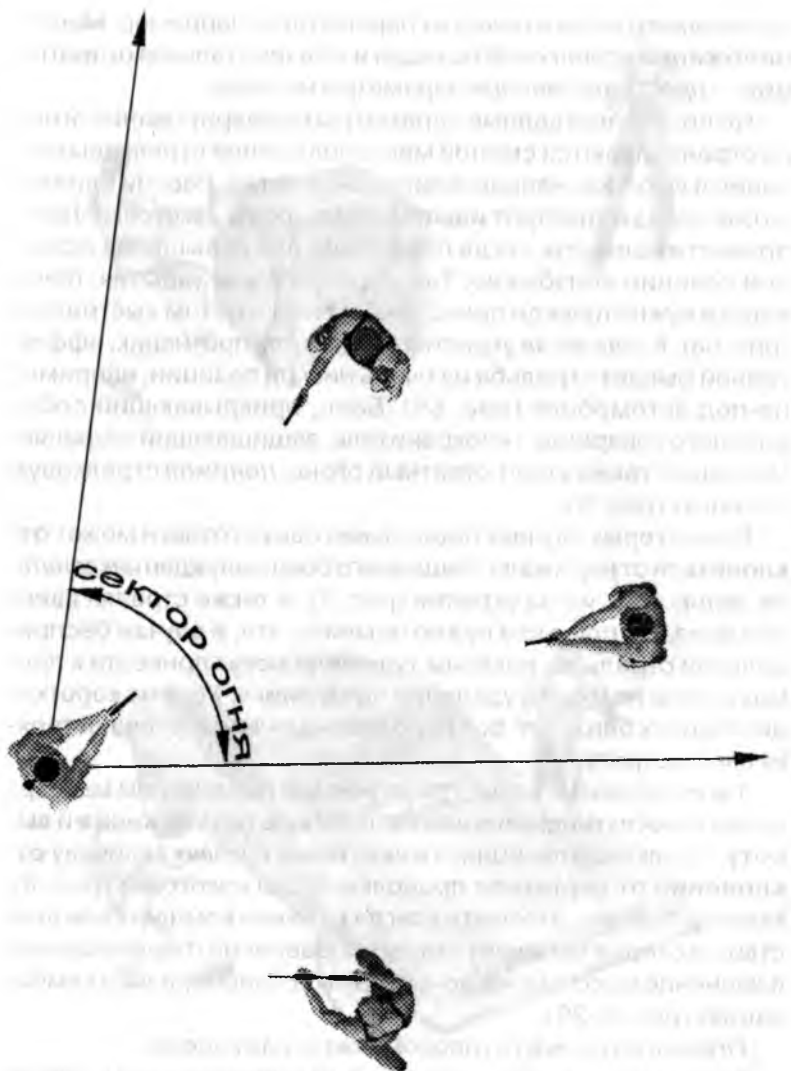
Теперь обсудим вопросы, связанные с *потребностью перемещений* и *необходимостью смены* стрелковых позиций в групповом бою.

Сектор огня большинства стандартных изготовок *ограничен* (рис. 4). Поэтому вести огонь, не меняя стрелковой позиции можно только, если все противники оказались в пределах этого сектора. Но не стоит рассчитывать на то, что неприятель собьется в плотное, послушное стадо и беспрепятственно позволит себя расстреливать. Гораздо дальновиднее с самого начала готовиться к ведению *кругового огня*.

Итак, если смена положений стрелка целеориентирована, увязана с «планом» и адаптирована к особенностям боевой обстановки — это **маневрирование огнем**.

Не следует путать маневр огнем с традиционным передвижением в бою. Перемещение на поле боя не ставит целью обнаружение и уничтожение противника (за исключением разведки боем). Задача перемещения иная: снизить потери, скрытно сконцентрировать или рассредоточить силы, обеспечить внезапность действий. Недаром именно к способам перемещения на поле боя относят переползание, ускоренное передвижение, преодоление препятствий, плавание, десантирование. И хотя любое перемещение может сопровождаться огнем, но, скорее, для того чтобы прикрыть передислокацию собственных сил, чем для уничтожения неприятеля.

Маневрирование огнем осуществляется в пространстве боя и требует определенных временных и энергетических ресурсов. Следовательно, закономерности маневрирования огнем будет правильно описывать в терминах *пространственных*,

Рис. 4. В пределах «сектора огня» стрелок может переносить огонь по фронту, оставаясь на месте (не переступая)

временных и энергетических параметров. Например, **местоположение** стрелковой позиции и ее азимутальная **ориентация** — *пространственные* параметры маневра.

Но пространственные параметры маневрирования огнем не ограничиваются сменой местоположения стрелковых позиций и выбором направления ведения огня. Реалии ближнего боя нередко требуют **изменения высоты** изготовки. Легко привести примеры, когда понижение или повышение исходной позиции неизбежно. Так, стреляя из-за укрытия, почти всегда нужно прежде *привстать*, и только потом выстрелить (рис. 5а). Когда же за укрытием находится противник, эффективной бывает стрельба из очень *низкой* позиции, например из-под автомобиля (рис. 5б). Боец, прикрывающий собой раненого товарища, телохранитель, защищающий «охраняемое лицо» также ведут ответный огонь, *понижая* стрелковую позицию (рис. 6).

В некоторых случаях продольная ось изготовки может **отклоняться** от вертикали. Чаще всего боец *вынужден наклоняться*, ведя огонь из-за укрытия (рис. 7), а также стреляя вверх или вниз. Но при этом нужно помнить, что, в случае бесприцельной стрельбы, наклоны туловища могут привести к промаху, если не учесть удаление противника. Хотя на коротких дистанциях ближнего боя проблема оценки расстояний теряет свою остроту.

Таким образом, к *пространственным* параметрам маневра огнем относят **направление** на цель, **местоположение** и **высоту** стрелковой позиции, а в некоторых случаях величину **отклонения** от вертикали продольной оси изготовки (рис. 8). Маневр огнем — это почти всегда сложное комплексное действие, которое включает смену направлений, перемещение, изменение высоты и наклоны в самых разнообразных комбинациях (рис. 9–29).

Огромную роль в групповом бою играет *время*.

Параметром *временной* структуры маневра огнем является его *продолжительность*. Но при анализе вполне допустимо разделить единое действие на отдельные фазы (*начало, середину и завершение*), каждая из которых будет характеризоваться собственной **длительностью**.

а

б

Рис. 5. Менять высоту изготвки необходимо при стрельбе из-за укрытия (а) или по укывшемуся противнику (б)

Рис. 6. Понижать стрелковую позицию приходится также при выполнении задач прикрытия

Рис. 7. В бою нередко случаи, когда стрелку необходимо наклониться

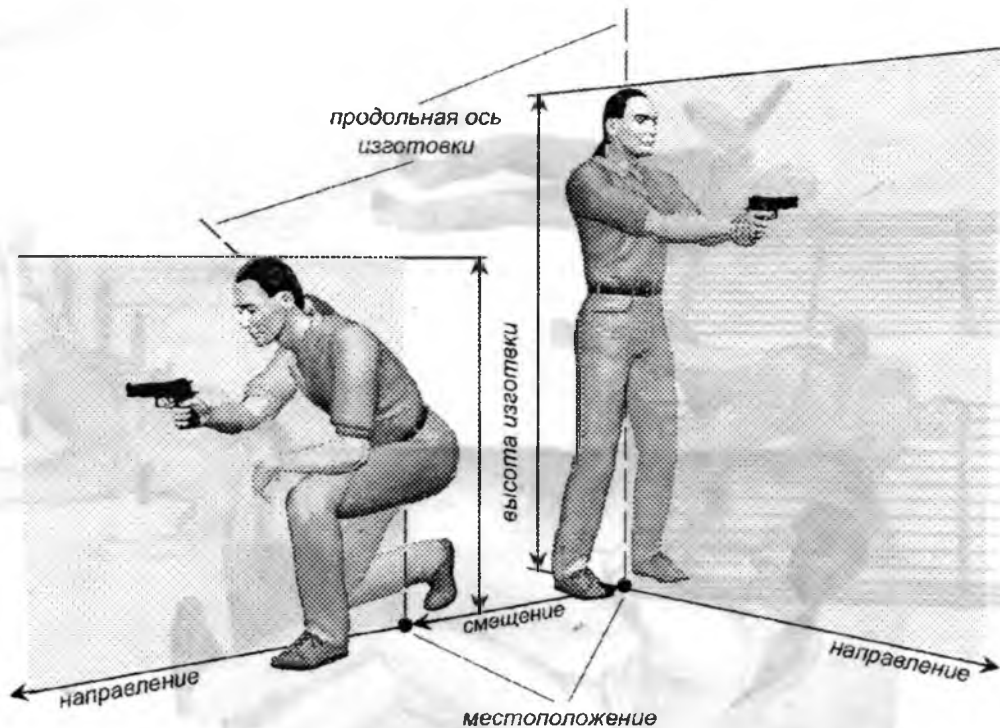

Рис. 8. Маневрируя огнем, боец, как правило, не ограничивается сменой направления стрельбы; он смещается, меняет высоту изготвки, наклоняется

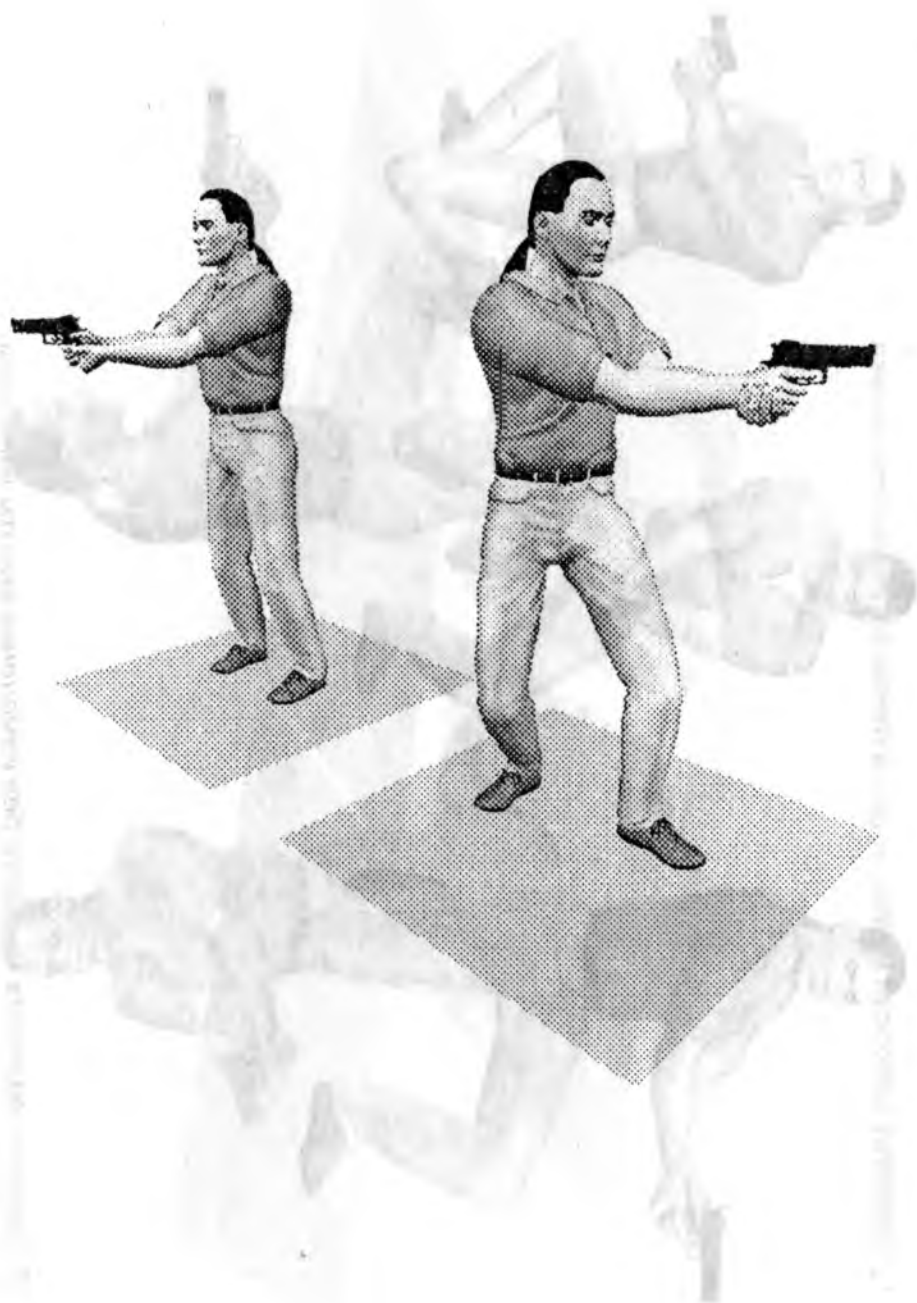

Рис. 9. Поворот на месте без изменения высоты изготовки

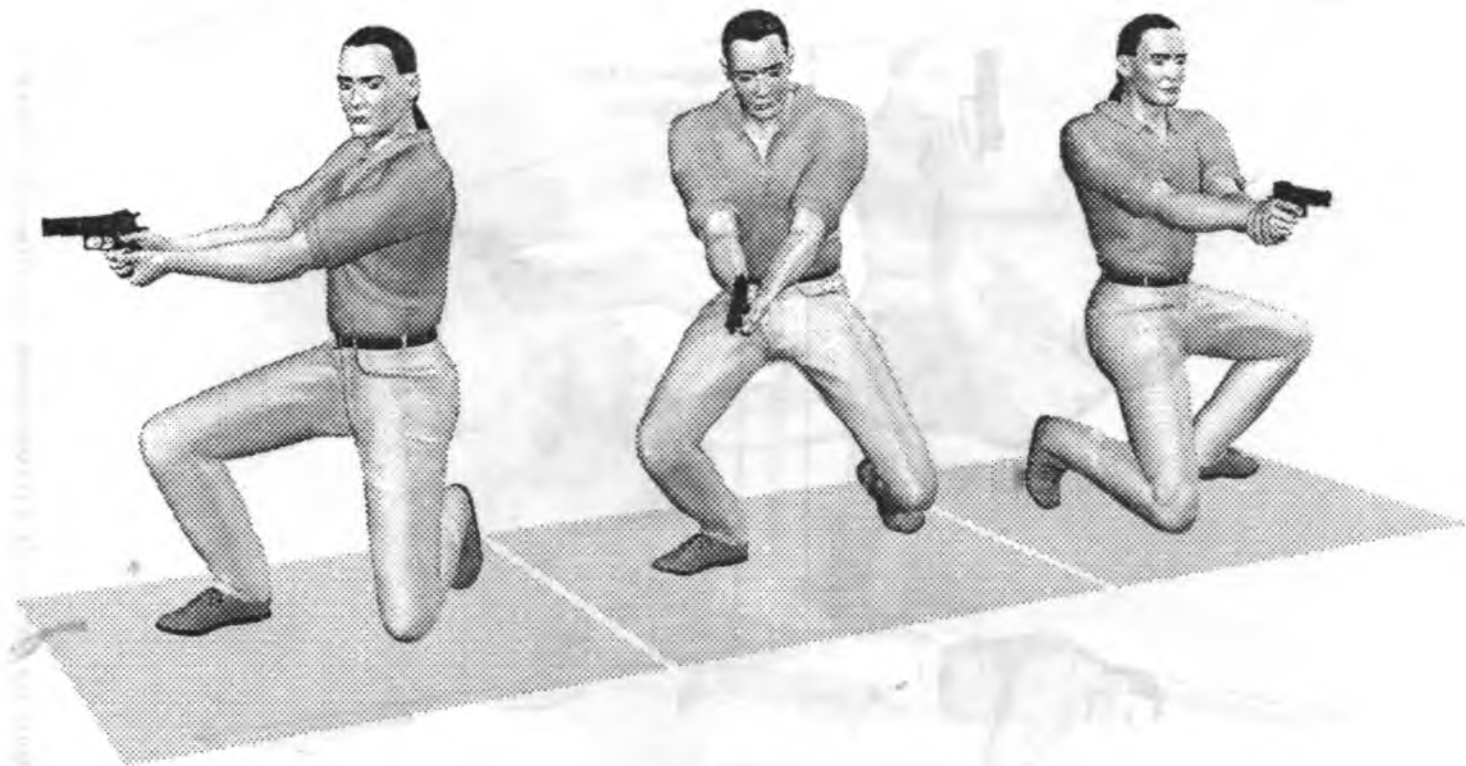

Рис. 10. Вариант поворота на месте без изменения высоты изготовки

Рис. 11. *Вариант поворота на месте без изменения высоты изготовки*

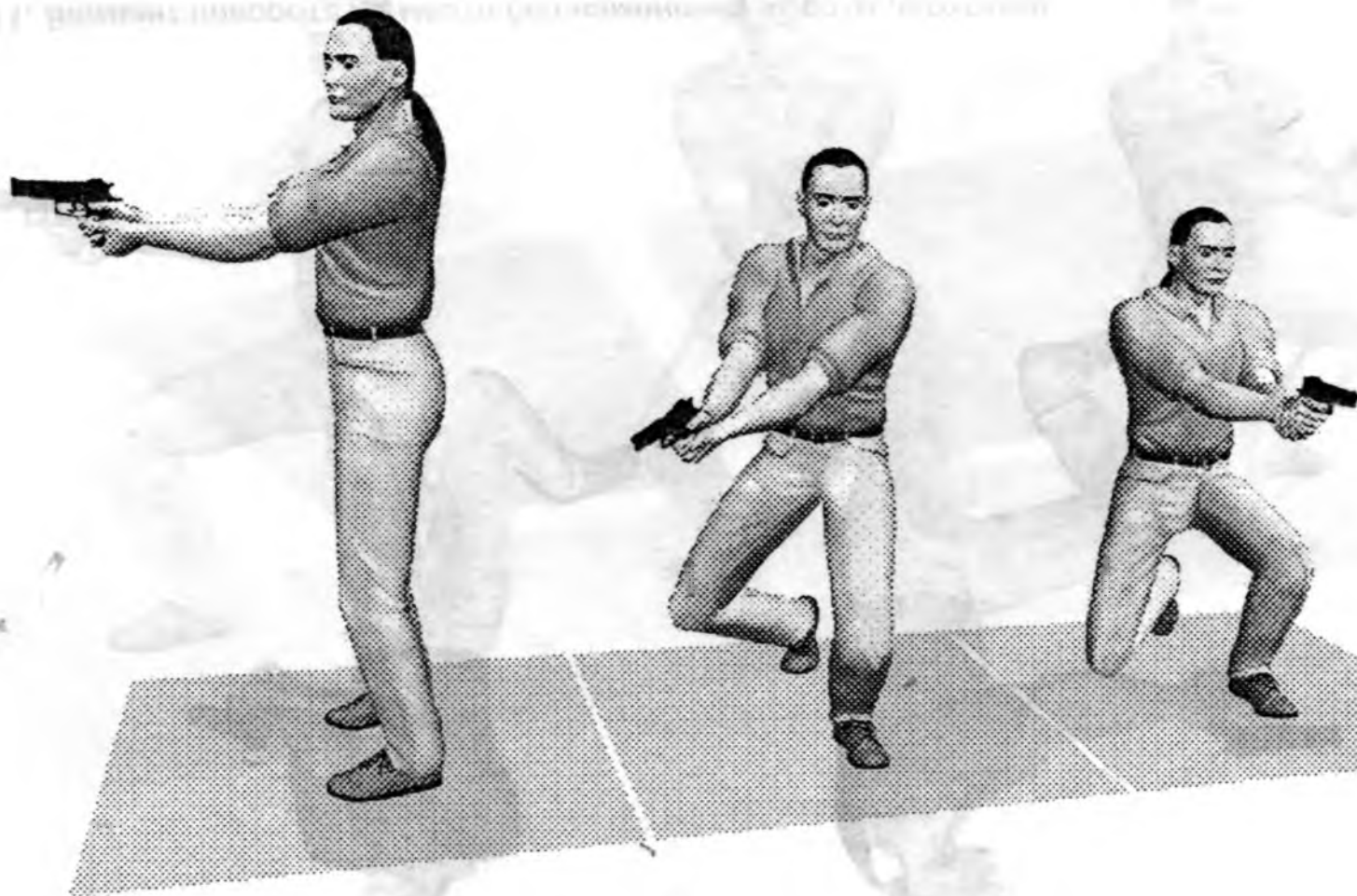

Рис. 12. Поворот на месте с понижением изготвки

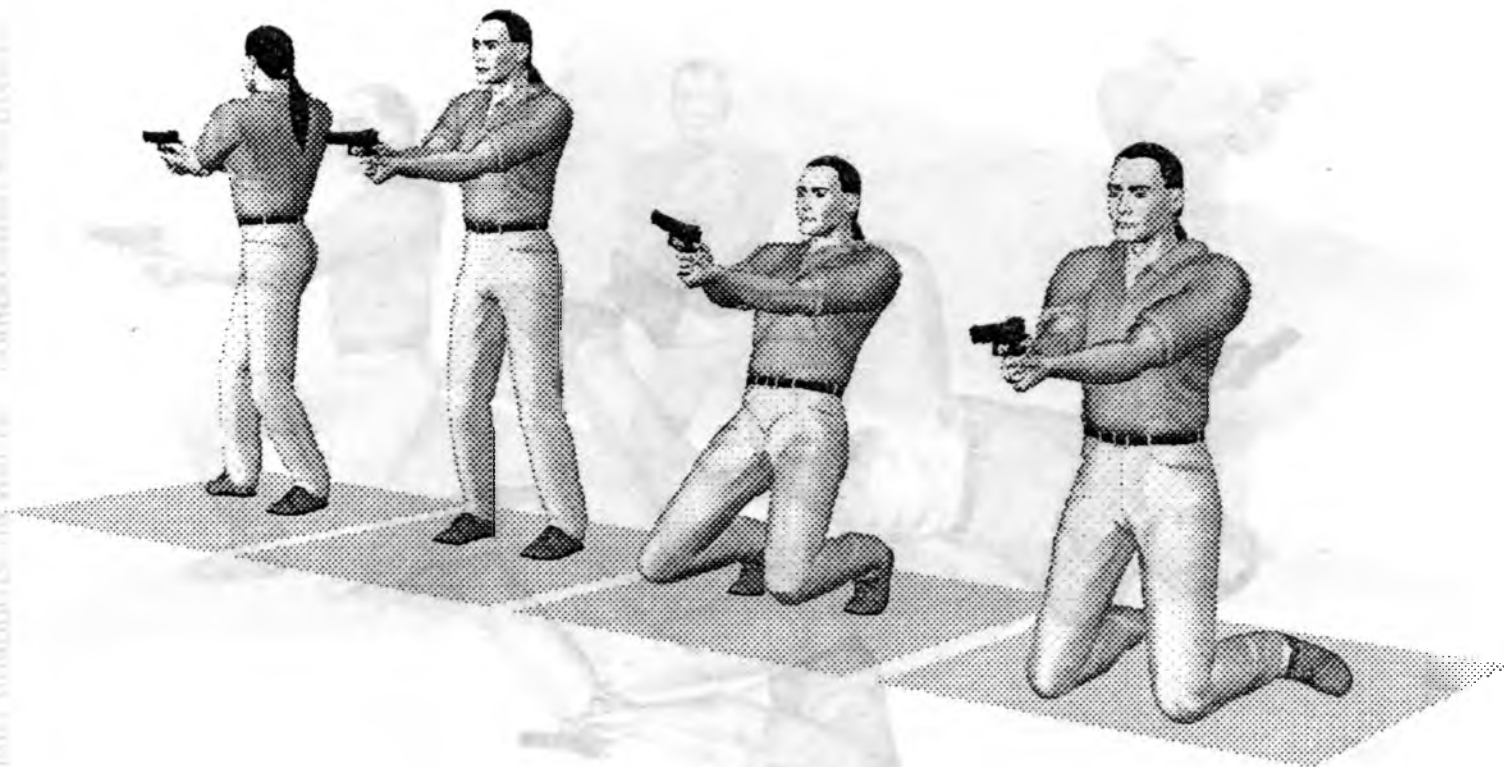

Рис. 13. Вариант поворота на месте с понижением изготковки

Рис. 14. Вариант поворота на месте с понижением изготовки

Рис. 15. Поворот на месте с повышением изготровки

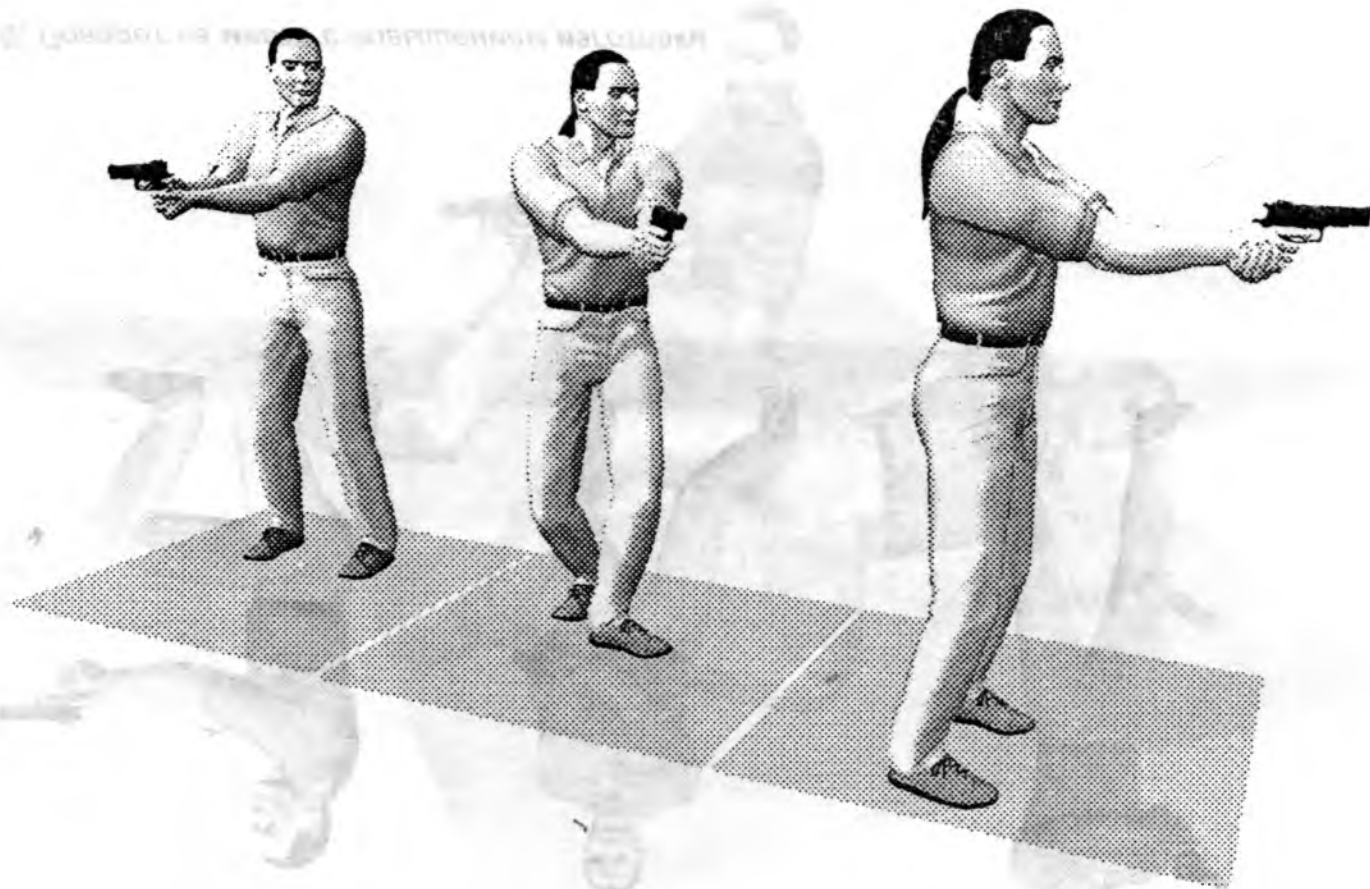

Рис. 16. Поворот со смещением вперед без изменения высоты изготовления

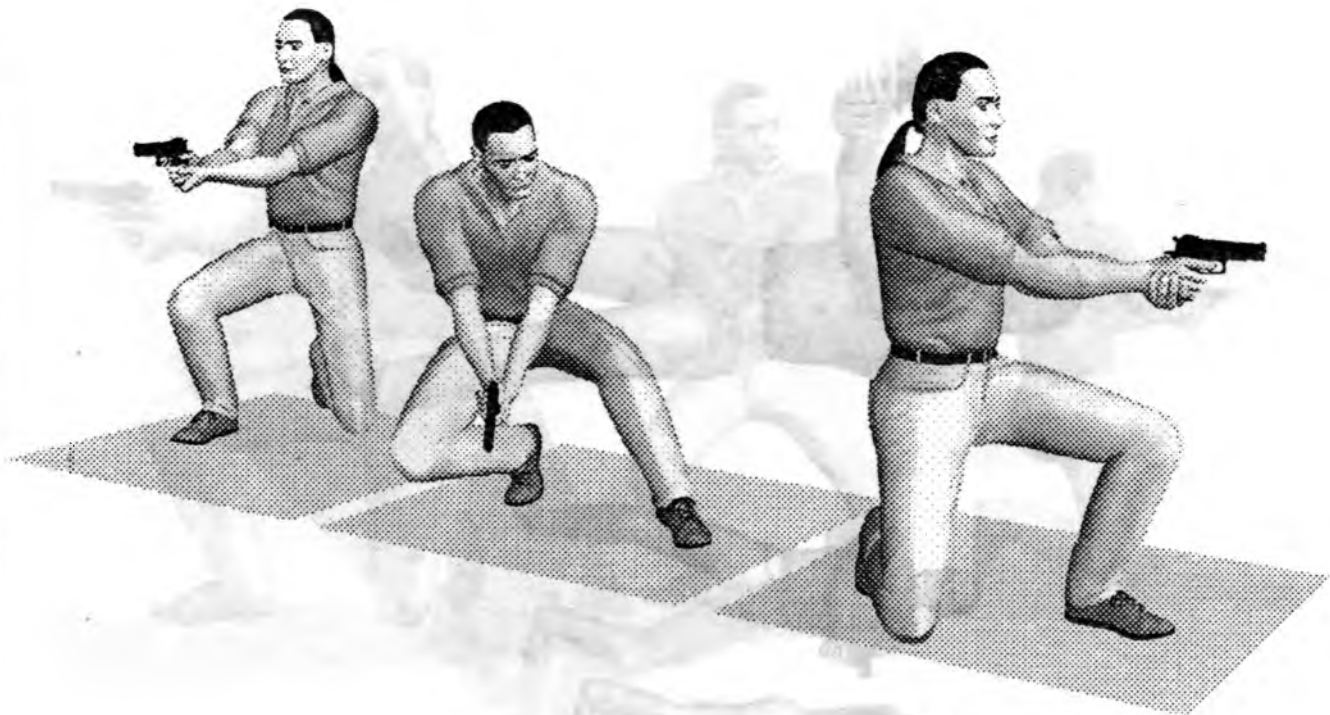

Рис. 17. Вариант поворота со смещением вперед без изменения высоты изготовки

Рис. 18. *Поворот со смещением назад без изменения высоты изготовки*

Рис. 19. Поворот кругом на месте без изменения высоты изготовки

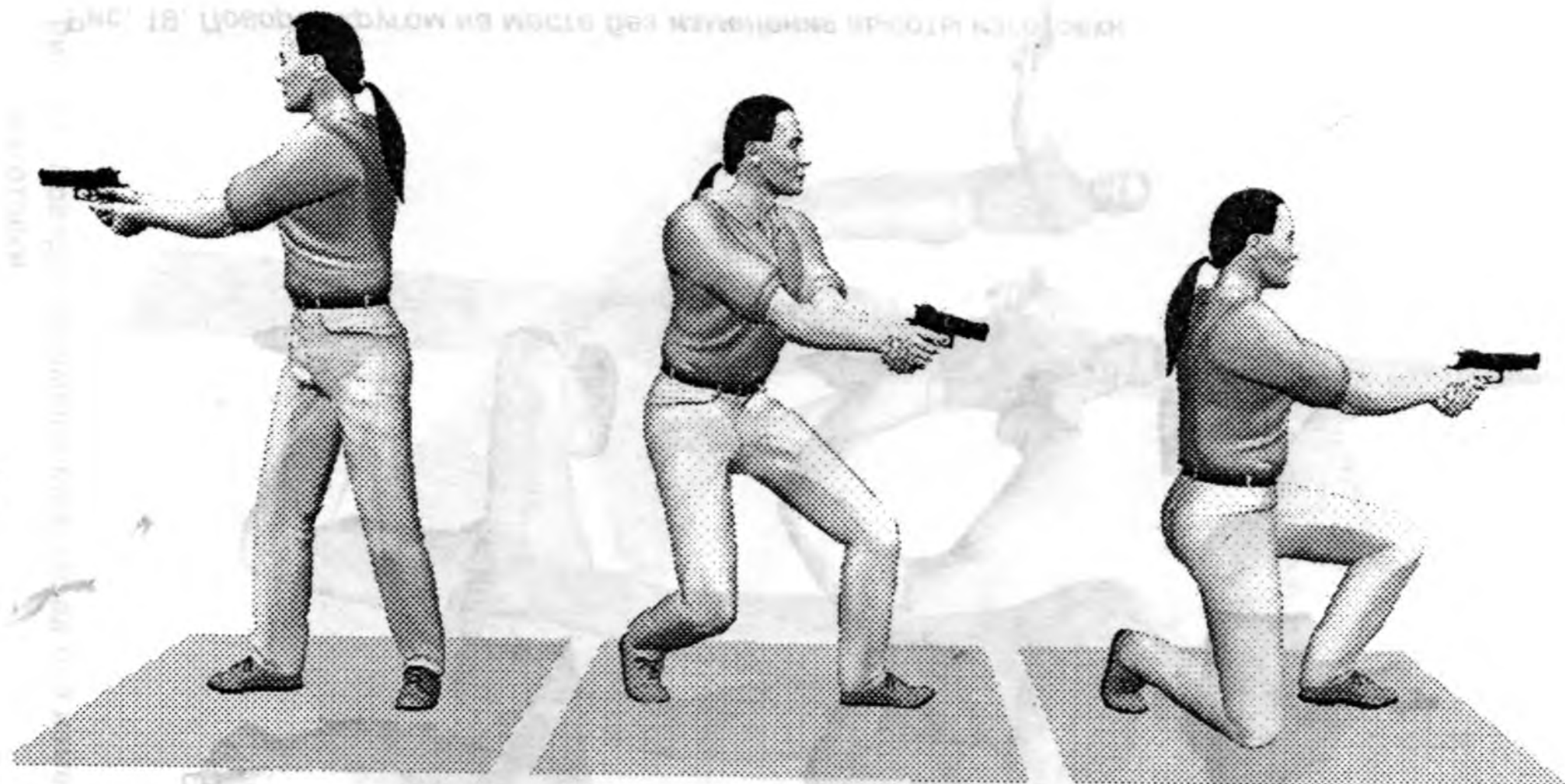

Рис. 20. Поворот кругом на месте с понижением изготровки

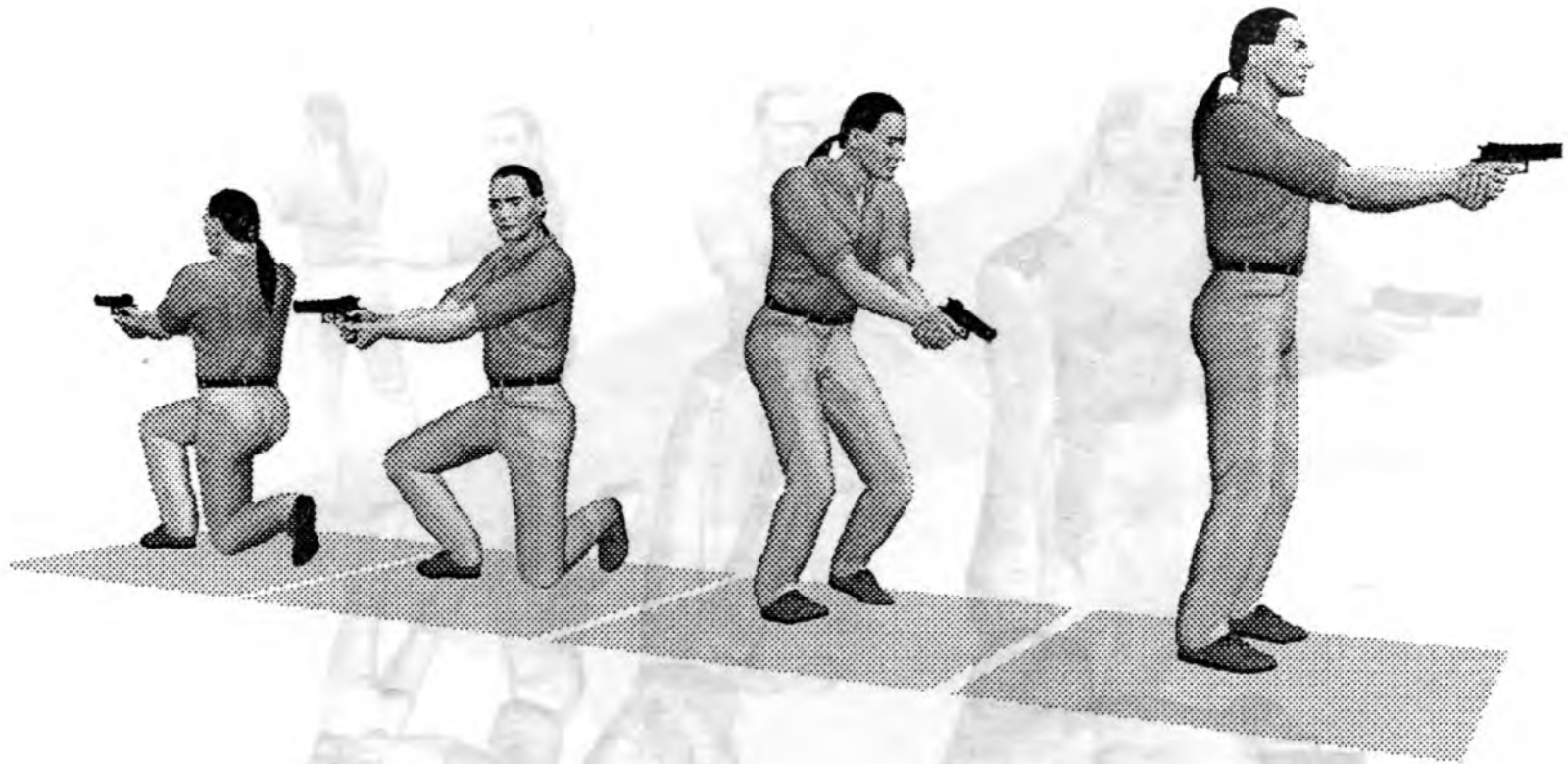

Рис. 21. Поворот кругом на месте с повышением изготвки

УЧ-33

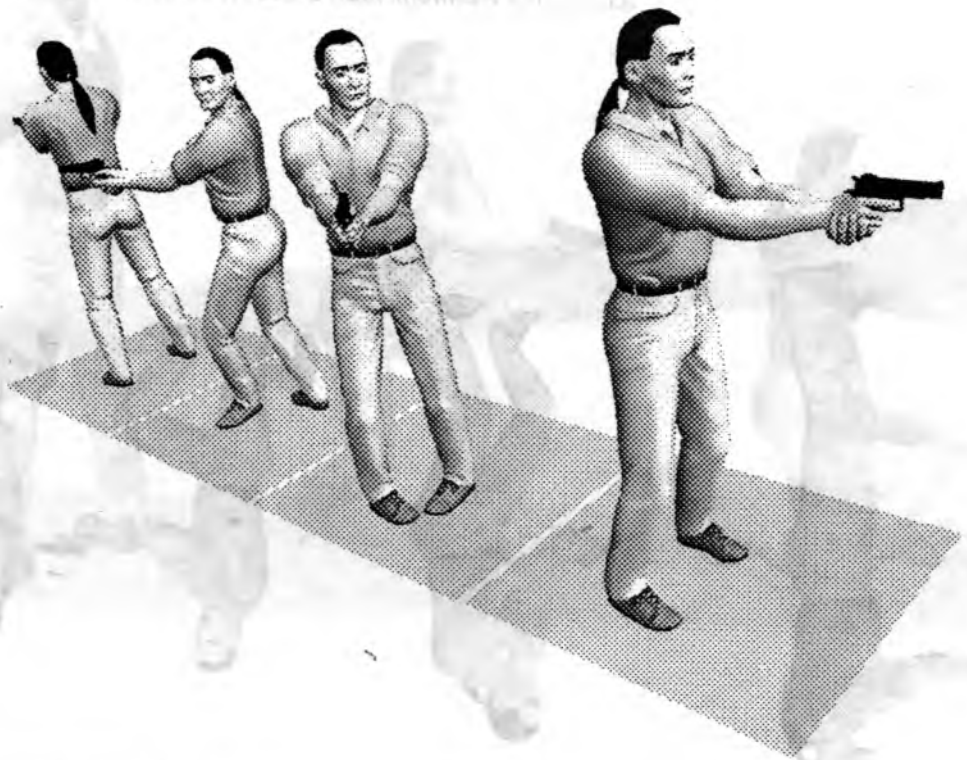

Рис. 22. Поворот кругом со смещением вперед без изменения высоты изготовки

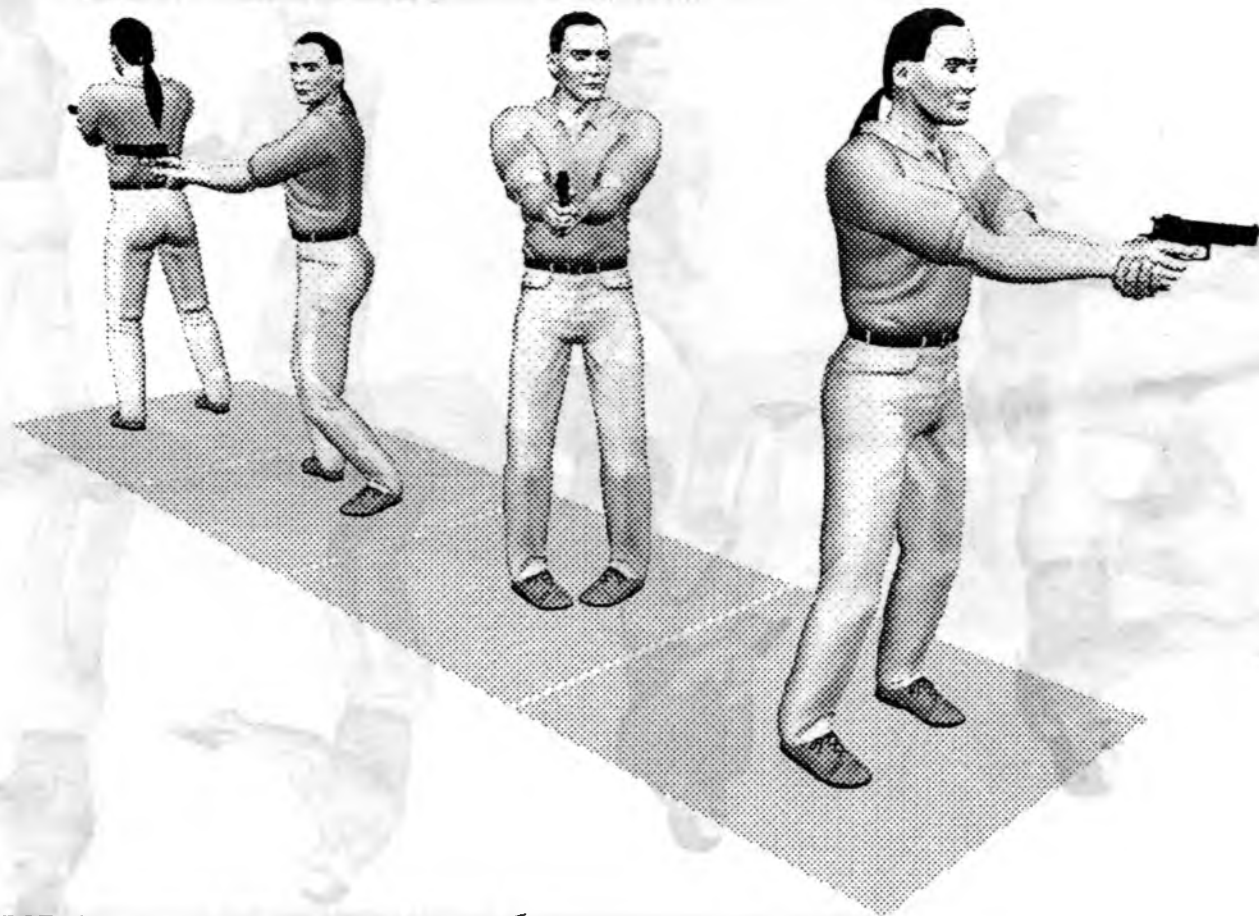

Рис. 23. Поворот кругом со смещением назад без изменения высоты изготовки

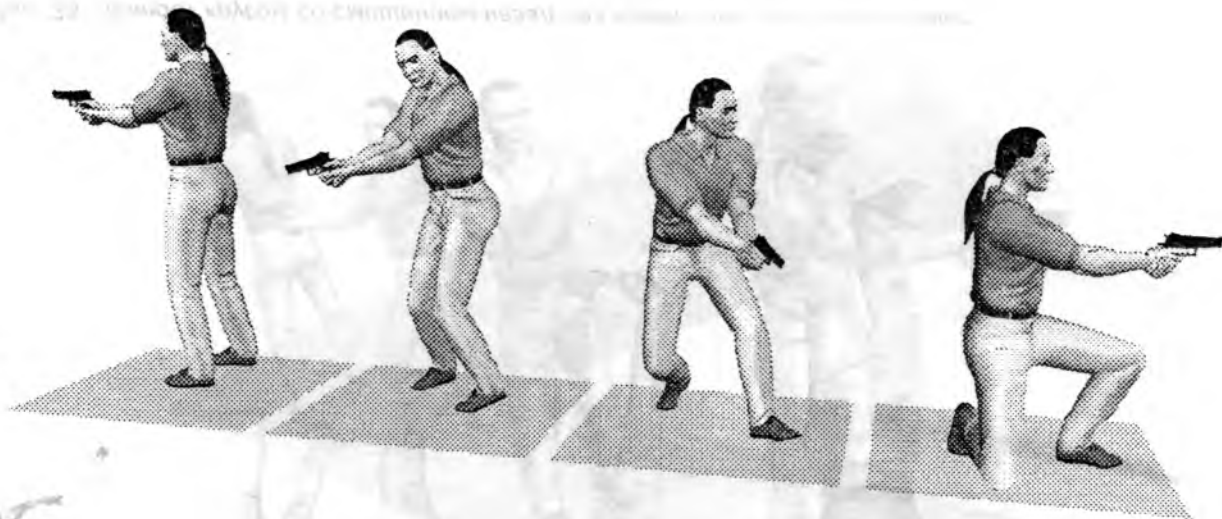

Рис. 24. Поворот кругом со смещением вперед и понижением изготвки

Рис. 25. Поворот кругом со смещением назад и понижением изготовки

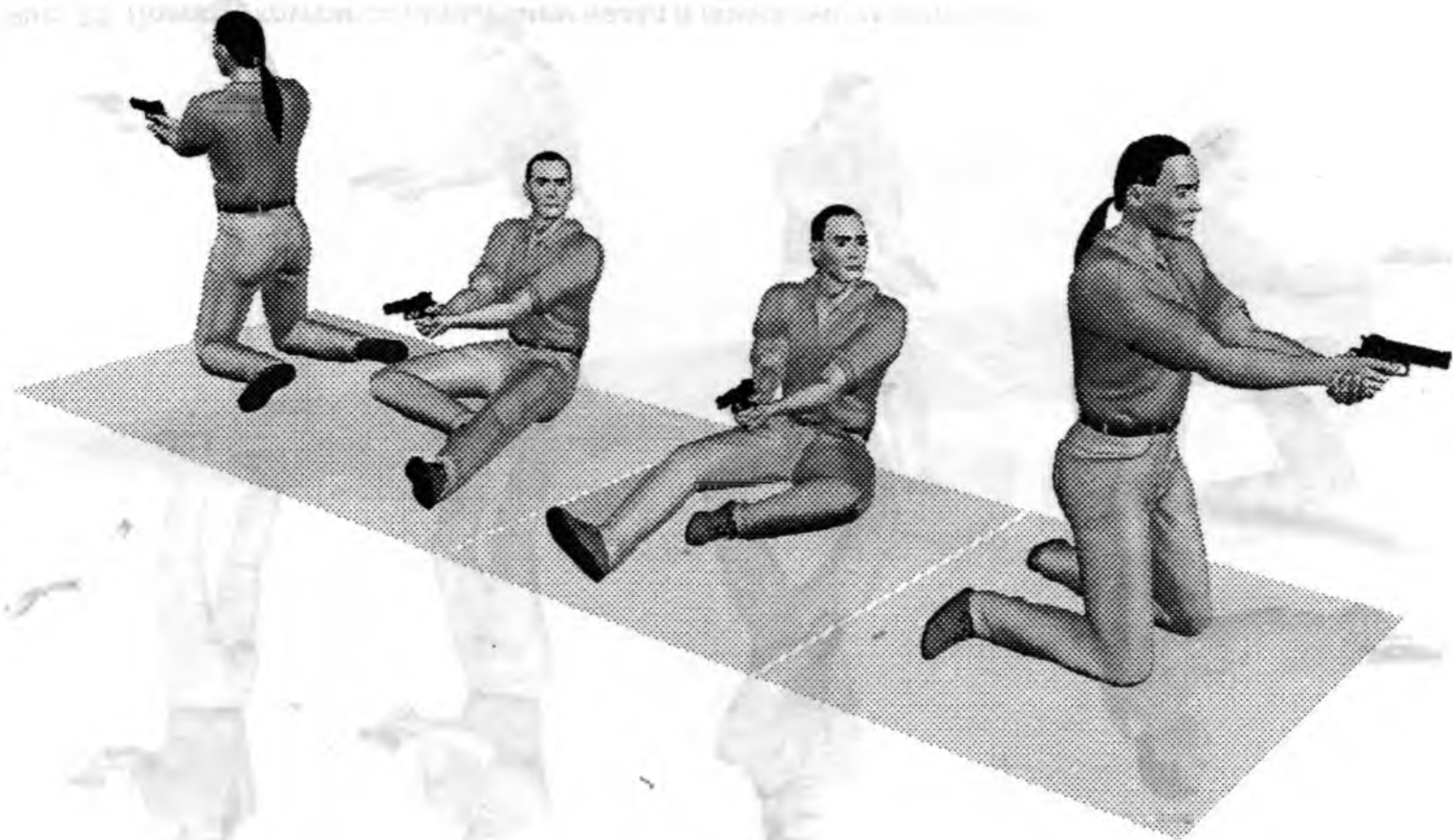

Рис. 26. Поворот кругом посадкой без изменения высоты изготовки

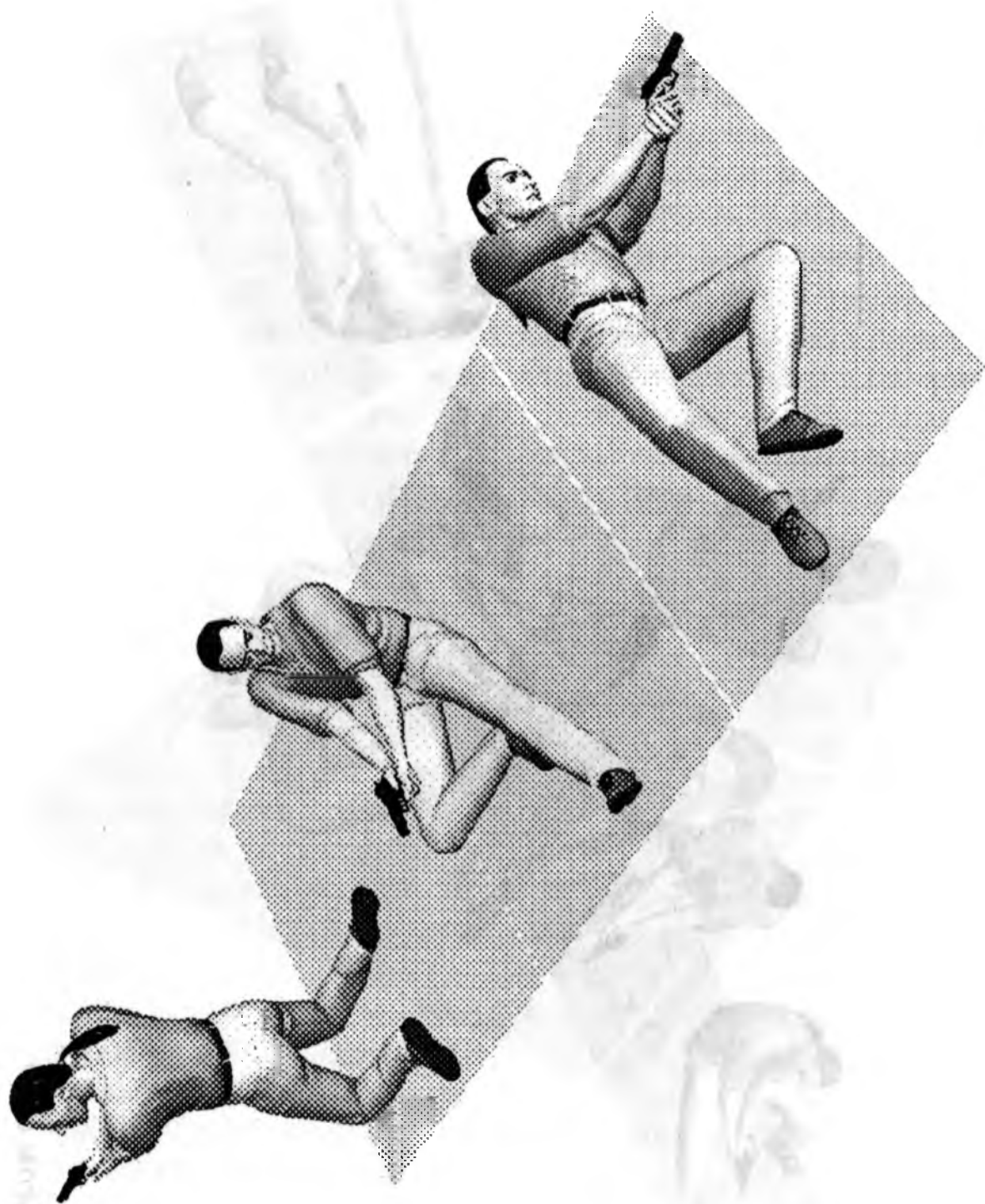
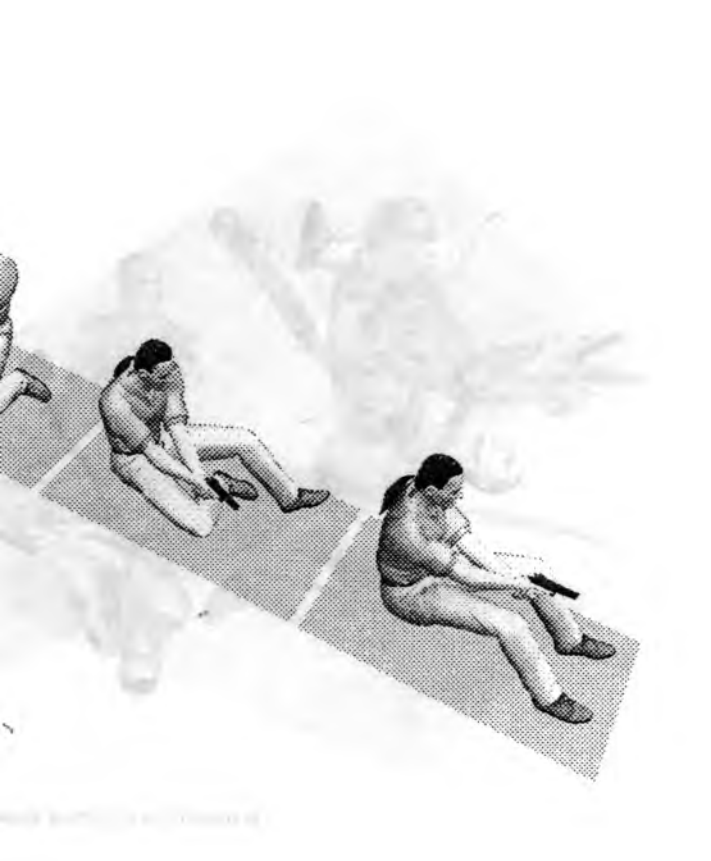

Рис. 27. Поворот кругом посадкой с понижением изготровки

Рис. 28. Поворот кругом сидя

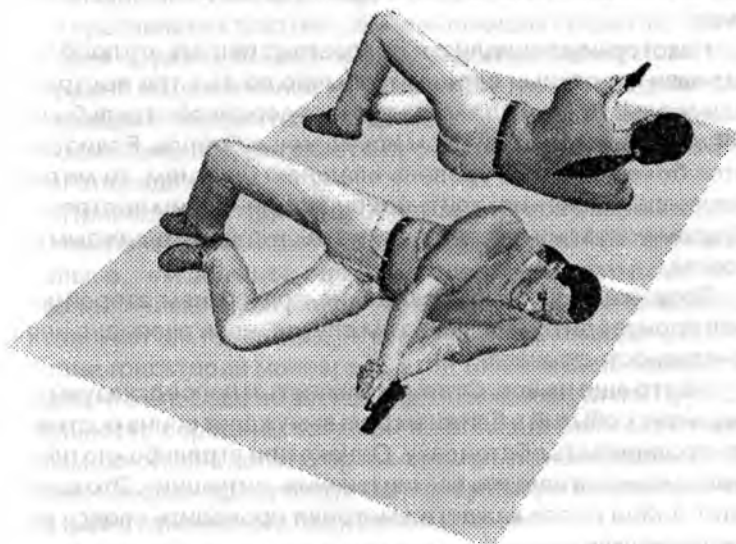

Рис. 29. Поворот кругом перекатом

Начинать очередной маневр можно только после окончания предыдущего. А завершено маневрирование лишь тогда, когда его цель достигнута — враг повержен.

Итак, прежде чем сконцентрироваться на следующем противнике, нужно убедиться в том, что предыдущий не способен продолжить бой. Никто не застрахован от промаха, но даже самый точный выстрел не гарантирует результата. *Попадание и поражение* не имеют устойчивой, повторяющейся и однозначной связи. Известно, что даже смертельно раненный человек способен нанести непоправимый ущерб своему противнику.

Некоторые специалисты предлагают решать эту проблему, стреляя короткими сериями (обычно по два-три выстрела в одну цель). Но на наш взгляд техника серийной стрельбы пригодна лишь для не слишком искушенных бойцов. Если требуется более высокий уровень владения оружием, то методически правильнее исходить из концепции «одним выстрелом». Другими словами, нужно сразу учиться дорожить каждым патроном.

Возвращаясь к теме обсуждения, подчеркнем: второй выстрел производится только в том случае, если очевидна неэффективность первого.

Но это еще не все. Стремительность и непредсказуемость развития событий в ближнем бою вынуждает воина постоянно контролировать обстановку. Однако при стрельбе «по плану» невозможно отследить все изменения «ситуации». Это вынуждает бойца после каждого выстрела проводить своего рода «доразведку».

Таким образом, **продолжительность начальной фазы** маневра складывается из времени, необходимого для *оценки результативности выстрела и корректировки «плана»*.

Длительность средней фазы маневра огнем почти полностью определяется *удалением* очередной стрелковой позиции, а также *трудностями*, поджидающими стрелка на этом пути. Чем дальше рубеж огня, тем продолжительнее маневр; чем проще условия перемещения, тем раньше его можно завершить. Поэтому в зависимости от того, предстоит ли стрелку просто отшагнуть или преодолеть сложный комплекс препят-

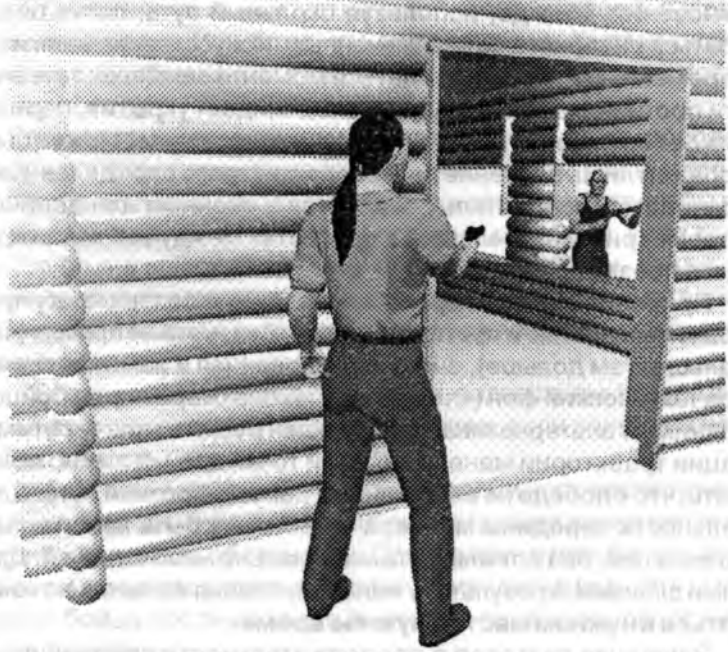
ствий, длительность средней фазы маневра может существенно варьироваться.

Но это — лишь первое приближение, поверхностное описание соотношения пространственно-временных параметров середины маневра. Реальность куда сложнее.

Нередко в ближнем бою появляется шанс занять более выгодную позицию, затратив на это несколько дополнительных мгновений. Иногда, используя окольный путь, легче подобраться к неприятелю незамеченным. Искусственно затягивая перемещение, можно дождаться момента снижения готовности противника к бою (неприятель покидает укрытие, перезаряжает оружие). В некоторых случаях противник может быть поражен лишь в течение интервала со строго определенными границами (неприятель появляется в оконном или дверном проеме (рис. 30), мелькает в просветах между вагонами идущего поезда).

Приведенные примеры обнажают иную связь между продолжительностью и протяженностью. Связь эта не прямая (чем дальше, тем дольше), она опосредованная и замыкается через тактический фон («план» боя). И коль скоро перед бойцом возникает альтернатива, он вынужден решать задачу оптимизации траектории маневра. С этой точки зрения важно понимать, что к победе не всегда ведет самый короткий путь. Длительность середины маневра не обязана быть минимально возможной, она должна быть *минимально необходимой*. Другими словами, в результате маневрирования желательно **«оказаться в нужном месте в нужное время»**.

Завершая разговор о продолжительности средней фазы маневра огнем, необходимо отметить еще одно немаловажное обстоятельство. При маневрировании обретают вес нюансы, забыв о которых легко попасть в весьма затруднительное положение. Так, планируя перемещение, следует помнить о некоторых обязательных манипуляциях с оружием. Речь идет об устранении задержек при стрельбе, перезарядании, замене отказавшего пистолета или подъеме его с земли. Нужно ли подчеркивать, что, если оружие не готово к бою, маневр огнем теряет всякий смысл? Лишь совмещение, а в идеале слияние оружейных манипуляций с перемещением на поле боя, а

Рис. 30. В ближнем бою время на выстрел чаще всего ограничено

также готовность и способность воина адаптировать технику стрельбы к любым неожиданностям схватки, позволит избежать нелепых, трагических опозданий и не скажется на длительности маневра.

Маневр огнем заканчивается выстрелом. Поэтому на **завершающей фазе** маневрирования желательно сохранить визуальный контакт с целью. Только в этом случае можно выстрелить *без промедления*, не теряя ни мгновения на корректировку стрелковой позиции и доводку оружия. Однако в условиях активного противодействия более вероятны обстоятельства, когда выстрел приходится *откладывать* на время, необходимое для корректировки стрелковой позиции. Причем величина задержки выстрела целиком зависит от уровня подготовки стрелка. Чем точнее прогноз действий противника и чем выше технический уровень исполнения маневра, тем меньше потребуются времени для окончательной доводки пистолета. Памятуя о том, что залогом успеха в групповом бою является опережение каждого противника, роль филигранного завершения маневра огнем трудно переоценить.

Подводя итог обсуждению *временных* параметров маневрирования огнем, еще раз подчеркнем: очередной маневр **начинается** после завершения предшествующего. На первой фазе маневрирования в полном объеме восстанавливается контроль над обстановкой. **Средняя часть** маневра затягивается настолько, сколько нужно для преодоления расстояния до очередного огневого рубежа с учетом сложности пути, противодействия неприятеля, неизбежных манипуляций с оружием. **Завершается** маневрирование огнем своевременным выстрелом.

Анализ структуры ближнего боя будет неполным, если оставить без внимания *энергетические* параметры маневра огнем.

Не будем забывать о том, что маневр огнем — это целеориентированная, спланированная и сопровождающаяся результативным огнем смена стрелковых позиций. Другими словами, маневрируя, боец неоднократно занимает стрелковые позиции, отличающиеся друг от друга местоположением, видом и ориентацией.

Ведение огня невозможно без того, чтобы стрелковая позиция, хотя бы на мгновение, стала неподвижной и жесткой. Подвижность оружия — злейший враг стрельбы. Однако смена стрелковых позиций — движение — суть маневрирования. Покой и изменчивость, жесткость и пластика, их единство и борьба создают неповторимую динамическую картину боя, определяют его успех, а способы согласования движения и статичности, их перехода друг в друга лежат в основе техники маневрирования огнем.

Для ближнего боя характерны короткие, скупые, стремительные перемещения. Краткость и скупость маневра выражаются малостью амплитуд и скоротечностью движений, а стремительность — высокими скоростями действий. Каким же образом неподвижная стрелковая позиция сменяется перемещением и как движение вновь превращается в монолит очередной изготовки?

Чудес не бывает. Для того чтобы от неподвижности перейти к движению, необходимо сдвинуться с места и набрать скорость. Завершая рывок на рубеж огня и фиксируя перед выстрелом изготовку, скорость приходится энергично сбрасывать. Таким образом, *разгон* и *торможение* — основные *энергетические* фазы маневра огнем.

Быстро разогнаться или резко затормозить непросто. Прежде всего, это требует значительного энергетического потенциала. Любое изменение скорости невозможно без приложения порой весьма значительных усилий. И чем стремительней разгон, тем интенсивней должно быть торможение.

Связь энергетики движений с результативностью стрельбы очевидна. Начать хотя бы с того, что своевременность выхода на рубеж огня, а уж тем более опережение противника, практически целиком зависят от энергетической составляющей маневра.

А сама стрельба?

Представьте стремительный рывок на перехват ускользающего противника. Каждое мгновение на счету. Инерция разгона «выносит» на рубеж огня. Вот он — момент выстрела. Но... мощь движения неудержимо увлекает дальше, мешает нацеливаться, срывает выстрел. Не затормозил, увлекся, не ощутил

ту грань, за которой движение из союзника превращается во врага.

Таким образом, разгон обеспечивает перехват цели, а торможение — точность ее поражения.

То, что набор скорости процесс очень тонкий, построенный скорее на высокой чувствительности, чем на точном расчете, известно многим автолюбителям. Каждый замечал, что, стартуя от светофора, некоторые автомобили резко уходят вперед, другие же отстают. Чаще всего этот факт объясняют параметрами двигателя. Но не многие готовы признать в этом явлении главенствующую роль пилота. А ведь существует грань оптимального форсирования, до которой возможности техники не используются «на все сто», а после — напрасно «съедается» резина.

Торможение также не простой режим, даже если не принимать во внимание экстремальные условия вождения, а обратить взор лишь на остановку у светофора. С одной стороны, можно интенсивно притормозить на дальних подступах и добираться до черты еле-еле. С другой, — резко затормозить перед бампером впереди стоящего автомобиля. Однако и здесь существует режим оптимального торможения, когда перегрузка на всем интервале от начала торможения до полной остановки остается неизменной, а не вытряхивает душу, швыряя на рулевое колесо.

Наиболее полное выражение понимания важности оптимального графика движения демонстрируют на своих состязаниях спортсмены-биатлонисты. Правда, по протяженности и длительности лыжную дистанцию трудно сравнивать с ближним боем, но концептуально эти виды деятельности очень близки. Альтернатива: быстро бегать или точно стрелять здесь трансформируется в предельно четкую формулу — бегать настолько быстро, чтобы не сорвать ни единого выстрела. Есть, правда, существенная разница — в случае промаха боец, в отличие от спортсмена, не отделается штрафным кругом.

Итак, основным *энергетическим* параметром маневра огнем является перегрузка (**интенсивность** разгона и торможения) на всех фазах маневрирования.

Подводя итог сказанному, еще раз подчеркнем тот факт, что маневрирование огнем — явление сложное и многомерное. Его анализ весьма условен. Маневрирование невозможно разделить на элементарные составляющие, и тем не менее мы попытались это сделать.

Зачем? С какой целью?

Для воина чрезвычайно важно обрести единое и цельное представление о маневрировании огнем, сформировать яркий и ясный образ этой ипостаси группового боя. Тогда освоение техники маневрирования из тривиального разучивания типовых комбинаций превратится в творческий процесс создания своего индивидуального, неповторимого стиля. Такой подход к стрелковому тренингу предоставляет бойцу реальный шанс достичь подлинного воинского мастерства.

Именно в интересах синтеза подходящего образа маневрирования огнем и проводился вышеупомянутый анализ. Теперь, пользуясь его плодами, несложно очистить маневр огнем от мельчайших примесей иных задач группового боя. В итоге маневр предстанет в своем первоизданном виде и раскроет свою подлинную сущность. Однако подобное «рафинирование» не должно выхолащивать маневрирование огнем, лишая его смысла.

Нужный тактический фон подобрать несложно, например, уничтожение выбитого из окопов бегущего противника. Это и есть задача маневрирования огнем в чистом виде.

Но нас не интересует решение каких-либо частных задач. Нам нужен ясный и четкий образ маневрирования огнем. В этом смысле упоминание об уничтожении бегущего противника весьма продуктивно. Оно позволяет обнажить суть маневрирования огнем — **огневое подавление** (преследование).

Подавляя огнем убегающего неприятеля, стрелок испытывает своего рода охотничий азарт. Его увлекает и вдохновляет стихия преследования. Но в то же самое время стрелок ощущает опасность расползания «ситуации», ее распада на составляющие (противники разбегаются, как зайцы). Кажется, еще мгновение и, ... уже ничего нельзя будет исправить. Боец пытается действовать быстрее, но вместо этого начинает спешить и суетиться: за кем бежать, в кого стрелять? Однако же-

вание удержать «ситуацию» под контролем, сохранить ее целостность вынуждает стрелка брать себя в руки и оптимизировать свои действия. Именно так эмоциональное состояние «охотника» стихийно порождает рациональную форму огневого подавления — **стрельбу с места**.

Отсюда следуют очевидные выводы: ядром огневого преследования является быстрая и точная реализация плана поражения всех целей. Перемещения имеют смысл лишь при смене стрелковых позиций или для выхода на рубеж, с которого можно *отсечь* противника от потенциальных укрытий (удерживать в пределах простреливаемой зоны).

Резюмируем: тактическое содержание маневра огнем — **огневое преследование** — характеризуется предельной *скупостью* перемещений, *стремительностью* изготовки и снайперской *точностью* кругового огня. Идеальный образ маневра огнем — **стрельба с места** (рис. 31–35).

Вопросы, связанные с применением оружия, решаются в соответствии с требованиями, предъявляемыми к нему. В частности, это касается выбора типа оружия, его калибра, длины ствола, массы, удобства использования и т. д. При этом необходимо учитывать, что оружие должно быть эффективным, надежным, удобным и легким. Кроме того, оно должно быть простым в обращении и ремонте. Все это является основой для выбора оружия, которое будет использоваться в различных условиях боя.

Рис. 31. Для того чтобы стрельба с места стала по-настоящему скоростной, необходимо научиться связывать отдельные стрелковые позиции в целостную стрелковую комбинацию. Приведенный выше набор типовых приемов маневрирования огнем предоставляет такую возможность. Удачной может считаться та комбинация, которая позволяет стрелку вести круговой огонь оставаясь на месте (не переступая)

Рис. 32. Еще один вариант стрелковой комбинации, при выполнении которой боец не перемещается

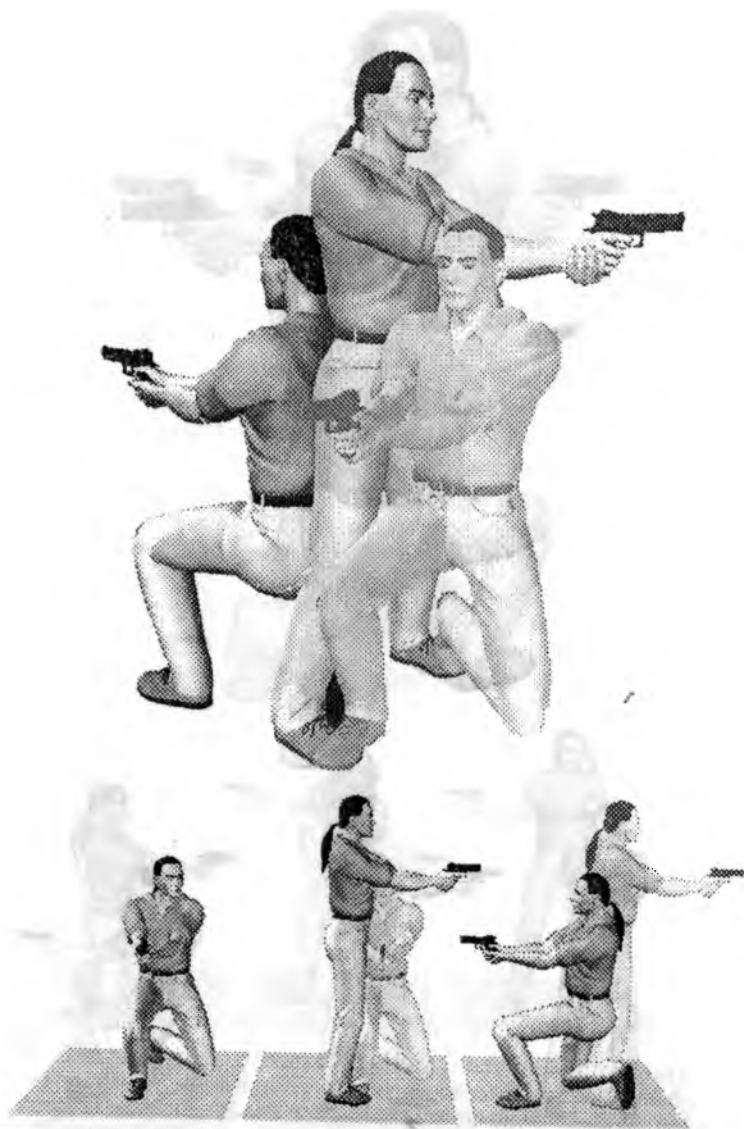

Рис. 33. На этом рисунке приведена стрелковая комбинация, выполняя которую боец вынужден сделать один шаг

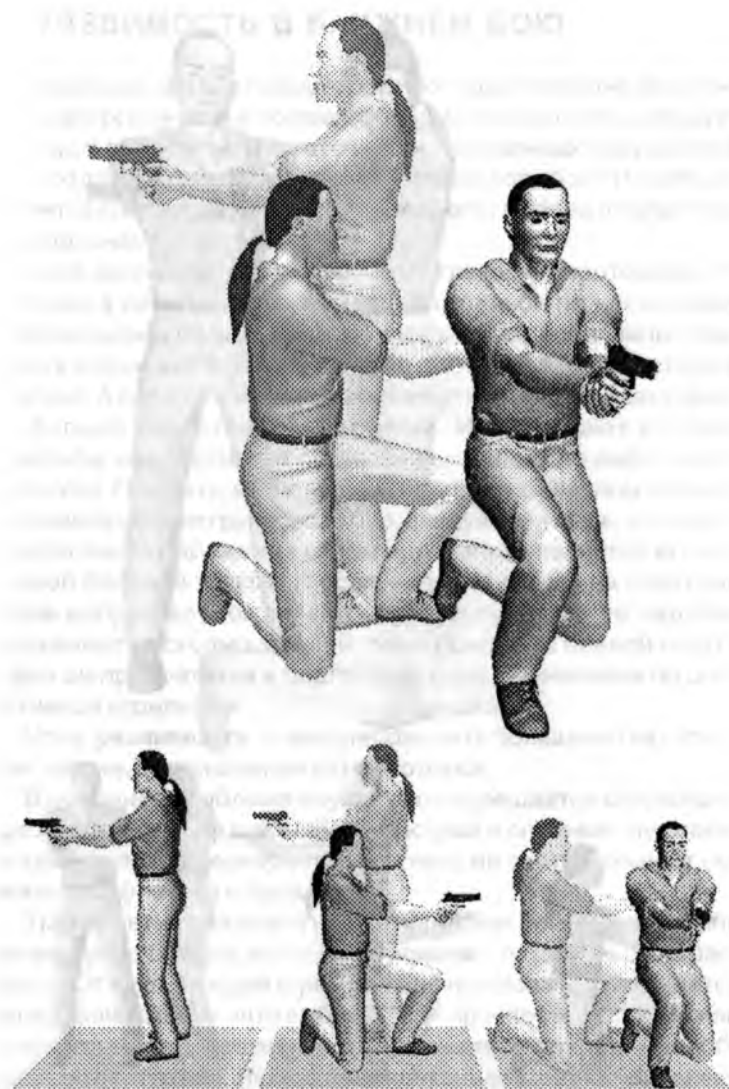

Рис. 34. В этой стрелковой комбинации боец перешагивает дважды

Рис. 35. А здесь делает целых три шага

НЕУЯЗВИМОСТЬ В БЛИЖНЕМ БОЮ

Завершив анализ параметров пространственной, временной и энергетических составляющих маневра огнем, следует задаться вопросом: достаточно ли полученных результатов для создания и освоения техники группового боя? И вообще, является ли наличие нескольких целей его главным отличительным признаком?

Если взглянуть на эту проблему глазами спортсмена, то выстрел в неподвижную мишень и стрельба по нескольким появляющимся целям — разные спортивные дисциплины (чемпион в одном упражнении вряд ли добьется того же успеха в другом). А вот с точки зрения воина в этих упражнениях гораздо больше сходства, чем отличий. Их сближают условия стрельбы: на спортивных состязаниях *мишени не ведут ответного огня*. Поэтому, возвращаясь к вопросу о *главном отличительном признаке* группового боя, следует признать, что именно *опасность поражения* огнем противника является его истинной болевой точкой. И если, «закрыв глаза» на ответный огонь неприятеля, ограничить стрелковый тренинг задачей поражения нескольких целей, то из предмета боевой подготовки он превратится в подготовку к соревнованиям по оперативной стрельбе.

Итак, **уязвимость** — ахиллесова пята большинства стрелков, камень преткновения их подготовки.

В *поединке* проблема неуязвимости решается *опережающим выстрелом*. Но даже самый быстрый и опытный «дуэлянт», оказавшись под перекрестным огнем, не застрахован от поражения с флангов и тыла.

Тысячелетия сражений и битв породили легионы поистине легендарных бойцов, но тайна неуязвимости так и не была раскрыта. От века, каждый воин, раньше или позже, оказывается перед дилеммой — «что выбрать?» — прочность доспехов или изворотливость, возможность «держать удар» или способность уйти от атаки. Любое предпочтение имеет как сильные, так и слабые стороны, но важно понять, что от сделанного выбора зависит техника и тактика ведения боя. Чем прочнее снаряжение и экипировка, тем менее подвижен воин (костюмы

для разминирования, например, совершенно непригодны для ближнего боя). Хотя, с другой стороны, полное отсутствие защитной экипировки приводит к не всегда оправданному риску получить тяжелое ранение случайным осколком, шальной пулей или рикошетом.

Единственно верного решения не существует.

Когда группа захвата нейтрализует одного, двух бандитов, защитная экипировка бойцам необходима. Численный перевес позволяет им четко спланировать операцию, заранее распределить роли и стремительно обезвредить преступников. Защитное снаряжение уберезет их от случайной пули или «выстрела отчаяния». Подавляя числом и натиском, можно не слишком заботиться об изворотливости.

Но вот иная ситуация. Оперативник в одиночку противостоит целой банде. Времени на размышление нет, подкрепления не будет. Уйти или принять бой? Таскать на себе массивный бронежилет и неподъемную «сферу» глупо. Да и шайка головорезов всегда брала верх над закованным в латы рыцарем. В подобной ситуации только особая мобильность, изворотливая подвижность способны уравнивать шансы «волкодава» и «стаи».

Вывод очевиден: групповой бой — бескомпромиссная схватка с несколькими противниками, в которой **неуязвимость** достигается **сочетанием** защитной экипировки и особого рода маневренности. Чем выше профессиональный уровень воина, тем меньше он зависит от защитного снаряжения. Следовательно, при подготовке к групповому бою необходимо целенаправленно развивать изворотливость и увертливость — осваивать технику защитного маневрирования.

Специалистам известна форма перемещений, позволяющих исказить видимую противником картину боя: скрывать намерения, размывать контуры, смазывать детали. Подобными свойствами обладают движения с так называемой «мерцающей» пространственно-временной структурой. «Мерцающая» цель своими парадоксальными смещениями и неожиданными трансформациями либо мешает неприятелю изготавиться, либо срывает, казалось уже, подготовленные выстрелы.

Какова же физическая природа «мерцания»?

Совокупность признаков, позволяющих идентифицировать (выявлять) цель на фоне прочих объектов, образует информационное поле. Достаточной полнотой, а, значит, и особой ценностью для стрелка обладает визуальная (зрительная) информация. Именно визуальные параметры (основные — силуэт цели, и косвенные — демаскирующие признаки цели) имеют первостепенное значение для стрельбы. Прочие составляющие информационного поля (акустическая, тактильная, температурная, обонятельная) подавляются зрением и при стрельбе по видимой цели не используются.

Главным визуальным параметром является *вертикаль силуэта* цели. Следовательно, **пространственная составляющая «мерцания»** должна создаваться особой формой телесной подвижности, которая не позволит противникам выявить вертикаль силуэта бойца и зафиксировать на ней оружие.

Какими же средствами достигается нужный эффект?

Прежде всего — *смещением*. Постоянно перемещаясь, парадоксально и неожиданно меняя направление, боец мешает противникам изготавиться и прицелиться, сбивает «ровную мушку», не позволяет выбрать точку встречи, срывает сопровождение (рис. 36, 37).

Кроме того, осложнить стрельбу можно *меняя высоту* цели. При этом силуэт укорачивается с расчетом на уменьшение площади поражаемой поверхности (рис. 38).

Необходимой составляющей защитного маневрирования является *деформация силуэта*. Раньше для этого использовали широкую, свободную одежду. Не зря солдаты Великой Отечественной носили плащ-накидки. Но чрезмерно просторная одежда в бою неудобна. В наше время широко распространен так называемый «камуфляж». Однако на коротких дистанциях покровительственная окраска одежды малоэффективна. Поэтому в ближнем бою контуры силуэта «размываются» исключительно за счет естественной подвижности тела. *Наклон* — основа защитной деформации (рис. 39). Меняя угловое положение туловища, боец существенно затрудняет прицеливание (нацеливание). Этот эффект знаком каждому стрелку — в ростовую мишень проще попасть, когда она стоит, а не лежит (рис. 40).

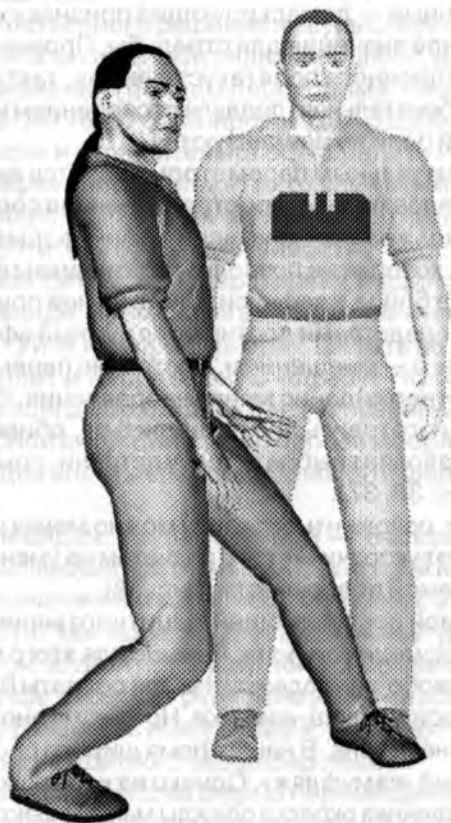

Рис. 36. Уход с линии огня смещением

Рис. 37. Вариант ухода смещением

Рис. 38. Уход под линию огня

Рис. 39. Уход с линии огня наклоном

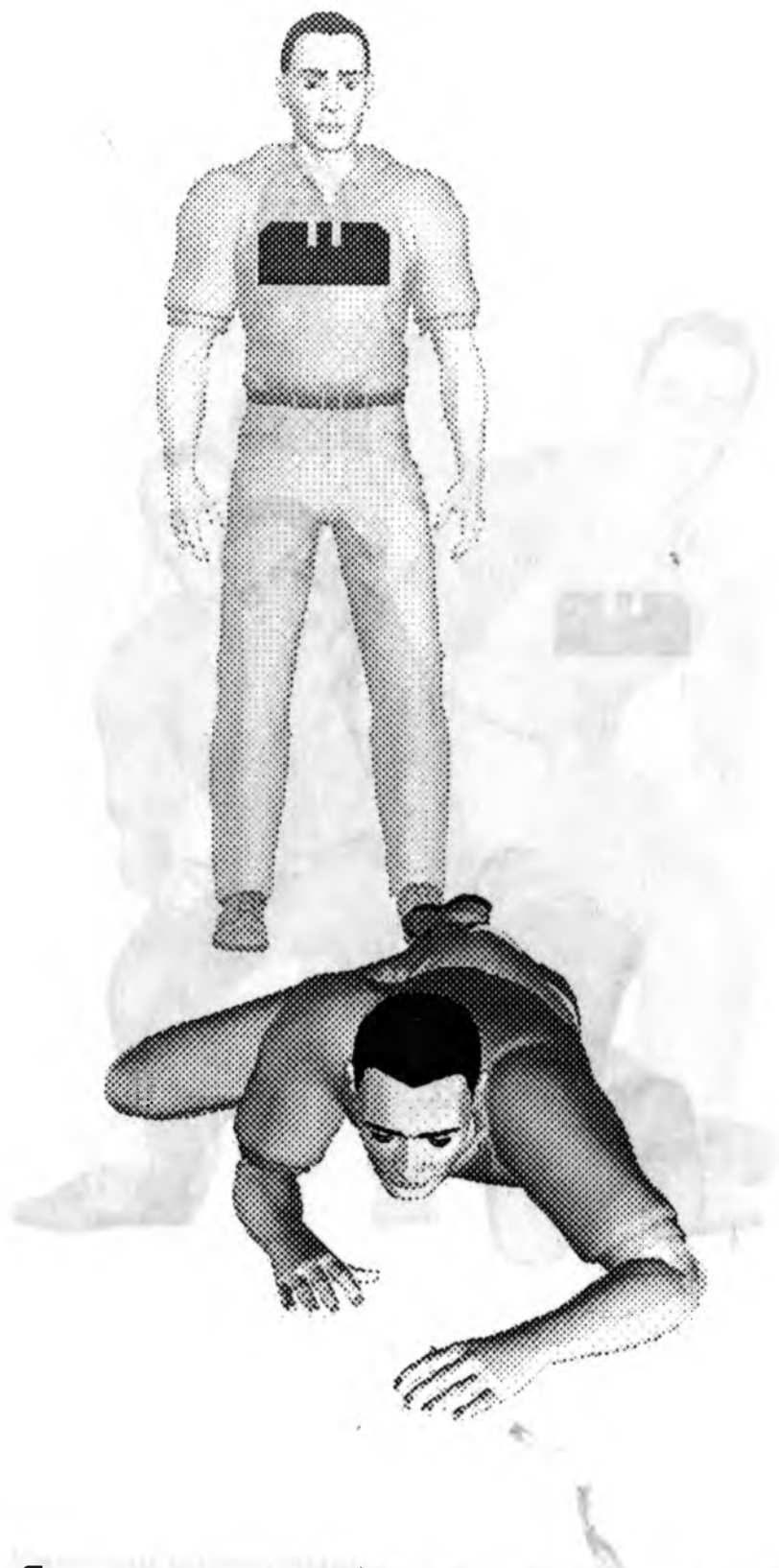

Рис. 40. Поражение лежащей цели предельно затруднено

Но каждое из упомянутых средств по отдельности не приводит к желаемому эффекту. Цель начинает «мерцать» только при совмещении пространственной деформации с перемещением воина (рис. 41–44).

Отдельным пунктом стоит вопрос о величине суммарной трансформации (горизонтальной, вертикальной и угловой) при маневрировании. Очевидно, чем больше мгновенное пространственное смещение и шире диапазон угловой деформации, тем менее уязвим боец. Но важно сказать о минимально допустимой амплитуде защитного маневра. На наш взгляд, речь должна идти о перманентном стремлении бойца покинуть занимаемый объем, как бы «сбросить кожу». В круговом бою любое, даже самое изощренное движение на месте (без пространственного смещения), бесполезно.

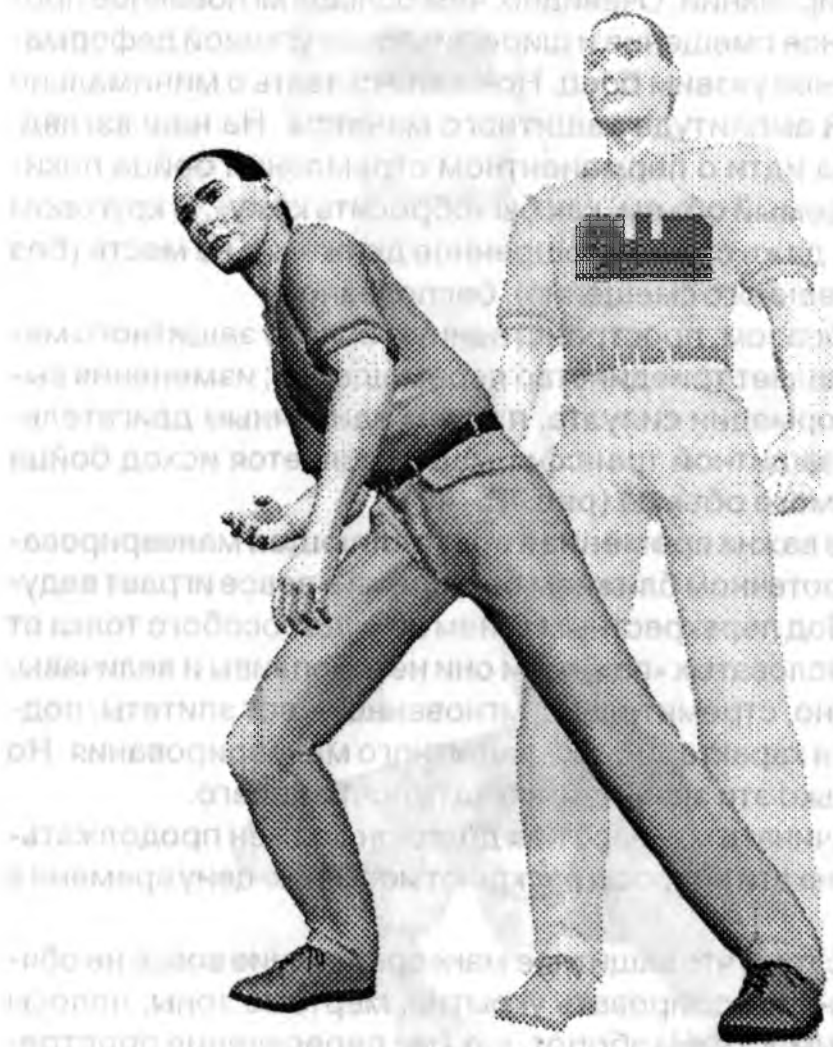
Таким образом, пространственную основу защитного маневра составляет триединство перемещения, изменения высоты и деформации силуэта, причем единичным двигательным актом защитной трансформации является исход бойца из занимаемого объема (рис. 45–47).

Не менее важна **временная составляющая** маневрирования. А в скоротечном ближнем бою время и вовсе играет ведущую роль. Под перекрестным огнем не будет особого толка от самых замысловатых «па», если они неторопливы и величавы. Молниеносно, стремительно, мгновенно — вот эпитеты, подходящие для характеристики защитного маневрирования. Но сказать только это значит не сказать почти ничего.

Когда начинать маневр? Как долго он должен продолжаться? Ответы на эти вопросы раскроют истинную цену времени в бою.

Начнем с того, что защитное маневрирование вовсе не обя-зывает воина игнорировать укрытия, мертвые зоны, полосы плохой видимости. Наоборот, как раз пересечение простреливаемых, открытых участков местности должно стать исключением.

Таким образом, ответ на вопрос «когда начинать?» очевиден — при выходе из укрытия. Вот уж где без всякой натяжки — «промедление смерти подобно». Следовательно, проблема *начала* формулируется так: «когда выходить из укрытия, по-

Рис. 41. Уход с линии огня наклоном со смещением

Рис. 42. Уход под линию огня наклоном

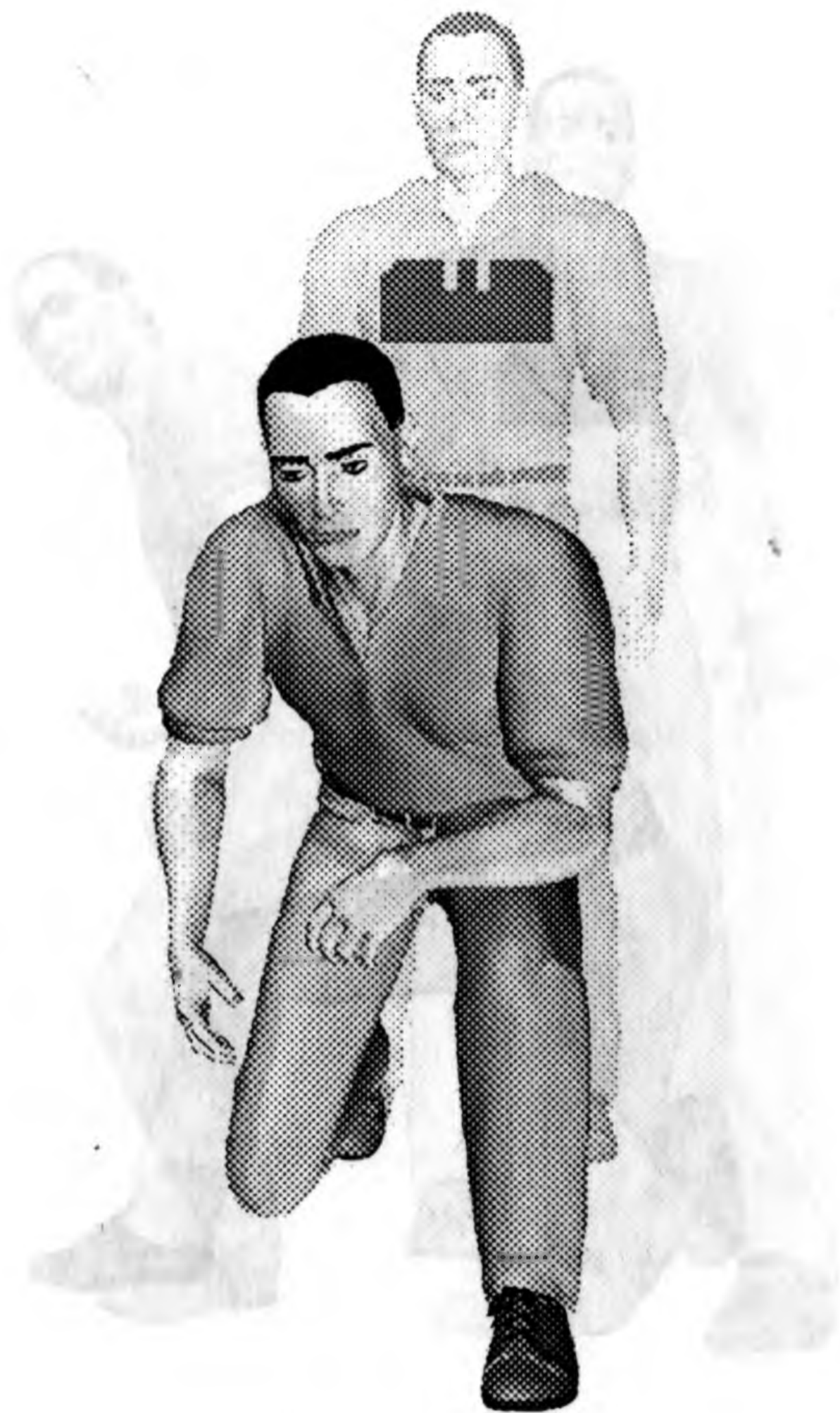

Рис. 43. Уход под линию огня смещением вперед

Рис. 44. Уход под линию огня смещением назад

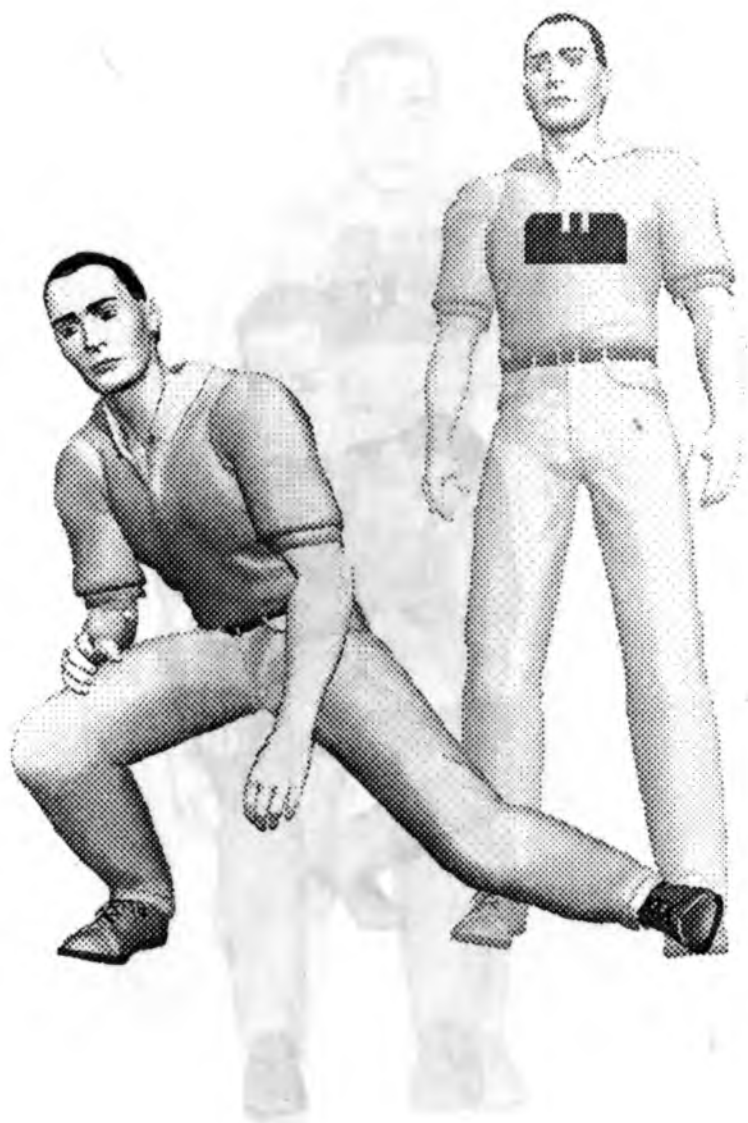

Рис. 45. Выход из занимаемого объема отшагиванием

Рис. 46. Выход из занимаемого объема посадкой

Рис. 47. Выход из занимаемого объема укладыванием

кидать мертвую зону, демаскироваться?». Но это задачи тактики боя, их решение почти не связано с техникой защитного маневрирования. Очевидно одно: место и время появления воина должно быть неожиданным для неприятеля.

Продолжительность маневра чаще всего зависит от удаленности и доступности очередного укрытия. Хотя вопрос о выборе между длинной перебежкой и изготовкой «в чистом поле» нельзя считать закрытым. Иногда неожиданная остановка может защитить не хуже, чем спринтерский рывок к укрытию.

В идеале же длительность перемещения должна быть минимально возможной. Но более критична продолжительность не всего маневра, а его отдельных участков. Каких именно?

Маневрируя, боец постоянно испытывает труднопреодолимый соблазн двигаться естественно, гармонично. Поддавшись такому стремлению, он приносит в жертву непредсказуемость перемещения. Хотя с другой стороны, все время двигаться хаотично невозможно, поэтому парадоксальными должны быть, как минимум, переходы от одного участка «естественного» движения (ходьбы, бега, прыжка) к другому. Но даже в этом случае противники могут спрогнозировать тенденцию смещения и подготовить точный выстрел по одному только виду «открытого» участка. Помешать этому можно лишь строго ограничив длительность демаскирования. Она должна быть такой, чтобы противник не успевал изготовиться и выстрелить.

Высочайшие требования к пространственной и временной составляющим защитного маневра выводят на первый план проблему физической реализуемости действий. Ведь в бою маневрирование должно сопрягаться с результативной стрельбой. А для этого воину необходимы достаточные энергетические ресурсы и оптимальная физическая форма. Но боевые действия невозможно спланировать как подготовку спортсмена. И если учесть, что военные конфликты не способствуют накоплению физических и психических ресурсов, то становится ясно — воин в бою не обладает избытком сил. На этом фоне особенную ценность представляет способность мгновенно стартовать и совершать короткие стремительные перемещения, не затрачивая при этом чрезмерных усилий.

Но этого мало. Для того чтобы маневрирование стало «мерцающим», оно, оставаясь внутренне осмысленным и целенаправленным, внешне должно выглядеть абсолютно хаотичным. Только тогда противник не сможет просчитать намерения бойца, а, значит, предугадать развитие событий.

Каким же должно быть перемещение бойца, чтобы у неприятеля создавалось впечатление полного хаоса?

Непрерывным, нерегулярным и нелинейным.

Непрерывность не следует понимать, как безостановочность. Это свойство характеризует не столько само движение, сколько *отношение* к нему. Противник видит лишь то, что должен: равномерное движение бойца вдруг ускоряется, внезапно прерывается, неожиданно начинается вновь... А воин сам создает уникальный рисунок защитной трансформации, в которой и ускорение, и торможение, и пауза — лишь видимое следствие естественной динамики единого неразрывного маневра.

Еще более важна в бою **нерегулярность** движений. Маневр не должен иметь явную периодичность или заметную ритмическую основу. Любая регулярная составляющая движения демаскирует бойца, позволяет противнику прогнозировать и упреждать его действия.

В ходе защитного маневрирования следует избегать прямолинейных участков траектории движения. **Нелинейность** движения — важнейший инструмент «мерцания». Это свойство обретает особый вес в круговом бою под перекрестным огнем противника, когда не существует иного средства (кроме укрытия), позволяющего уходить от огня нескольких противников одновременно. Движение в одной плоскости может выглядеть хаотичным для одних наблюдателей, но тогда оно «прозрачно» для других (фронтальные смещения цели почти не видны с фланга). Нелинейность же придает маневру объем, в котором хаос передвижений возрастает на порядок, дезинформируя при этом сразу всех противников. Кроме того, попасть в цель, которая движется по сложной пространственной траектории очень трудно. Ведь чаще всего обучают стрелять по целям, расположенным по фронту (ми-

шенное поле, «бегущий кабан») и почти нигде не учат вести фланговый огонь.

Есть и еще один важный довод в пользу нелинейности защитного маневра. Эффект «мерцания» достигается в том числе и за счет постоянной смены направлений перемещения. Но любому изменению параметров движения препятствует сила инерции. И что же, теперь при каждом повороте тормозить, останавливаться и только потом менять направление?

Ни в коем случае.

Сохранить непрерывность движения, состыковать участки с противоречивой динамикой помогут расчетливо введенные нелинейности (наклоны, вращения, кувырки, перекаты). Тогда сила инерции из врага превратится в союзника.

Таким образом, оберегающий война эффект «мерцания» порождается особым родом изворотливой подвижности, основанной на непрерывной, нерегулярной и нелинейной трансформации, которая, в свою очередь, слагается из смещения, изменения высоты и деформации силуэта бойца, и, является воплощенным компромиссом пространственно-временной хаотичности и физической реализуемости движений (рис. 48–55).

В заключение раздела подберем для защитного маневрирования содержательный образ, который, сохраняя связь с реальностью, будет «как в капле воды» отражать суть проблемы неуязвимости без ущерба для ее целостности.

Ситуации, когда защитному маневрированию нет альтернативы, вполне реальны: закончились боеприпасы, заклинило пистолет, и воин остается, по существу, безоружным. Раз подавлять неприятеля огнем невозможно, остается маневрировать (оценить ситуацию, наметить рубеж, выбрать укрытия, учесть мертвые зоны и в тоже время скрыть свои намерения — дезинформировать противника, ввести его в заблуждение и, как результат, не позволить выстрелить прицельно). При этом защитный маневр, по существу, является тактическим инструментом **выхода из-под огня**.

Поэтому, выбирая образ защитного маневрирования, необходимо учитывать психологию выхода из-под огня.

« Когда кругом свистят и крошат стены пули, желание одно: спрятаться, слиться с землей, исчезнуть. Но разум подсказывает: каждое мгновение под огнем снижает шансы на спасение. Единственный выход — бежать. Желание выжить заставляет бойца двигаться пригнувшись, стремительно и неровно. Именно так заяц уходит от выстрелов. Глядя на его «петли», невозможно понять: скроется ли он в лесу, шмыгнет в кусты или затаится в траве. Очевидно, в минуту опасности, когда все человеческое естество фокусируется в инстинкте самосохранения, стихийно рождается природная форма изворотливой подвижности — «петляние».

Таким образом, «петляние» — эмоционально и рационально оправданный образ защитного маневрирования.

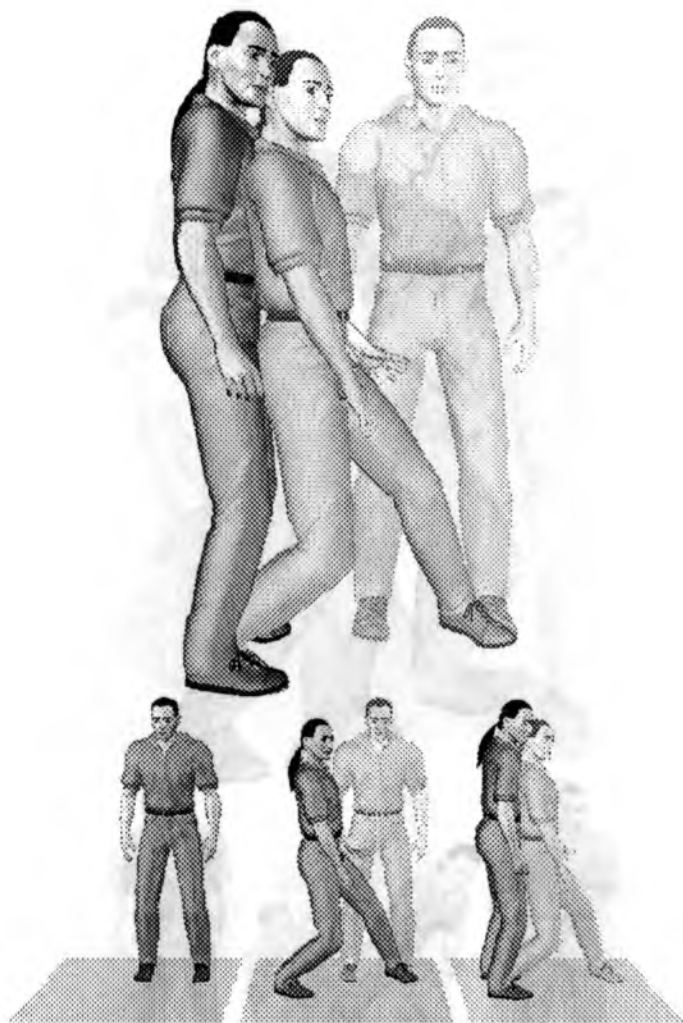

Рис. 48. Для того чтобы защитное маневрирование действительно порождало эффект «мерцания», необходимо научиться связывать отдельные уходы с линии огня в непрерывные многошаговые комбинации. Освоение техники «мерцания» следует начинать с элементарных последовательностей, добиваясь при этом непротиворечивого совмещения всей полноты пространственных, временных и динамических качеств в каждом защитном движении

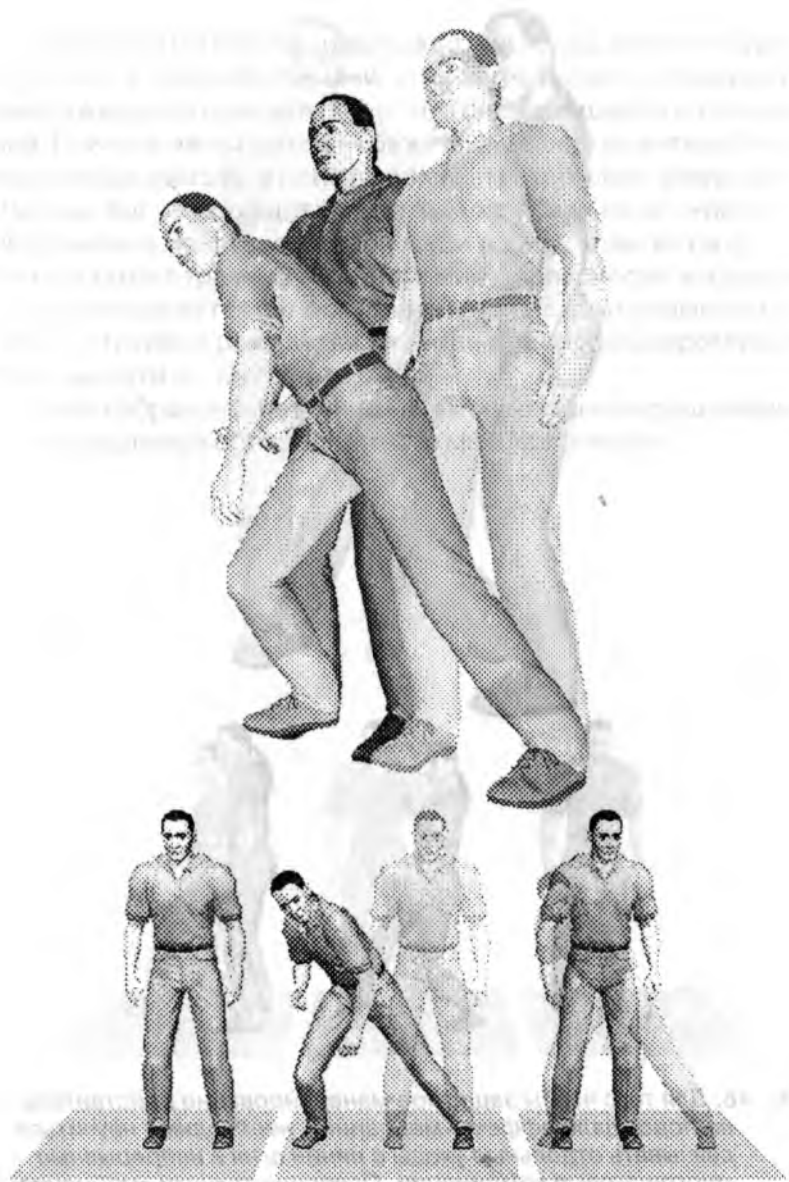

Рис. 49. Даже простое отшагивание нужно выполнять памятуя о нелинейности каждого защитного движения

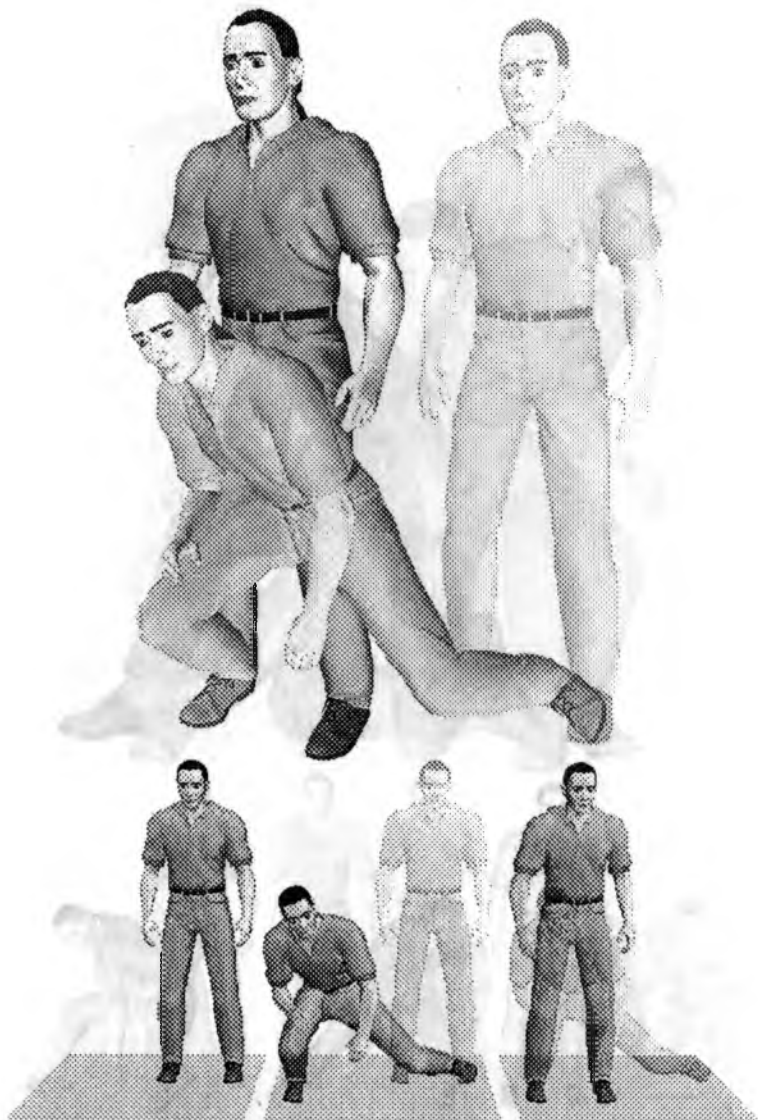

Рис. 50. Любое смещение по горизонтали лучше предварять неожиданным вертикальным провалом. Скорее всего это вынудит противника отложить выстрел для корректировки прицела

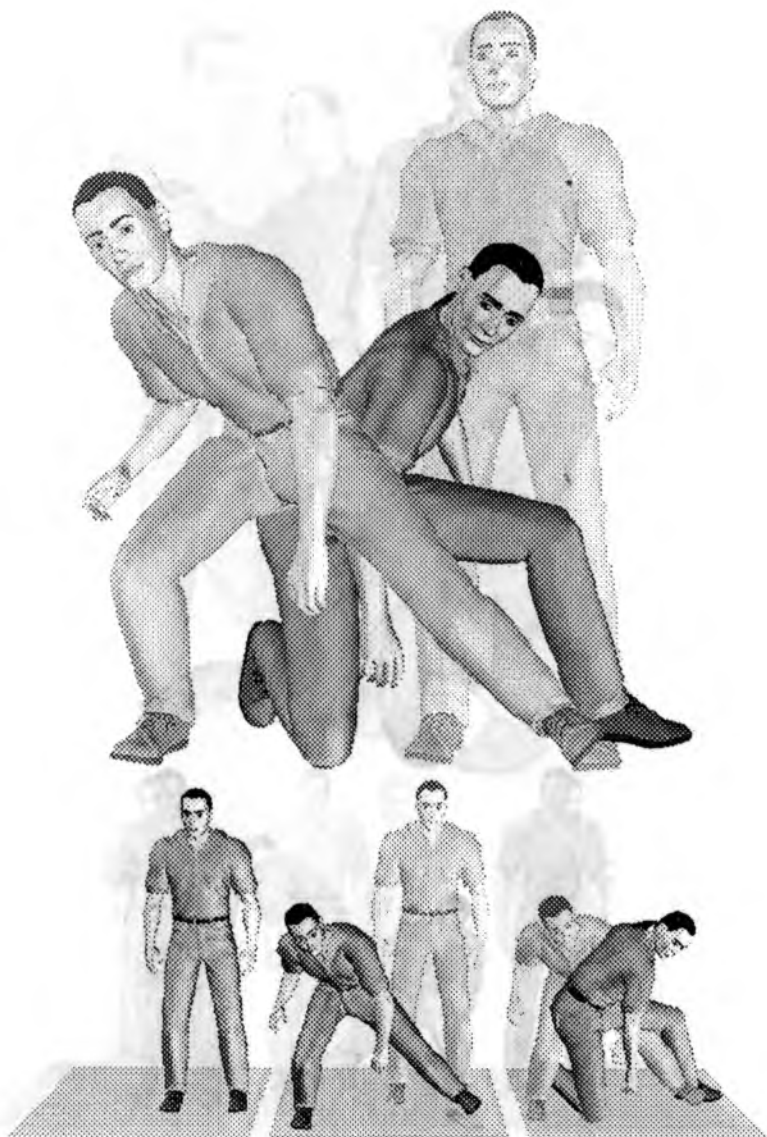

Рис. 51. Обычное присаживание вряд ли собьет противника с толку. Нужно заставить его «водить» пистолетом из стороны в сторону

Рис. 52. Отрабатывая защитные комбинации, следите за естественностью движений; не допускайте мышечных зажимов

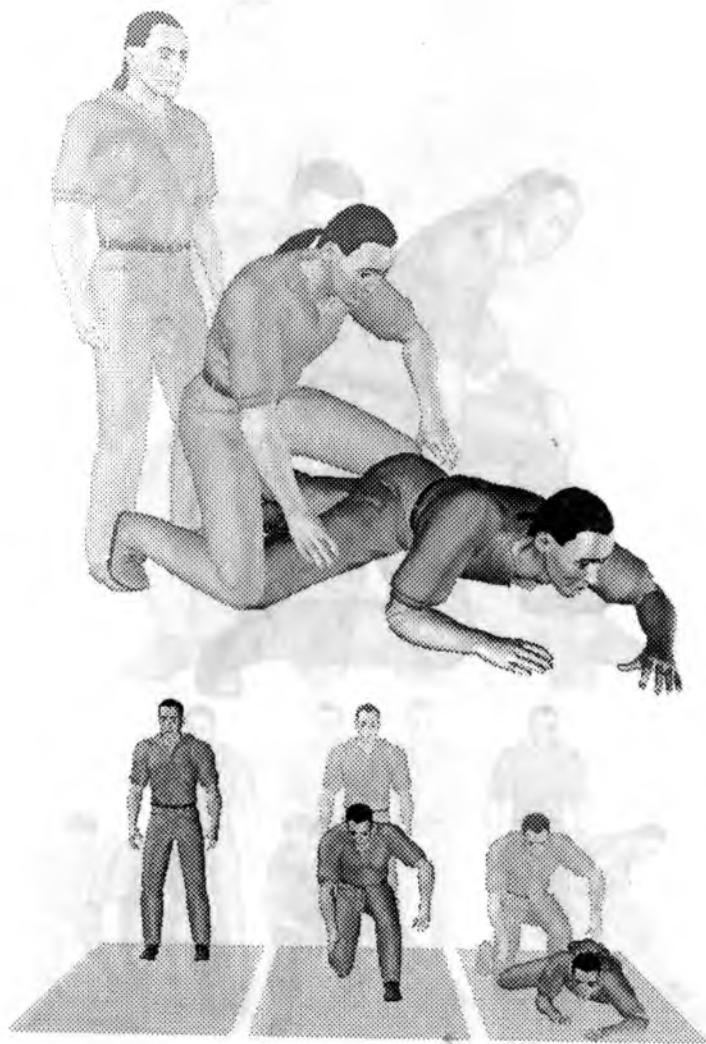

Рис. 53. Обязательной фазой «мерцания» являются переходы на нижний уровень

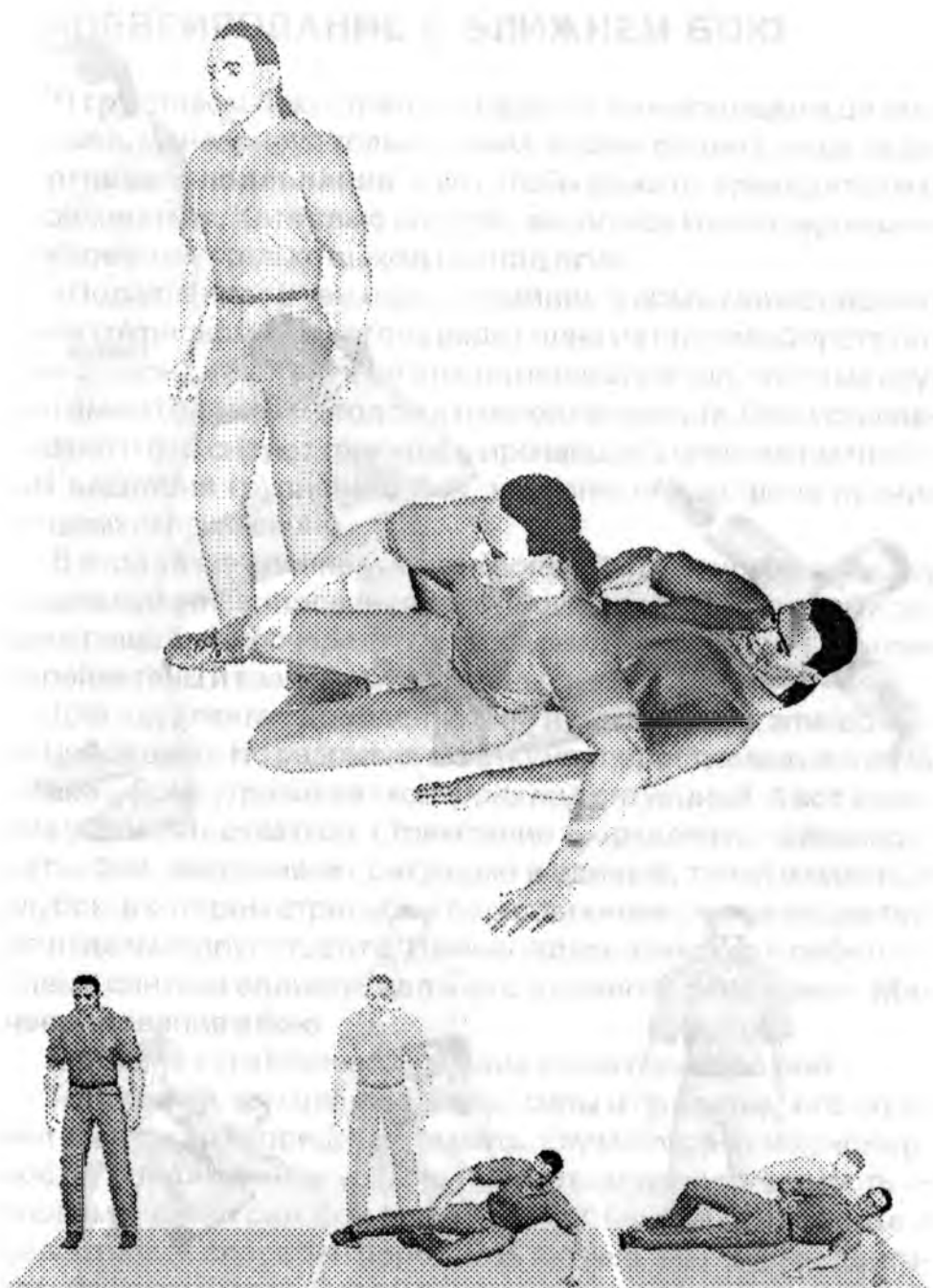

Рис. 54. Старайтесь не фиксировать конечные положения, иначе многшаговое комбинирование будет затруднено

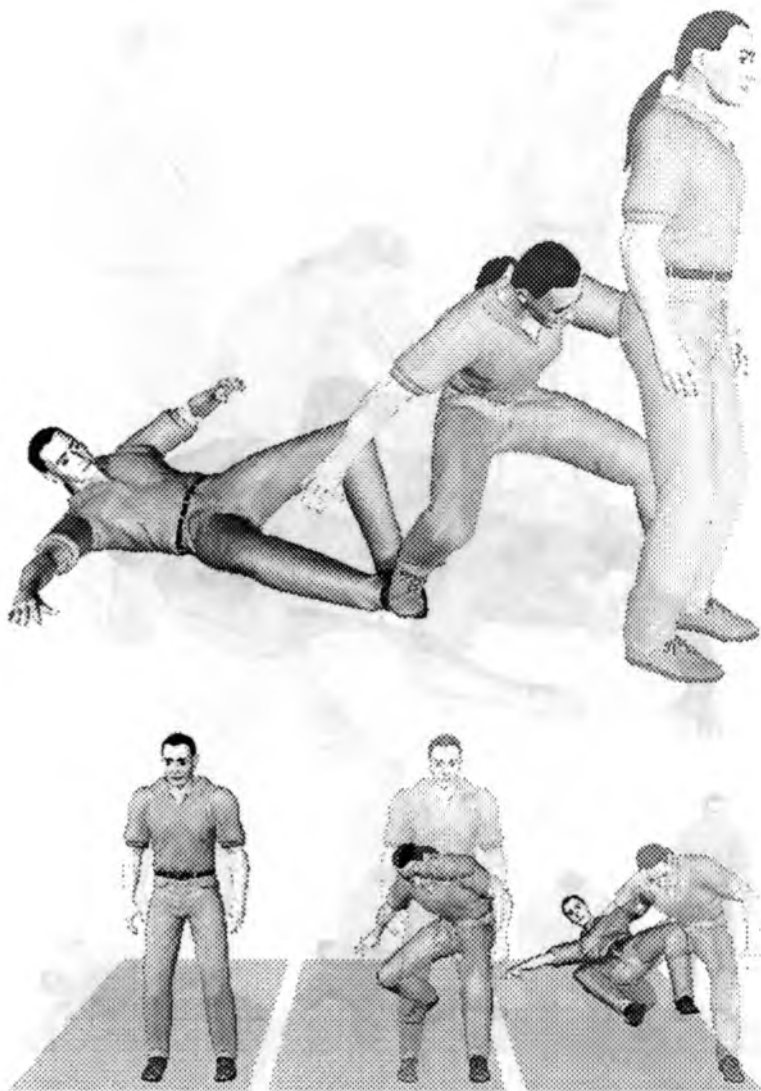

Рис. 55. Переход на нижний уровень, если его выполнять как «управляемое падение», поможет накопить кинетическую энергию, необходимую для дальнейших амплитудных перемещений

МАНЕВРИРОВАНИЕ В БЛИЖНЕМ БОЮ

В групповом бою стрельба ведется по нескольким целям. Однако, маневрируя только огнем, можно решить лишь задачу **огневого подавления**. А вот чтобы выжить, приходится изворачиваться. Хотя само по себе, защитное маневрирование обеспечивает только **выход из-под огня**.

«Подавление» и «выход» — крайние формы маневрирования в групповом бою (огонь ведет одна из противоборствующих сторон). Тем не менее эти, на первый взгляд, частные случаи имеют важное методологическое значение. Они устанавливают и фиксируют границы широчайшего спектра тактических вариаций группового боя, выделяя его на фоне прочих огневых столкновений.

В этой связи вполне уместен вопрос об отношениях между задачами маневрирования в групповом бою. Могут ли эти задачи решаться поочередно, независимо друг от друга, или они переплетены и взаимообусловлены?

Для «дуэлянта» дробление боя на отдельные эпизоды — обычное дело. Но разрывая схватку на «перестрелки» и «перебежки», боец утрачивает *контроль над ситуацией*. А вот желание управлять схваткой, стремление упорядочить, «спланировать» бой, закручивает *ситуацию* в единый, тугой и плотный клубок, в котором стрельба и передвижение уже не существуют отдельно друг от друга. Именно здесь заявляет о себе проблема синтеза единого, цельного и полного действия — **Маневрирования в бою**.

Ключом к сути Маневрирования является слово **бой**.

Только бой: его цель и задачи, силы и средства; его стремительность и непредсказуемость, случайность и закономерность; его ликование и боль, простота и непостижимость — словом, только сам бой в своей всеобъемлющей полноте и целостности способен породить актуальные формы двигательной активности. Поэтому прежде, чем приступить к синтезу Маневрирования, жизненно необходимо обратиться к содержанию боя.

Дать определение понятию бой непросто. Он столь многообразен в своих проявлениях, его мерность так велика, что

любое определение будет лишь плоской тенью этого емкого и грозного явления. Однако при синтезе Маневрирования полнота содержания понятия «бой» не так уж важна, достаточно иметь представление о двигательном аспекте действий в ближнем бою.

Вывод о необходимости маневрирования огнем и защитного маневрирования в групповом бою сомнению не подлежит. А вот связь между характером боя и типом естественной двигательной активности воина выявить чрезвычайно важно.

Рассматривая «огневое подавление» и «выход из-под огня» как пограничные проявления маневрирования в групповом бою, мы подобрали соответствующие им образы двигательных стратегий. Для подавления это — «стрельба с места», для выхода — «петляние». Нет сомнений в том, что и по своему двигательному составу, и по динамике, эти действия несопоставимы. Но ясно и другое: в групповом бою задачи уничтожения противника и выживания разделить невозможно. Они переплетены, завязаны, стянуты до такой степени, что их взаимопроникновение, взаимовлияние и взаимообусловленность превратили тривиальное взаимодействие в непостижимое *взаимосодействие* (для уничтожения неприятеля нужно оставаться живым, а для сохранения жизни — сокращать число противников).

Очевидно, без учета особенностей решаемых в бою задач, непросто отыскать приемлемый вариант единения изворотливости со стрельбой.

Известно, что все многообразие боевых столкновений допустимо делить на две группы: «бой на уничтожение» и «бой на прорыв» (названия подобраны так, чтобы подчеркнуть сущность).

Бой на уничтожение

Единственная цель и главная задача «боя на уничтожение» — истребление живой силы противника. Его характерная особенность — **пребывание** стрелка в пространстве боя. Tактической основой истребления является *огневое подав-*

ление, а двигательной парадигмой — стрельба с места. Однако в условиях активного противодействия стихийное «человеческое» стремление минимизировать усилия (стреляя с места) сталкивается с серьезным препятствием — угрозой жизни. Налицо конфликт между потребностью стрелять быстро и точно (с места) и недопустимо высокой уязвимостью такой стрельбы. Совместимо ли стремление выйти из-под огня с необходимостью пребывания в пространстве боя? Вопрос отнюдь не риторический. В ответе на него — суть боя на уничтожение.

Невозможно **выйти из-под** огня, оставаясь при этом в бою. А вот **уйти от** огня — вполне. Эта, на первый взгляд, игра словами, в действительности указывает реальное направление синтеза Маневрирования.

Ясно, что простое суммирование изворотливой подвижности со стрельбой невозможно. Необходим компромисс, позволяющий сохранить снайперскую точность огня и не уподобиться в тоже время неподвижной мишени. Найти желаемое непросто, любой вариант *не будет идеальным*. Именно поэтому так важен поиск приемлемого, рационального решения.

Предположим, воин уверенно владеет оружием и техникой защитного маневрирования. Что же в этом случае препятствует единству, полноте и целостности действий воина в бою?

Коль скоро цель боя на уничтожение — истребление неприятеля, следовательно, на первое место выходят быстрота и точность стрельбы. Быстрота достигается скупостью и отточенностью всех стрелковых движений. Точность же зависит от тщательности подготовки и производства выстрела, которая, в свою очередь, немыслима без **неподвижной** стрелковой позиции. Значит, для выстрела защитное маневрирование должно быть прервано, а после выстрела возобновлено. То есть, перемежая стрельбу и перемещения, боец вынужден все время переходить от движения к покою и снова к движению.

Итак, если Маневрирование синтезировано на двигательной парадигме **пребывания** (стрельба с места), динамика дей-

ствий обретает ярко выраженный старт-стопный характер. А в такой динамике особенно велика роль переходных режимов.

Что же это такое?

Разгон и торможение — вот альфа и омега единства, полноты и целостности Маневрирования. Эти режимы связывают, объединяют и удерживают множество движений в общем действии, но они же способны и разрушить его единство.

Стартуя, боец, в определенном смысле, предрешает успех своих дальнейших действий. Так, если разгон прямолинеен и безыскусен, то скрыть от противника направление набора скорости практически невозможно. Значит, не только при стрельбе, но и некоторое время после начала движения воин останется уязвимым. Кроме того, набор скорости чрезвычайно затратный режим. Поэтому важно чтобы, порождая изворотливость, техника разгона не становилась энергетически расточительной.

Деструктивная роль торможения проявляется в многомерности его влияния на действенность маневрирования. С одной стороны, очевидная, прогнозируемая остановка уже сама по себе «притягивает» оружие противника, и в то же время неумелое торможение приводит к потере бесценных мгновений при выходе на огневой рубеж и подготовке ответного выстрела.

Таким образом, синтез Маневрирования — единого, цельного и полного действия, основанного на двигательной парадигме **пребывания**, сводится к выбору (созданию) рациональной и экономичной техники разгона-торможения.

Но прежде, чем перейти к обсуждению технических аспектов, необходимо указать на разнородность старт-стопных режимов маневрирования огнем и защитного маневрирования. При маневре огнем стрелок разгоняет и тормозит оружие, а при «петлянии» стартует и останавливается сам. В этой связи вырисовываются два подхода к организации Маневрирования в бою на уничтожение.

Первый допускает поражение нескольких целей с одного рубежа. Для этого боец стартует в начале и останавливается при завершении очередного защитного маневра, а затем вы-

полняет серию разгонов-торможений оружия, поражая несколько целей подряд (рис. 56).

При втором — каждый выстрел предваряется увертливой сменой стрелковой позиции. То есть перенацеливание оружия и уход от огня противника выполняется на одном общем движении (рис. 57).

Очевидно, для синтеза Маневрирования должен быть использован именно второй подход. Только он непротиворечиво объединяет две функции в едином действии и позволяет унифицировать технику разгона-торможения (рис. 58–68).

Описание конкретных приемов разгона и торможения смысла не имеет — их множество. Тем более, что каждый боец рано или поздно вырабатывает свои собственные сноровки и ухватки. И в этом ему больше пользы принесет понимание сути процессов, а не толкование их внешних форм. Так и поступим.

Принцип «Гравитационной горки»

Для начала перечислим принципы разгона-торможения. Это важно еще и потому, что каждый принцип находит свое воплощение как в технике разгона, так и в приемах торможения.

Таких принципов всего два: «**преодоление**» и «**управление**». Их наименования достаточно условны, они лишь следствие попытки отразить суть минимумом слов. Именно поэтому необходимы дальнейшие пояснения.

Итак, речь идет о способах изменения (набора и сброса) скорости движения «воина с оружием». Но в природе действует тенденция сохранения неизменной скорости механического движения. Эта тенденция называется **инертностью** и проявляется в виде **противодействия** изменению скорости. Противодействие оказывает **сила инерции**. Значит, для преодоления инертности необходим некий источник силы.

Каждый человек, по своей природе, обладает таким источником. Информационные и энергетические процессы, естественно протекающие в организме человека, обеспечивают его двигательный потенциал. Своего наивысшего уровня техника разгона-торможения (в полной мере использующая силовой ресурс организма человека) обрела в спорте, осо-

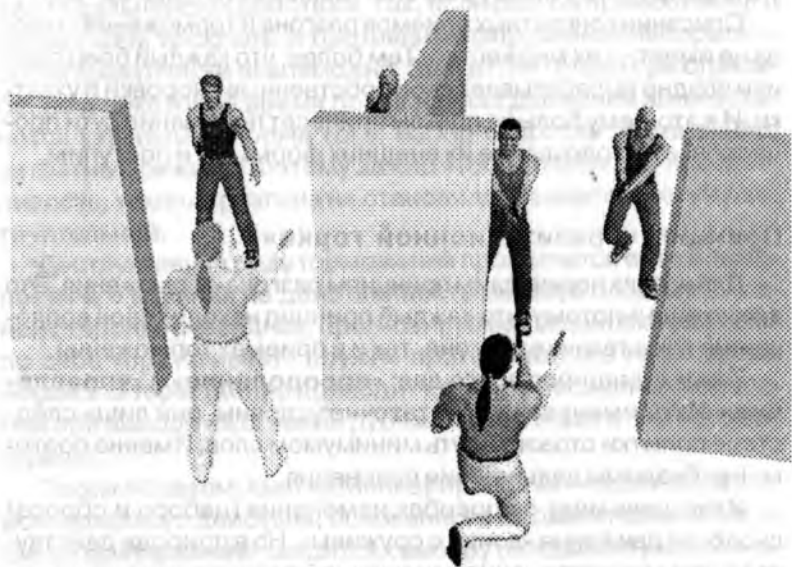

Рис. 56. Иногда несколько целей можно поразить и с одного рубежа...

Рис. 57. ...но, как правило, каждый выстрел в ближнем бою должен предваряться защитным движением

Рис. 58. Важнейшим этапом ратного взросления является освоение переходов от стрельбы к защитному маневрированию и обратно к стрельбе. Особое значение здесь приобретает техника разгона и торможения бойца

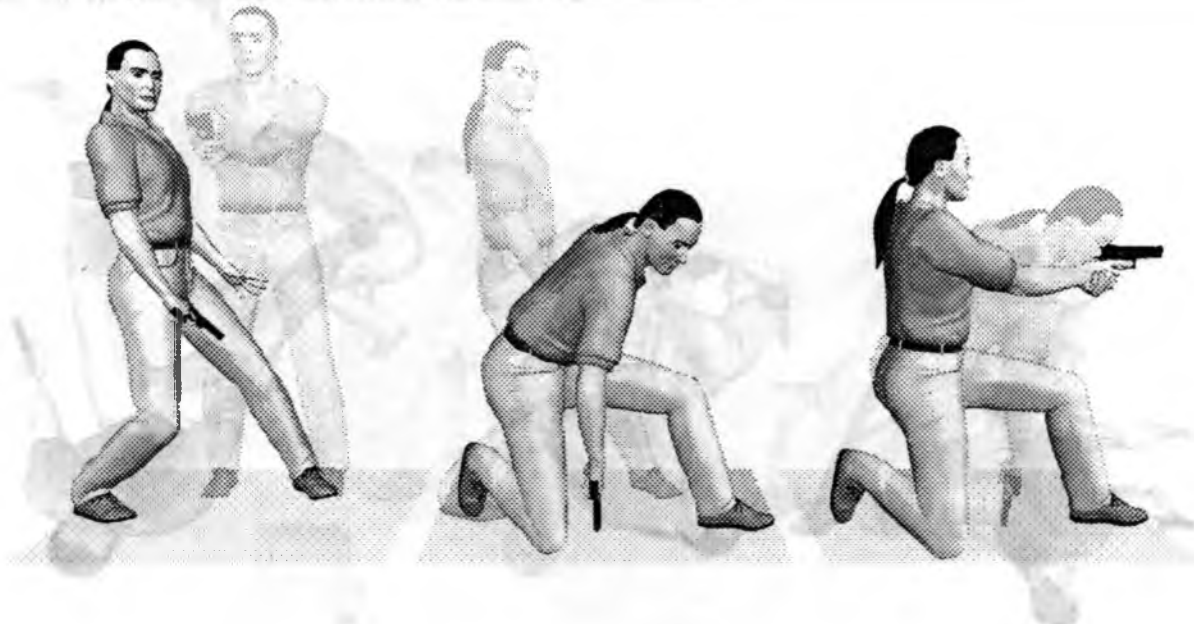

Рис. 59. Наиболее динамично скорость движения набирается при «управляемом падении»

Рис. 60. Не менее энергичен «маятниковый» набор скорости

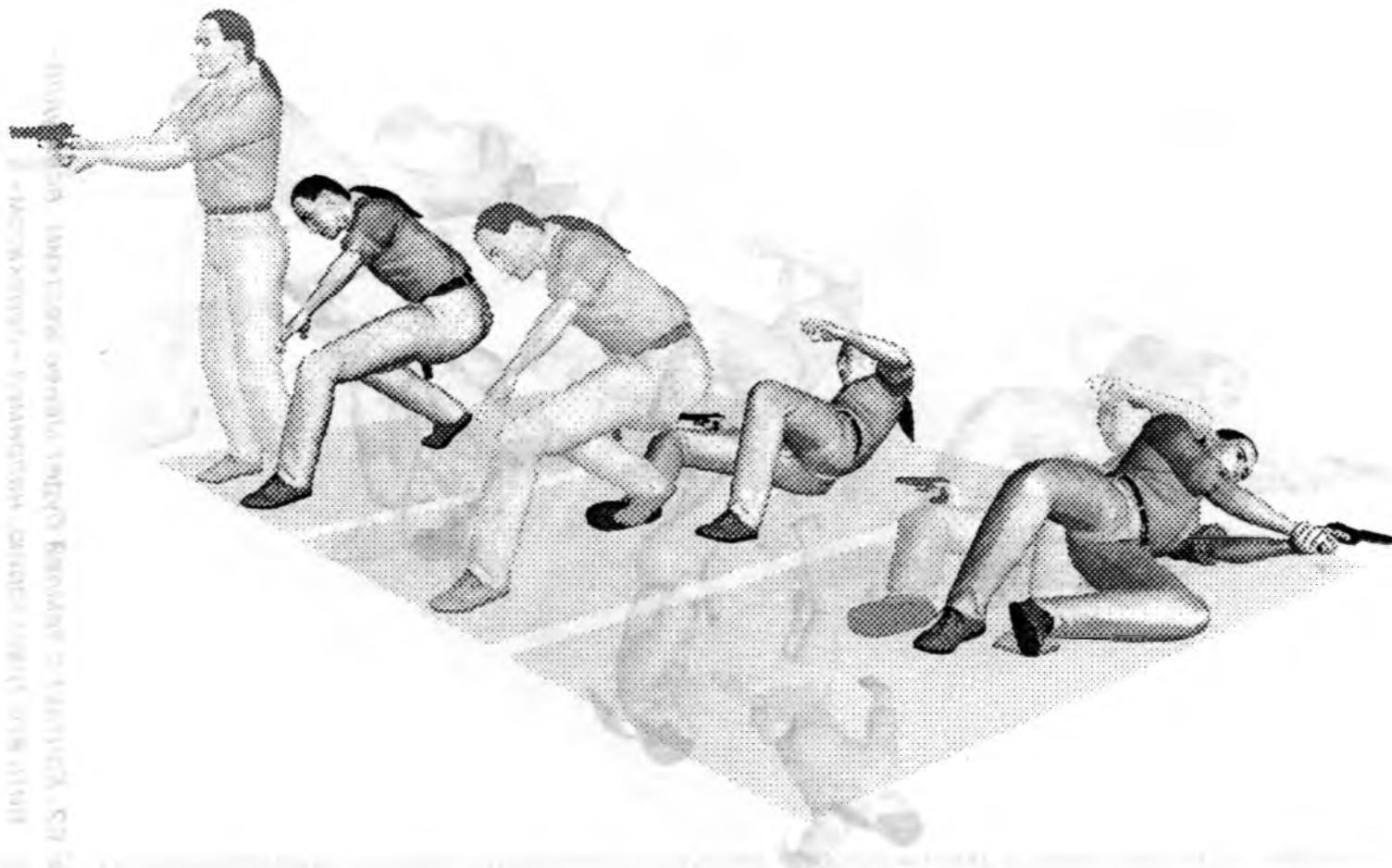

Рис. 61. Проще всего остановить движение, максимально увеличив площадь контакта с опорой

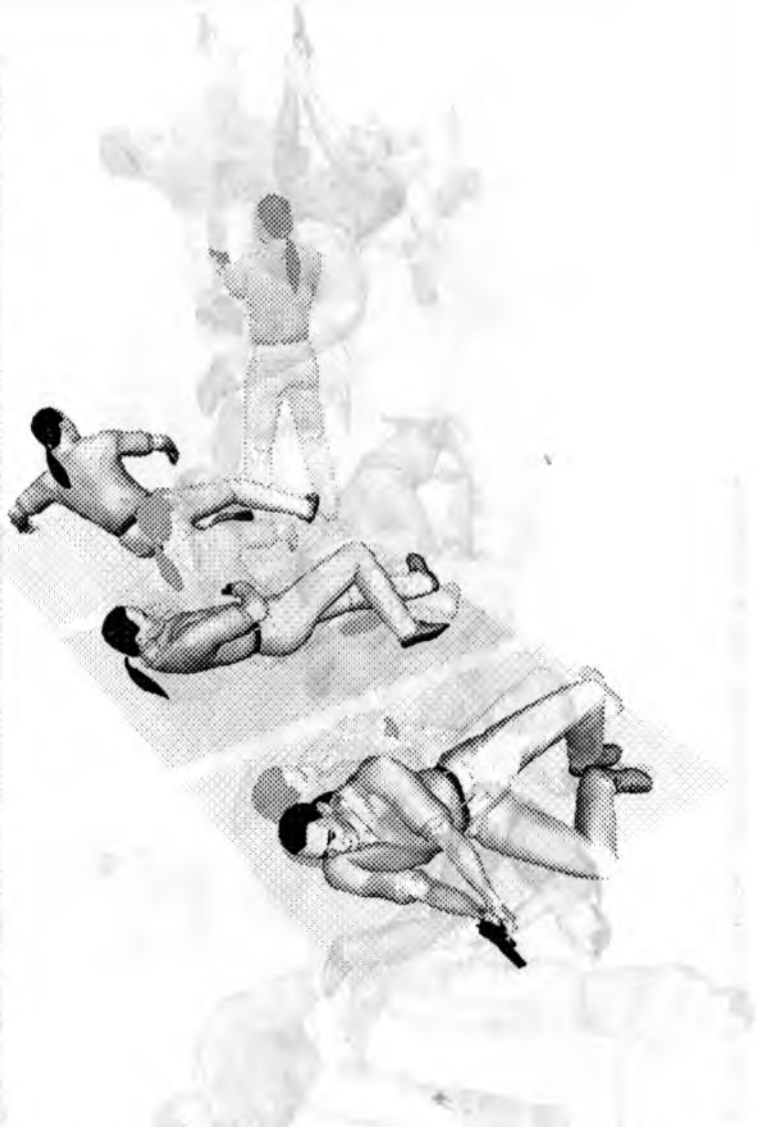

Рис. 62. Контакт с землей будет менее жестким, если удлинить его траекторию, например «перекатом»

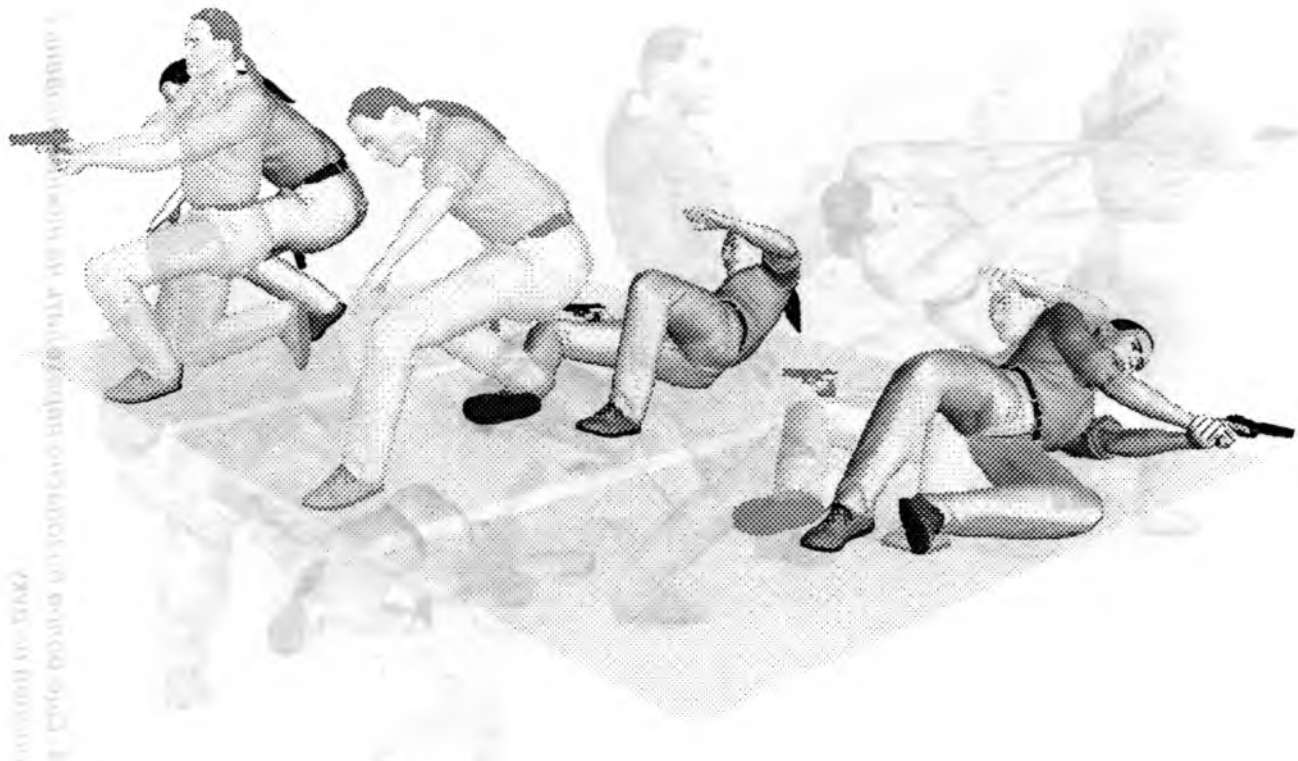

Рис. 63. Предварительно понизив стрелковую позицию, можно снизить травмоопасность «управляемого падения»

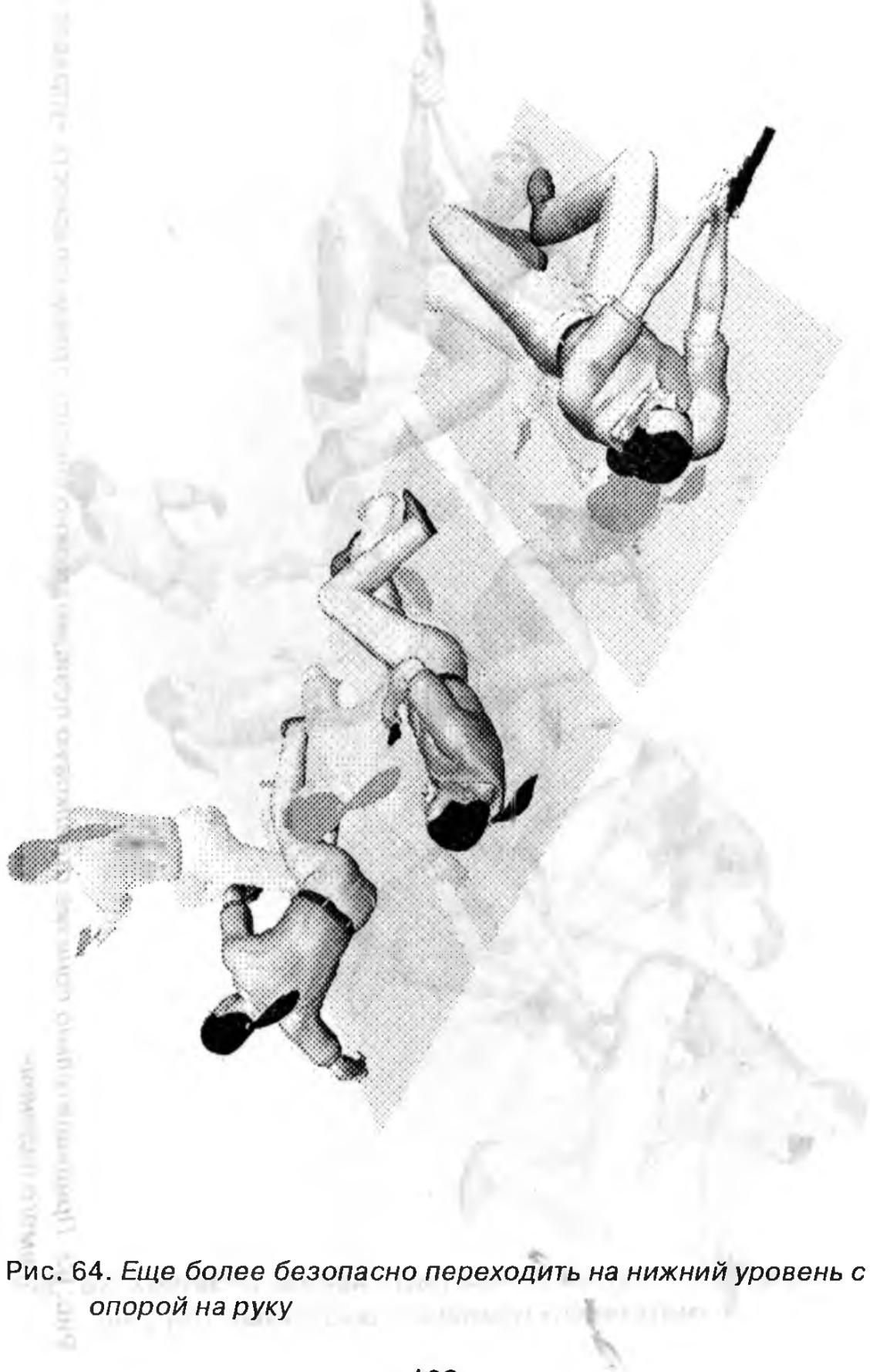

Рис. 64. Еще более безопасно переходить на нижний уровень с опорой на руку

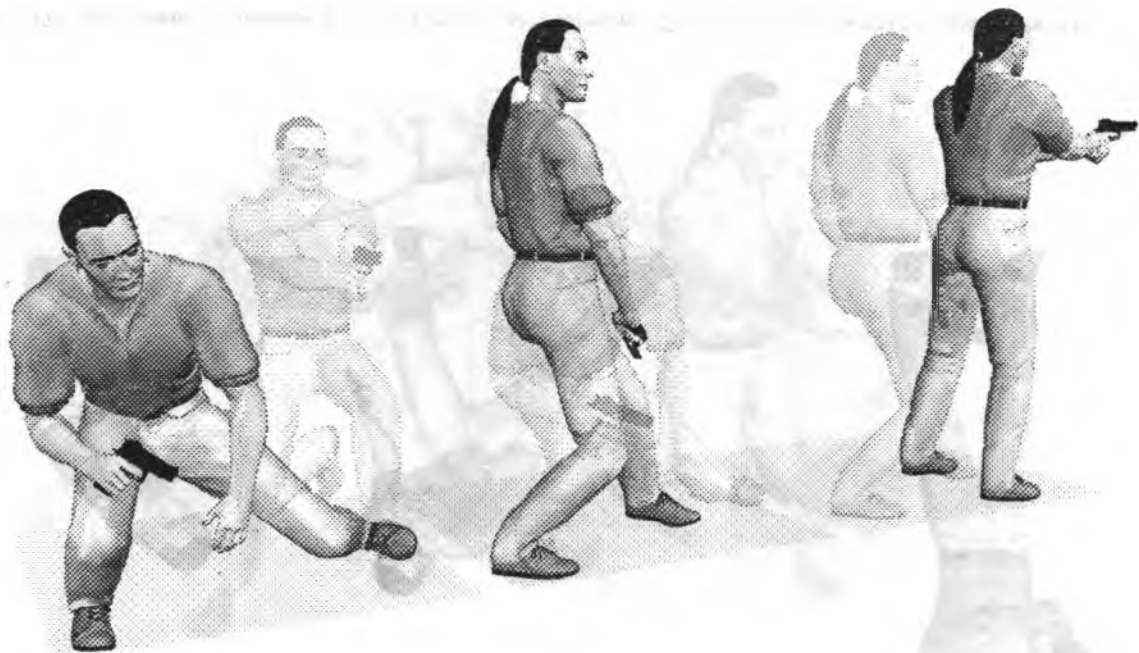

Рис. 65. Существенно более сложным является набор скорости при вставании

Рис. 66. «Управляемое падение» в этом случае затруднено. Остается разгоняться «маятником»,

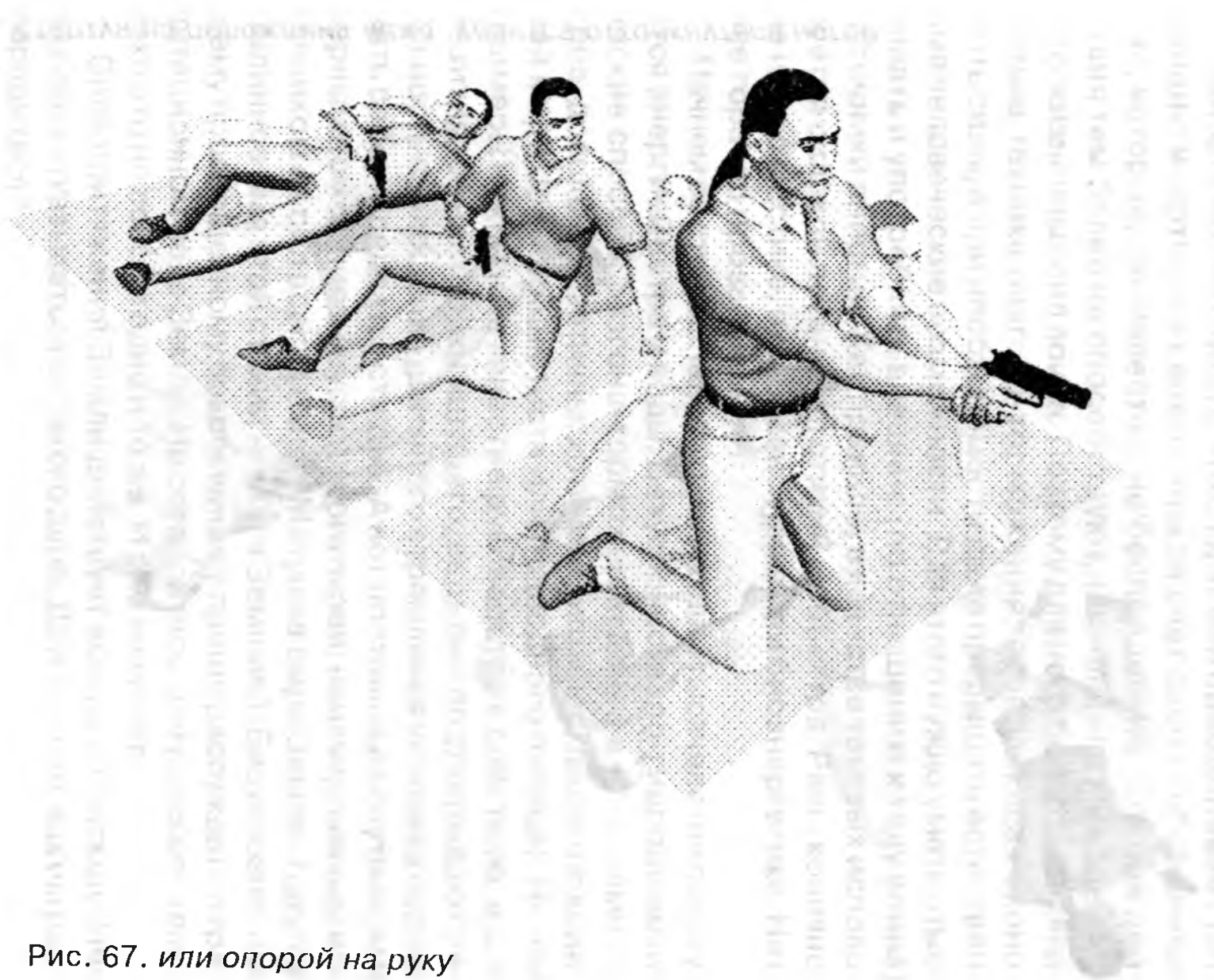

Рис. 67. или опорой на руку

Рис. 68. Иногда, стартуя из положения лежа, удастся оттолкнуться ногой

бенно в игровых видах и легкой атлетике. С известной долей условности можно считать, что спортсмен **преодолеывает** тенденцию инертности своего тела за счет своих собственных сил, которые, как известно, не беспредельны. Боевые действия тем более не способствуют накоплению и поддержанию жизненных сил воина. Поэтому для него более привлекательна техника разгона-торможения, позволяющая экономить силы, а при необходимости даже превышать естественные человеческие возможности. Для этого нужно уметь отыскивать и употреблять внешние (по отношению к телу воина) источники энергии. Как правило, в качестве таковых используется силовой потенциал *стихий* и *объектов*. Речь, конечно, не идет о мистике, экстрасенсорике или биоэнергетике. Нет, все гораздо прозаичнее.

Начнем со стихий. Человек уже не одно тысячелетие пользуется энергией ветра и воды. Безусловно, аэро-гидродинамические способы разгона-торможения воина в бою, сами по себе, довольно экзотичны, хотя и не лишены смысла (по крайней мере, для парашютиста или подводного пловца). Но эти примеры нужны не в качестве руководства к действию, а для позитивной настройки ищущего, ведь они подтверждают реальность воплощения извечного стремления человека подчинить себе, «оседлать» стихию. А вот постоянным спутником и верным помощником русских богатырей, неисчерпаемым источником их сил всегда была «Матушка сыра Земля» (другое былинное имя этой стихии — «Тяга Земная»). Безусловно, нашему просвещенному современнику проще рассуждать о гравитационном поле Земли. Но согласитесь, для русского человека это не совсем одно и то же. И тем не менее...

Сила притяжения Земли действует всегда и повсюду. Неразумно отказываться от такого дара. Другое дело, как им распорядиться?

Проблема в том, что сила тяжести неизменно направлена по вертикали к центру Земли, а перемещения в бою, по преимуществу, горизонтальные. Развернуть силу тяжести невозможно. Задействовать силовой потенциал Земли для преодоления инертности тела боец может лишь изменив направление собственного движения. Заметьте, здесь нужно менять не

скорость, а именно направление движения, ориентируя его преимущественно по вертикали. Это проще всего проиллюстрировать на примере пилотирования современных истребителей. Летчик-ас на огромной скорости выполняет «кобру», и многотонная машина в один миг замирает, буквально повисая в воздухе, чтобы уже в следующее мгновение сорваться в крутое пике, стремительно набирая скорость. При торможении инерция движения самолета гасится «взлетом» на «гравитационную горку», при разгоне инерция покоя преодолевается «скатыванием» с нее же.

Но как использовать «Тягу Земную» при Маневрировании?

На первый взгляд и «взлет», и «скатывание» довольно просты. Однако это впечатление обманчиво. Памятуя об особой роли переходных режимов при маневрировании в ближнем бою, следует еще раз акцентировать свое внимание на их предельной интенсивности, скрупулезной выверенности и ювелирной точности. Это означает вторичность и обусловленность сложности и амплитудности движений и, напротив, подавляющее главенство чуткости рецепторов и тонкости коррекций. Другими словами, способность «приручить» стихию зиждется на полноте информационного обмена «человек — среда» и объеме ресурса управления собственными движениями.

В основе техники создания «гравитационной горки» — *самонастраивающаяся реконфигурация тела* воина. За этим труднопроизносимым словосочетанием кроется вполне обозримая идея. Раз человек не хочет расходовать собственный силовой потенциал на разгоны-торможения, не имея при этом аэродинамических или реактивных двигателей, то единственной возможностью менять параметры своего движения остается компенсационное смещение центра тяжести своего тела. Здесь следует оговориться: изменение положения центра тяжести — не разовый, стандартный акт, а непрерывный процесс подстройки и корректировки — процесс **управления** движением. Движения бойца при разгоне или торможении ни разу не повторяются, как не повторяется уникальное сочетание состояния воина и обстановки боя. Именно по этой причине чрезвычайно тяжело демонстрировать так называемые *типовые приемы* «взлета — скатывания».

Сказанное позволяет заключить, что использование принципа «**управления**», в отличие от «**преодоления**», невозможно без преимущественного развития телесной чувствительности и еще более без способности воспринимать, перенимать и приспособлять, а не навязывать, подавлять или угнетать.

Завершая разговор о принципе **управления**, следует упомянуть о некоторых частных (хотя и важных) вариантах использования силового потенциала *внешних объектов*. Очевидно, для предельной интенсивности торможения можно использовать *неподвижность* любых массивных предметов. Расчетливое столкновение с препятствием не нанесет повреждения, зато надежно остановит передвижение бойца (рис. 69а). А вот *упругостью* некоторых предметов (дверная пружина, ветка дерева) или того больше, их *движением* (автомобиль, эскалатор) логично воспользоваться для разгона (рис. 69б). С этой же целью может использоваться и отдача оружия. Говорить здесь о какой-либо технике действий вообще бессмысленно. Важно научиться видеть в предметах, объектах и процессах окружающего мира помощников и союзников. Только такое отношение к пространству боя позволит избежать бесплодных попыток «разучить все существующие приемы маневрирования».

Итак, подводя итог сказанному, еще раз подчеркнем особую ценность режимов разгона и торможения для организации старт-стопной динамики. Именно эти режимы играют роль того связующего, которое из разрозненных стрелковых и защитных движений создает цельное, полное и единое действие — Маневрирование в групповом бою.

Бой на прорыв

Но все же следует признать, что Маневрирование *с остановками для стрельбы* не способно окончательно разрешить проблему *неуязвимости* в групповом бою. Неподвижная цель уязвима принципиально. А оптимальная техника разгона-торможения лишь сокращает время остановок. Такой неутешительный вывод подталкивает воина к поиску кардинального решения проблемы неуязвимости на заманчивом пути *стрельбы без*

а

б

Рис. 69. Для торможения и разгона можно использовать неподвижность (а) или движение внешних объектов (б)

остановок, *в движении*. Это более чем серьезный повод детально исследовать двигательную парадигму «боя на прорыв».

Цель «боя на прорыв» находится за пределами самой схватки (выход из окружения, занятие рубежа, захват объекта). В этом случае уничтожение врага — лишь средство (не всегда самое лучшее) прохода сквозь боевые порядки противника. Главной отличительной чертой боя на прорыв является целенаправленное **пересечение** неприятельских рубежей. Тактическая задача прорыва — выход из боя. Прорываясь, воин «пронизывает» опасное пространство, предельно сокращая время пребывания в нем. Это вынуждает его двигаться непрерывно, нерегулярно и нелинейно — «петлять». Если же путь преграждает враг, он сметается силой оружия. Но... для этого придется останавливаться: торможение, выстрел, разгон — и... гармония хаоса нарушена.

Дело в том, что безопасность выхода из боя опирается на минимизацию времени преодоления опасного пространства, а каждый выстрел, напротив, затягивает пребывание под неприятельским огнем. Напряженность этого противоречия несколько ослабнет, если главной задачей стрельбы станет уничтожение не всех противников, а только тех из них, кто препятствует выходу (стоит на пути). Что касается остальных, то будет достаточно снизить эффективность их огня. А эта цель легко достигается демонстративной стрельбой в сторону противника — **огневым прикрытием**.

Беспристрастный анализ показывает, что проблема неуязвимости находит на этом пути более рациональное решение. Ведь для огневого прикрытия вообще не нужны остановки: **стрельба в сторону противника возможна и на ходу**. Главное, чтобы она была интенсивной (сериями по два-три выстрела) и демонстративной (рис. 70). Тогда противник, удостоившийся такого «внимания» скорее всего предпочтет уклониться от огневого контакта и тем самым облегчит воину дальнейшее продвижение. Получается, что если останавливаться только для производства верного выстрела по противнику, вставшему на пути, а во всех других случаях прикрывать свое перемещение интенсивной стрельбой на ходу, то *общее время остановок все-таки уменьшается*.

Рис. 70. В бою «на прорыв» приходится прикрывать свое движение интенсивным огнем в сторону противника. Но если неприятель «стоит на пути», боец вынужден останавливаться для точного выстрела

На первый взгляд, полученный результат вполне оправдывает попытку синтезировать Маневрирование на двигательной основе прорыва. Но здесь нужно учесть еще одну важную деталь. Высокая *интенсивность* огня не тождественна его *результативности*. Скорее наоборот, вторая и третья пули серии имеют еще меньше шансов поразить неприятеля, чем первая. Следовательно, при огневом прикрытии число противников не убывает, а, значит, *угроза с их стороны не уменьшается*.

И тем не менее этот результат внушает определенный оптимизм и дает право подвести некоторые итоги.

Победа в ближнем бою достигается истреблением неприятеля, а это возможно пока воин жив. Поэтому он изворачивается и маневрирует огнем. Естественное человеческое стремление к экономии и рационализму стимулирует синтез Маневрирования — единого, полного и цельного действия, способного примирить изворотливую подвижность с результативной стрельбой. Но беда в том, что ни парадигма «боя на уничтожение», ни парадигма «боя на прорыв» не помогли в поиске панацеи неуязвимости.

Стрельба — вот слабое звено, главная болевая точка Маневрирования. Именно приемы статической (прицельной и бесприцельной) стрельбы вынуждают бойца останавливаться, а значит, подставляться под выстрелы неприятеля. Очевидно, пришло время вернуться к технологии производства выстрела, чтобы в ней найти возможность снятия остроты проблемы неуязвимости в бою.

В этой связи концепция «одним выстрелом» наполняется новым содержанием и особым смыслом — приращение стрелкового мастерства воину необходимо не столько для изощрения в меткости, сколько для выживания в бою.

Выстрел с подвижного основания

Маневрирование, синтезированное на двигательной основе «боя на уничтожение» или «боя на прорыв», не позволяет окончательно снять проблему неуязвимости (и в том, и в другом случае для каждого верного выстрела стрелок вынужден останавливаться).

А, что если сократить длительность остановок, выполнив часть стрелковых действий в движении? Ведь что такое стрельба? Это — изготовка (выход на огневой рубеж, принятие положения для стрельбы, наведение пистолета на цель) и производство выстрела (выбор свободного хода, спуск курка). И что из этого можно сделать на ходу?

Изготовиться? Это не так просто, как может показаться.

Главная задача и основной результат изготовления — *наведение* оружия на цель. Поэтому до тех пор, пока стрелок не разовьет у себя особые механизмы *наведения* пистолета в *движении*, изготовиться на ходу он не сможет.

Что же остается? Только выбор свободного хода и спуск курка.

При выстреле спусковой механизм задействуется *после* нацеливания. Нажимая на спусковой крючок, стрелок должен удержать верную наводку пистолета, иначе покачивание тела, колебание руки, вздрагивание пальцев непременно ее собьют. А что произойдет, если стрелок, к примеру, нажмет на спусковой крючок на ходу, передвигаясь? Спорунет, амплитуда сбивающих воздействий в этом случае неизмеримо вырастет. Но если удастся подавить нестабильность оружия, стреляя с места, не означает ли это, что у каждого опытного стрелка уже имеются (пусть даже окончательно не сформировавшиеся) механизмы стабилизации оружия? А коли так, то почему бы ни развить их до уровня, который позволит надежно сохранять верную наводку пистолета и в движении?

Прежде чем исследовать этот вопрос, сделаем еще одно отступление.

Стабилизация оружия нужна не только при стрельбе в движении (на ходу, на бегу или из машины). Перед выстрелом воину необходимо ощутить землю, почувствовать опору. Однако в бою часто «рушится» само основание стрелковой позиции: вздрагивает, колеблется и вибрирует земля; ускользает, уходит из-под ног опора. Все, что еще секунду назад было основательным и устойчивым, в мгновение ока может стать зыбким, подвижным, ненадежным.

А теперь прислушаемся к себе. Как мы передвигаемся? При ходьбе, беге каждый шаг отдается ударом, буквально сотря-

сает все тело. Земля то «проваливается», то выбивает из рук пистолет. Ясно, что *передвижение стрелка*, как и *подвижность опоры*, дестабилизирует положение оружия. Поэтому мы не особенно погрешим против истины, если в один ряд с проблемой стабилизации пистолета на ходу поставим и удержание верной наводки оружия на нестабильном основании. Что, в свою очередь, позволяет предположить существование единого, *общего решения* обеих проблем, сформулированных в виде *гипотетической обобщенной задачи* — **стабилизации оружия на подвижном основании**. Такова идея данного раздела.

Так какими же осложнениями чревата нестабильность опоры при стрельбе?

Напомним, что и прицельная, и бесприцельная стрельба имеют общую особенность — они прочно ассоциируются, а в некотором смысле даже отождествляются, с жесткой, монолитной, неподвижной конструкцией «стрелок — пистолет». И хотя ее функции при разных способах ведения огня заметно отличаются, само наличие устойчивого, стабильного положения стрелка обязательно в обоих случаях.

Теперь представим, что произойдет, если опора утратит стабильность.

Вот содрогнулась и закачалась конструкция «стрелок — пистолет». Через ее «ребра жесткости» нестабильность опоры мгновенно достигает оружия. «Ровная мушка» рассыпается, как карточный домик, а механизмы бесприцельной стрельбы вообще «слепнут» и теряют работоспособность («Пистолет в ближнем бою. Анатомия стрельбы»).

И все же, оставаясь в рамках технологии статической стрельбы, часть проблем подвижности опоры снять можно. Тем более, что монолитность стрелковой позиции однажды уже была принесена в жертву («Пистолет в ближнем бою. Анатомия стрельбы»): «сопровождая» противника, стрелок оружием *отслеживает* его перемещение, для чего он ослабляет фиксацию поясицы и тем нарушает монолит своей изготавки. Следовательно, если *опора* под ногами стрелка *только поворачивается*, то для стабилизации оружия вполне достаточно ресурса «механизма сопровождения» (рис. 71).

Основание может не только поворачиваться, но и двигаться вверх-вниз (рис. 72). Однако *влиянием* на точность выстрела небольших по амплитуде *колебаний опоры* можно *пренебречь*: незначительный разброс пуль по вертикали почти не сказывается на эффективности поражения противника.

Но вращение и колебание опоры — не самое разрушительное бедствие для статической стрельбы. Куда серьезнее ее *раскачивание* и *наклоны*. Это угроза святая святых — собственной вертикали стрелка. Отклонение от вертикали искажает воспринимаемое пространство, лишает бойца привычной системы ориентиров. Показательным в этой связи является положение вниз головой. Вот уж когда мир, действительно, перевернется. Стрелять из такого положения без специальной подготовки весьма затруднительно.

Но и в случае раскачивания опоры существует возможность сохранить верную наводку пистолета.

«Оживление» поясницы уже разделило конструкцию «стрелок — пистолет» на две жесткие части, связанные гибким сочленением. И вот новое жертвоприношение. Ноги — главные несущие элементы изготовления, должны превратиться в упругую подвеску для пистолета. Тогда, подпружинив всю конструкцию снизу, стрелок обретает «амортизатор» оружия (рис. 73).

Биомеханический амортизатор — устройство непростое. Его работа должна быть согласована с динамикой опоры. Хорошо, если нестабильность имеет некую ритмическую основу. Тогда подлинная динамика достаточно четко выявляется и довольно легко отрабатывается. Хуже, если движение опоры носит случайный характер. Парировать внезапные, резкие толчки и сильные вибрации уже не так просто. Любители почитать в транспорте хорошо понимают, о чем идет речь. Тряска постоянно сбивает глаза с нужной строки. Без хорошо развитого «механизма стабилизации» здесь не обойтись.

Работа подобного психофизического механизма зависит от условий стрельбы. Так в ситуациях, когда нестабильность основания спонтанна, а подвижность стрелка ограничена, «механизм стабилизации» должен прежде сохранить равновесие бойца (его *статическую устойчивость*) и только потом обеспечить амортизацию оружия.

Рис. 71. Стабилизация оружия при поворотах опоры

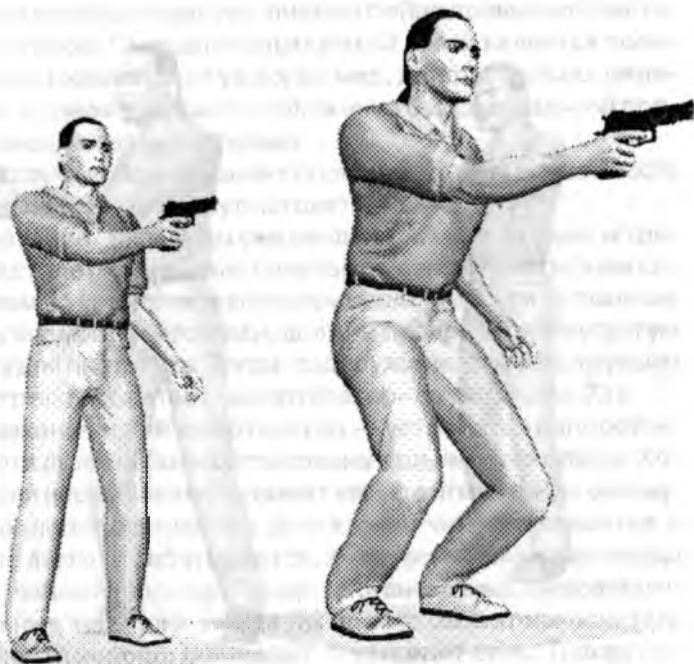

Рис. 72. Стабилизация оружия при вертикальных перемещениях опоры

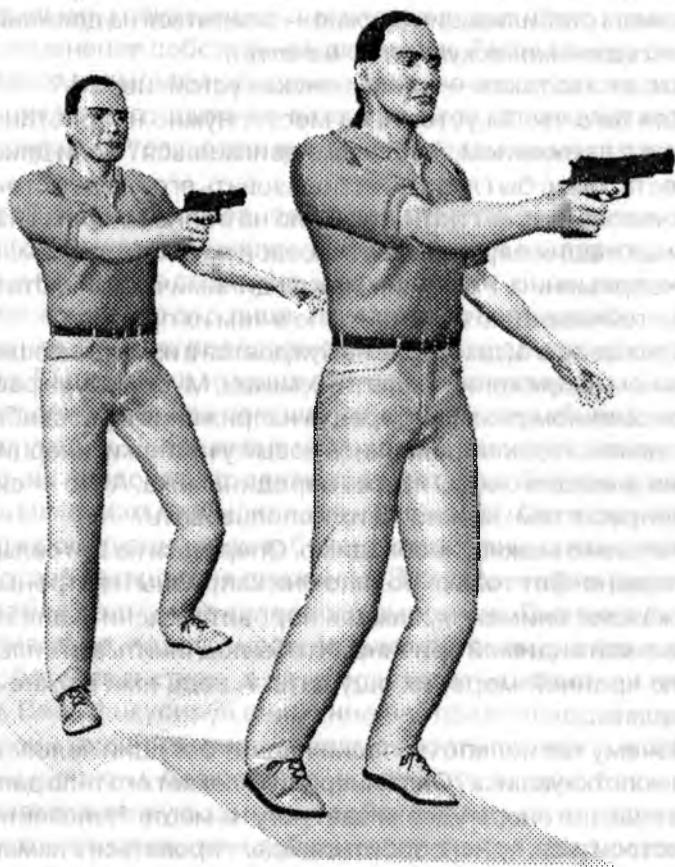

Рис. 73. Стабилизация оружия при наклонах опоры

Но статическую стабилизацию стрелковой позиции можно обеспечить далеко не всегда. Часто, чтобы удержаться на ногах, боец вынужден сделать несколько шагов. Тем более, что ограничение мобильности стреляющего — явление обычное, но отнюдь не роковое. Поэтому когда появляется возможность переступить, перешагнуть на подвижном основании, стрелок получает шанс «оживить» и в чем-то даже «одухотворить» механизм стабилизации оружия — опереться на движение (сохранить *динамическую устойчивость*).

Что же это такое — динамическая устойчивость?

Для того чтобы устоять на месте, нужно непрестанно бороться с движением. А если уже двигаешься? Если движение уже есть, было бы глупо не использовать его «на все сто». Спящий человек может идти, так было на войне во время изнурительных пеших маршей. А вот часовой на посту, задремав, упадет непременно. Различия между динамической и статической устойчивостью очевидны, но в чем их природа?

Прежде всего, движение не нуждается в изматывающем статическом напряжении скелетных мышц. Мускулатура работает в экономичном режиме, чередуя напряжения и расслабления. Но главное, «в деле» появились новые участники: инерция движения, реакция опоры и даже аэродинамика. А это — силы!

Вопрос в том: можно ли их использовать?

Не только можно, необходимо. Опереться на эти силы вполне реально. Вот только больно они капризны и ветрены. Каждая жаждет внимания, каждая норовит изменить внезапно и без всякой видимой причины. Чтобы подчинить эти силы, нужно, по крайней мере, их ощущать. А ведь ими можно еще и управлять...

Почему так нелепо и опасно падает бегущий человек, внезапно споткнувшись? Сила инерции увлекает его тело дальше, а сила реакции опоры удерживает ногу на месте. Человек не смог перестроиться, приспособиться, адаптироваться к изменению действующих сил. Судорожно дергаясь, он пытается остаться на ногах, сохранить равновесие, не понимая, что это уже невозможно. Сопротивляться бессмысленно. Стихия сильнее.

А вот другой пример. Узкое бревно переброшено через глубокую расщелину. Как перебраться на другую сторону? Сохра-

нить равновесие над пропастью почти невыносимо — бревно пружинит и раскачивается. Единственный шанс — двигаться решительно и быстро, почти бегом. Вперед! Ноги едва успевают за стремительно «уходящим» центром тяжести. Еще мгновение... и падение неизбежно. Уже теряя равновесие... последний отчаянный рывок и прыжок на спасительную твердь. Спасибо инерции — вынесла!

Эти примеры показывают, насколько важно чутко воспринимать изменение собственной динамики. Такое тонкое ощущение динамики не только своего тела, но совокупного, взаимопроницающего влияния всех сил, может зародиться и сформироваться только при выполнении специальных упражнений.

Попробуйте, например, представить себя почти невесомым. Тогда может возникнуть ощущение, что вы парите над землей, а не прочно стоите на «своих двоих». Ноги, конечно, касаются земли, но это лишь контакт с поверхностью, а не опора на нее. Тело же поддерживает какая-то другая, неведомая сила. Быть может, именно это чувствуют младенцы, когда их учат двигаться при помощи «ходунков»: перебирай ножками, как угодно, — все равно не упадешь! Такие упражнения, конечно, не позволят оторваться от матушки Земли, но вот оживить механизм стабилизации — пожалуй. Они приучают концентрироваться на задаче боя и отсекают внимание от внезапно потребовавшегося движения. Эти упражнения порождают особое состояние телесного смирения. Они учат тело пристраиваться, подстраиваться, адаптироваться к сложившимся обстоятельствам, а не использовать шаблоны и трафареты. Ведь фокусируя внимание на «правильности» движений, воин теряет главное — возможность победить в бою. А если он целиком, без остатка, погружен в стихию боя и не вмещивается в тонкую самонастройку балансира на подвижном основании, механизм стабилизации пистолета становится реальностью.

Таким образом, механизм стабилизации оружия работает в двух режимах. Если боец стеснен в своих движениях, то «стабилизатор», включив статический режим, удержит его от потери равновесия на подвижной опоре и компенсирует колеба-

ния пистолета. Обладая большей свободой в своих перемещениях, стрелок может стабилизировать оружие в динамическом режиме, что существенно расширяет его возможности при ведении огня в движении.

Безопорный выстрел

Подвижность опоры, безусловно, осложняет ведение огня. Но любое основание, даже если оно нестабильно, продолжает играть свою поистине **фундаментальную** роль. *Наличие* хоть какой-то *опоры* оставляет стрелку шанс на меткий выстрел.

Но вот боец прыгает с высоты, прыжком уходит из-под огня, броском приближается к цели. На мгновение он *лишается опоры*. Как *удержать наводку* оружия, находясь в полете?

Начнем с того, что полетной фазой сопровождается и целенаправленный прыжок, и случайное падение. Представьте, что воину нужно спрыгнуть со второго этажа. Это возможно? При известной сноровке — вполне. Теперь изменим ситуацию. Боец выходит на балкон осмотреться, опирается на перила, а они... внезапно и легко поддаются. Будет ли падение с высоты отличаться от хорошо подготовленного прыжка? На наш взгляд — разница принципиальная! Да и в контексте Маневрирования имеет смысл говорить именно о тщательно рассчитанном и сознательно совершенном прыжке, а не о случайном падении.

На первый взгляд, прыжок — не самый подходящий момент для стрельбы. Трудно представить что-либо менее устойчивое, чем полет. Это утверждение верно, но не полно. Земля действительно «ушла из-под ног». Но означает ли это, что в прыжке стрелок вообще не имеет никакой «опоры»? Отнюдь. Ведь что такое «опора»? Это, прежде всего, сила, поддержка, помощь. Это полная определенность собственного положения. Это ощущение стабильности пространства, времени, движения.

Хорошо рассчитанный прыжок обладает именно такими свойствами. Разве мы не сами выбираем точку приземления? Разве мы не знаем, как долго продлится полет? Разве мы не представляем себе его траекторию? Несомненно,

сами выбираем, точно знаем и отлично представляем. За свою жизнь каждый прыгал тысячи раз, и в абсолютном большинстве случаев все заканчивалось именно так, как и планировалось.

В этом нет ничего удивительного. Полетная фаза прыжка зарождается и развивается благодаря «усилиям» наших старых знакомых: инерции, аэродинамики и гравитации. Человек постоянно испытывает на себе воздействие этих сил. Каждый лично осваивал динамику прыжка и в результате обрел колоссальный опыт «безопорных» состояний. Теперь достаточно взгляда, чтобы сказать наверняка: перепрыгну, допрыгну, запрыгну... или нет. Не правда ли — практически абсолютная определенность? Грех не воспользоваться такой незыблемой, испытанной, опробованной «нестабильностью», как баллистический полет. Но прежде придется изменить собственное отношение к полетной фазе прыжка.

Как воспринимается прыжок неискушенным стрелком? Как миг неопределенности между двумя стабильными состояниями. Он считает, что любые действия должны быть прерваны до начала прыжка и могут быть возобновлены лишь по его завершению. Ему не по силам продуктивно использовать несколько мгновений свободного полета. Безопорное состояние враждебно новичку, оно не располагает его к предметной деятельности.

Необходимо в корне изменить это положение. Фаза полета должна стать ощутимой, продолжительной, комфортной. Это позволит не «заикливаться» на самом полете, а сосредоточиться на удержании верной наводки оружия.

Здесь возможны два пути. Первый — достаточно очевиден. Ежедневная, кропотливая и изнурительная работа над освоением каждого нужного движения. Тысячи, десятки тысяч учебных прыжков. Именно так тренируются спортсмены.

Но существует и другой путь. Правда, это путь не вперед, а назад, в прошлое. Ведь придется «вспомнить» наш самый первый двигательный опыт — девятимесячный марафонский заплыв в материнской утробе. Мы крепко его подзабыли. Будем надеяться, что не окончательно. Кроме того, нужно учесть, что для безопорной стабилизации оружия скорее всего не потре-

буются головокружительные акробатические трюки. Напротив, именно простота и естественность прыжка — залог меткого выстрела.

Для развития психофизики *безопорной стабилизации* пистолета используется система упражнений, обладающих ярко выраженной инерционностью. Но главное даже *не двигательный состав* упражнений, а отношение к ощущениям, которые при этом возникают. Здесь особенно пригодится способность отсекаать внимание от некоторых видов двигательной активности. Проблема в том, что всеми действиями в безопорном состоянии управляет совершенно *особый механизм*. Внедрение сознания в его работу невозможно. Реальна лишь активизация этого механизма, но только при условии собирания внимания на комплексе ощущений, сопровождающих его деятельность.

Итак, если восстановить первородное доверие к безопорному состоянию, то останется лишь подчистить некоторые технические детали прыжка.

Главное в технике безопорной стабилизации пистолета — «включить» прыжок в траекторию полета пули. На секунду представьте, что вы не стреляете, а работаете ножом. Попробуйте прыжком «достать» цель и сконцентрируйтесь на собственных мышечных ощущениях. Обратили внимание: тело подбирается, напрягается и фокусируется на острие клинка. Теперь вы и нож — единый метательный снаряд. В цель летит тугий сгусток энергии, а не разболтанная бесформенность.

При безопорной стабилизации пистолета происходит нечто подобное. Прыжок становится завершающей фазой подготовки выстрела. Здесь пуля как бы выводится на попадающую траекторию. Поэтому нажимать на спуск лучше «на взлете» — до или в момент «зависания». Потом, на нисходящей фазе полета, ствол начнет неудержимо отклоняться от цели.

Но даже в момент «зависания» стабилизация оружия невозможна без тщательно подобранной конструкции «стрелок — пистолет». В полете достаточно неловко шевельнуть рукой или ногой, и сила инерции развернет, закрутит, опрокинет. Именно поэтому в прыжке должна быть собрана идеально сбалансированная, плотная конструкция.

Такими свойствами обладают изготовки с горизонтальным или вертикальным положением продольной оси туловища. Горизонтальное положение продольная ось занимает при выполнении прыжка «рыбкой», который идеально подходит для безупрочного выстрела, поскольку напоминает стрельбу из положения лежа (рис. 74а). Но продолжительность зависания ничтожна, что серьёзно ужесточает требование к своевременности нажатия на спуск. Кроме того, техника прыжка «рыбкой» подходит лишь для горизонтального маневрирования. Да и условия приземления после такого прыжка комфортными не назовешь. Поэтому чаще прыгают «солдатиком» — удерживая туловище в вертикальном положении и приземляясь на ноги (рис. 74б). В этом случае продольная ось тела вновь становится вертикалью стрелка, и он снова обретает привычную систему отсчета.

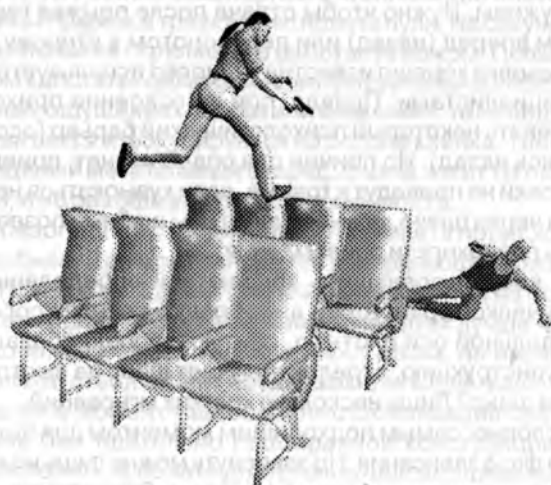
Но не следует забывать, что после прыжка, особенно со значительной высоты, непросто сохранить равновесие. Остроту этой проблемы легко снять, если освоить технику приземления с оружием. Нужно чтобы отдача после прыжка гасилась кувырком вперед (назад) или переворотом в сторону. Такая самостраховка хорошо известна и широко используется многими специалистами. Правда, при ее освоении приходится преодолевать некоторый психологический барьер (особенно кувыркаясь назад). Но причин для опасения нет, приемы самостраховки не приведут к травме, если кувыркаться не через голову, а через плечо, причем так, чтобы шейные позвонки не касались поверхности приземления.

Итак, воспользовавшись абсолютной определенностью баллистической траектории и «собрав» на основе собственной продольной оси плотную, сбитую, хорошо сбалансированную конструкцию, стрелок получает шанс на выстрел. Но что это за шанс? Лишь несколько кратких мгновений.

Безусловно, самым подходящим моментом для выстрела является фаза зависания. Но зависнуть можно лишь на излете, перед нисходящим участком траектории. Следовательно, необходим участок набора высоты. Прыжок в длину как раз наиболее подходит для этой цели. А вот прыжок сверху вниз не всегда следует начинать с подпрыгивания. Нередко высота

а

б

Рис. 74. В ближнем бою не обойтись без стрельбы в прыжке

прыжка и без того чрезмерна. Тогда остается дожидаться участка вертикального полета. Правда, он непосредственно предшествует приземлению, но зато это самая устойчивая фаза нисходящего движения.

Итак, сохранить верную наводку оружия в прыжке можно только в том случае, если придать конструкции «стрелок — пистолет» особые полетные свойства: собранность, компактность, плотность. А сам прыжок должен быть детально оцущствован при освоении и тщательно рассчитан при исполнении. Тогда полет на цель превращается в заключительную фазу «вскидки», а прыжок с высоты становится ожиданием «встречи» с противником.

Стрельба на ходу

Теперь пришло время возвратиться к началу раздела и вспомнить поставленную там задачу. **Стабилизация оружия на подвижном основании** — вот, что нас интересует. Мы уже выяснили, что дестабилизация оружия из-за подвижности опоры, будь то маневрирование стрелка или иные факторы боя, а равно безопорная фаза прыжка не являются непреодолимыми препятствиями для удержания верной наводки пистолета. Активизация и развитие психофизических механизмов статической и динамической стабилизации позволяют парировать и подавлять некоторые воздействия, сбивающие наводку оружия.

Теперь необходимо выяснить: с какими именно траекториями маневра и с какими конкретно формами нестабильности опоры в действительности могут справиться механизмы стабилизации оружия? И что особенно важно: как эти механизмы меняют облик Маневрирования в целом?

Что касается допустимых форм подвижности опоры, то по ходу обсуждения вопроса они уже упоминались. Это — повороты, колебание и раскачивание. При всех перечисленных видах нестабильности по отдельности, а равно при любом их сочетании, удержание пистолета на цели при стрельбе с места — реально. Проблема не в форме подвижности опоры, а в ее параметрах: интенсивности, амплитуде, частоте.

Ясно, что механизм статической стабилизации оружия сохраняет работоспособность до тех пор, пока стрелок способен удерживать равновесие не сходя с места (не переступая). Безусловно, существует параметрический предел сбивающих воздействий, за которым последует либо падение стрелка (потеря равновесия), либо запаздывание его ответных парирующих действий. И в том, и в другом случаях положение оружия безнадежно дестабилизируется.

Динамическая стабилизация пистолета обладает несколько большим потенциалом подавления сбивающего влияния подвижности опоры. Переступая и перешагивая, стрелок может парировать более интенсивные и амплитудные воздействия. Но и в этом случае возможности механизма стабилизации ограничены необходимостью сохранять пространственное положение пистолета, направленного в цель.

Таким образом, при стрельбе с места характер неустойчивости опоры почти не сказывается на работе механизмов стабилизации оружия до тех пор, пока интенсивность воздействий не превышает предельных уровней.

Иное дело — допустимые траектории маневра. Тут все гораздо серьезнее.

При маневрировании каждый шаг стрелка буквально сотрясает оружие в его руках, но, сверх того, вследствие нелинейности «петляния» его тело постоянно отклоняется от вертикали. Однако успешная стрельба из наклонного положения крайне затруднена (а бесприцельная и вовсе невозможна) и... механизмы стабилизации оружия ликвидируют отклонение продольной оси тела стрелка. Выходит стрельба и защитное маневрирование несовместимы. Как же быть?

Напомним, главной нашей целью было сокращение времени остановок для стрельбы при маневрировании. И если нельзя сохранить наводку оружия на ходу, то к чему все сказанное выше? Вопрос вполне законный. И ответ на него существует.

Да, механизмы стабилизации оружия не позволяют удерживать пистолет на цели при произвольной форме маневра, однако это не означает, что допустимых траекторий маневрирования не существует вовсе. При постановке задачи требо-

валось изыскать возможность **часть стрелковых действий выполнять на ходу**, не более того, и это существенно снижает напряженность обозначившейся проблемы.

Если механизмы стабилизации оружия не работают на нелинейных участках защитного маневра, значит к моменту выстрела траекторию нужно *линеаризовать*. То есть, чтобы сохранить наводку оружия, не прекращая маневрирования, в момент выстрела нужно двигаться прямо на цель (пятиться от цели). В этом случае механизмы стабилизации защитят оружие от сотрясения тела, а перемещение не будет сопровождаться уходами из плоскости нацеливания.

Этот вывод вынуждает нас вернуться к проблемам ближнего боя и посмотреть, как возможность сохранить верную наводку оружия в движении сказывается на единстве, полноте и целостности Маневрирования.

Вновь обратимся к двигательной парадигме «боя на уничтожение», именно она целиком соответствует концепции «одним выстрелом».

Без активизации психофизических механизмов стабилизации оружия, Маневрирование строится по схеме: «торможение, изготовка, спуск курка, разгон, маневр» (рис. 75). То есть, защитный маневр расчленяется на отдельные «петли», которые чередуются с остановками. Другими словами, **маневрирование прерывается стрелковыми паузами**. Теперь же, его можно **не прекращать**, а только лишь **видоизменять**.

Но каким образом? Даже если нажимать на спусковой крючок не прекращая движения, на время изготовки все равно придется остановиться.

Верно. Но уже одно это позволяет усовершенствовать схему Маневрирования с учетом возможностей механизмов стабилизации оружия. В этом случае сразу после наведения пистолета стрелок разгоняется прямо на цель и по ходу движения жмет на спусковой крючок. То есть Маневрирование выполняется по схеме: «торможение, изготовка, разгон-и-спуск курка, маневр» (рис. 76). Из чего со всей очевидностью следует, что стрелковые паузы хоть и сокращаются, но тем не менее остаются, — для изготовки боец останавливается. От старт-стопной динамики Маневрирования уйти не удастся. Хотя, безус-

*завершение
предыдущего
маневра*

торможение

*изготовка,
спуск курка*

разгон

*начало
маневра*

Рис. 75. Маневрирование с остановкой для выстрела

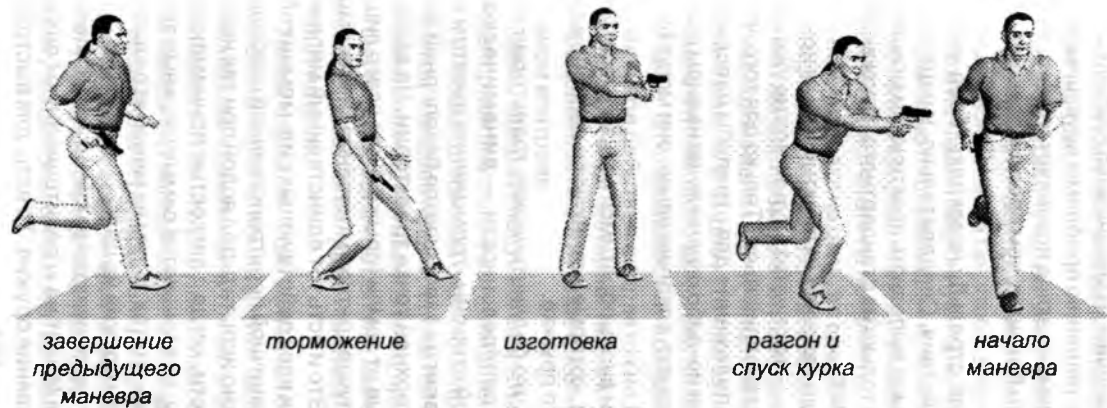

Рис. 76. Маневрирование с остановкой для нацеливания

ловно, включение психофизических механизмов стабилизации оружия — заметный шаг к решению проблемы неуязвимости.

Однако более пристальный взгляд позволяет увидеть в полученном результате нечто большее, чем простое сокращение стрелковых пауз.

Известно, что осваивая стрельбу *навскидку*, боец учится уплотнять стрелковые действия. Следовательно, и нацеливание пистолета стрелок может выполнять практически мгновенно. Правда, делает он это только из стандартного положения и об этом не следует забывать.

Будем рассуждать. Если нацеливаться практически мгновенно — «вскинув» пистолет, — то спустить курок можно уже и на ходу. Для чего же тогда останавливаться? Только для того, чтобы принять стандартное положение для стрельбы *навскидку* (например, с бедра). Но какие-либо *ограничения* на виды стандартных изготовок *отсутствуют*, следовательно, они могут быть **любыми**.

Запомним этот вывод и вновь обратимся к так называемым безопорным состояниям, которые возникают и сопровождают полетную фазу каждого прыжка.

Выше мы установили, что *баллистические траектории* обладают особой формой определенности — **динамической устойчивостью**. С другой стороны, *торможение взлетом* на «гравитационную горку» **всегда** завершается безопорной фазой — «**зависанием**» в верхней точке траектории. Не важно, был ли фактический отрыв от земли (прыжок) или всего лишь его имитация, в любом случае краткое мгновение «невесомости» будет обязательно. Это и есть тот единственный миг взаимного уравнивания всех действующих сил, момент обретения человеком безграничной пространственной свободы. Подобное состояние можно испытать под водой при так называемой нулевой плавучести, когда с легкостью принимаются самые немыслимые позы, совершаются самые сложные эволюции. Но миг «зависания» краток. И тем не менее его вполне достаточно, чтобы навести оружие на цель.

Теперь, если пистолет нацеливается в момент «зависания», значит само торможение (взлет на «гравитационную горку») превращается во вскидывание оружия. То есть, для выстрела

«навскидку» из стандартного положения стрелок вскидывает только пистолет, а при стрельбе на фазе «зависания» — «вскидывается» сам.

Как же в этом случае выглядит Маневрирование?

«Петляя», стрелок принимает решение на выстрел. Он меняет рисунок маневра так, чтобы энергичное торможение втолкнуло его на «гравитационную горку», взлетая на которую, стрелок производит «доразведку» и, если нужно, корректирует план. Заключительная фаза «взлета» и «зависание» используются для наведения пистолета на выбранную цель. Далее следует «скатывание» стрелка на цель, во время которого спускается курок и набирается скорость для возобновления «петляния». В этом случае Маневрирование осуществляется по схеме: «взлет-и-доразведка, зависание-и-нацеливание, скатывание-и-спуск курка» (рис. 77). Видно, что при этом происходит наложение каждого стрелкового действия на одну из фаз «торможения-разгона». Это оказывается возможным только потому, что стрелковое действие опирается на динамически устойчивую форму движения, которая, именно в силу собственной предопределенности, не нуждается во «внимательном» и непрерывном контроле.

Здесь еще раз следует оговориться. Речь не идет о прыжке. Безопорное состояние есть следствие взаимной компенсации сил инерции движения стрелка и притяжения Земли. Задача стрелка, следовательно, сводится к управлению взаимным положением частей своего тела, причем таким образом, чтобы сначала инерция «петляния» вынесла пистолет в точку «зависания», а затем инерция «скатывания» стабилизировала пистолет на цели.

Таким образом, психофизические механизмы «вскидки» пистолета и его «стабилизации» на цели позволяют стрелять, не прекращая движения, а только управляя его динамикой. Нет сомнения в том, что результативность такой стрельбы целиком зависит от настойчивости и трудолюбия при ее освоении. Но ревнителю стрельбы теперь вооружены главным — пониманием процессов и знанием механизмов.

И тем не менее полученные результаты необходимо подвергнуть тщательной экспертизе. Ведь не ради пустой прихо-

**завершение
предыдущего
маневра**

**взлет и
доразведка**

**зависание и
нацеливание**

**скатывание
на цель и
спуск курка**

**начало
маневра**

Рис. 77. Стрельба на ходу «скатыванием» на цель

ти так усложняется стрельба. Главная, нерешенная пока, проблема Маневрирования — неуязвимость в бою. Именно острота этой проблемы вынуждает нас упорно искать выходы из этой противоречивой ситуации.

Итак, неуязвимость. На первый взгляд решение найдено. Полноценная стрельба, которая при известной настойчивости может стать результативной, ведется на ходу, практически без остановки. Не это ли идеал Маневрирования, в котором непротиворечиво сосуществуют и увертливое передвижение и меткая стрельба?

Пожалуй, что нет.

Несмотря на все наши ухищрения, все еще остаются три не сразу бросающихся в глаза обстоятельства.

Во-первых, несомненно, что при «взлете», «зависании» и «скатывании» стрелок **не прекращает** своего движения. Но для неприятеля важно другое: на фазе «торможения-разгона» вертикаль его цели, фактически, остается **на месте**. Этим нарушается известное требование к защитному маневрированию — *исход из поражаемого объема*. Другими словами, во время такого выстрела стрелок, хоть и не прекращает движения, но задерживается в простреливаемой зоне дольше, чем это допустимо. Именно по этой причине выходить на «гравитационную горку» нужно внезапно, неожиданно для противника.

Во-вторых, «скатываясь» на цель, стрелок жмет на спуск и, одновременно, набирает скорость для последующей защитной «петли». Инерция разгона не только оберегает верную наводку пистолета, но и захватывает, увлекает самого воина, удерживает его на траектории «скатывания», осложняя переход к «петлянию». Пребывание на линии огня затягивается и тем нарушается второе правило увертливости — *минимизация длительности «открытых» участков защитного маневра*. Но и этот недостаток можно устранить. Нужно лишь вспомнить о полноте свойств, органически присущих стрельбе навскидку.

Идеальная «вскидка» собирает в себе не только мгновенное наведение пистолета, но и одновременное с этим нажатие на спусковой крючок, причем так, чтобы выстрел прозвучал точно в момент нацеливания. Другими словами, существует реальная возможность сократить линейный (демаскирующий)

участок «скатывания» практически до нуля, то есть стрелять на фазе «зависания», что, в свою очередь, позволяет, «сваливаясь» с «гравитационной горки», сразу выходить на очередную защитную «петлю» (рис. 78). Согласитесь, такая модификация Маневрирования — заметный шаг к примирению меткости и неуязвимости.

Но остается еще третье, последнее обстоятельство, влияющее на результативность стрельбы. Дело в том, что при взлете на «гравитационную горку» боец попадает в стихию не во всем ему подвластную. Инерция разворота конструкции «стрелок-пистолет» при ее наведении на цель может сыграть с ним злую шутку. Ведь точность нацеливания неразрывно связана с величиной угла, на который стрелку необходимо повернуться. Чем больше угол разворота, тем ниже точность наведения пистолета. Эта простая закономерность указывает очевидный путь к снижению ошибки нацеливания.

Непосредственно перед выстрелом нужно так видоизменить защитный маневр, чтобы «зайти» на цель, как это делали самолеты-торпедоносцы времен второй мировой войны. Иначе говоря, с «гравитационной горки» можно не только сбегать на цель, но и, как в рассматриваемом случае, «взлетать» на горку точно в направлении цели (рис. 79). Правда, тогда траектория «захождения» на цель раскроет план стрелка и демаскирует его намерения так же, как и слишком затянутая траектория «скатывания».

Словом, техника «безопорной вскидки» может видоизменяться в достаточно широких пределах. Такая пластичность технологии выстрела позволяет микшировать главные противоречия меткости и неуязвимости. Однако полное задействование потенциала стрельбы на ходу потребует от бойца предельного внимания и собранности. Только при этом условии все возникающие неувязки воин сможет компенсировать тактическим чутьем и расчетливым использованием пространства боя (складок местности, мертвых зон, затененных участков и т.п.).

Таким образом, «безопорная вскидка» с элементами стабилизации оружия в движении во всех своих вариантах и модификациях заметно меняет зримый образ Маневрирования. Он обретает новые, необычные черты: воин, внезапно мате-

*зависание,
нацеливание и
спуск курка*

скатывание и начало маневра

Рис. 79. Стрельба на ходу с «захождением» на цель

риализуясь из пространственно-временного небытия «петляния», на мгновение сбрасывает спасительный покров «мерцания» и «обретает плоть», чтобы, сделав выстрел, тут же вновь деформировать свой силуэт, размыть контуры, утратить очертания.

Другими словами, двигательное содержание группового боя, пройдя сквозь неудовлетворенность стрелка, его сомнения и поиск, совершило диалектический виток и вернулось в свое привычное русло. Теперь, как и раньше, воин скрывается от неприятельских пуль в надежном убежище, которое вынужден покидать для каждого ответного выстрела. Разница в том, что укрытием теперь может служить не только материальное препятствие, но и особая форма изворотливой подвижности — «петляние».

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Вопрос не праздный. На первый взгляд «безопорная вскидка» — верх стрелкового совершенства. Но с другой стороны, необоримая потребность все время что-то улучшить, «дорабатывать» лишь усиливает смутное беспокойство, которое подспудно сопровождает все наши попытки увязать изворотливость со стрельбой. А теперь и вовсе, создается впечатление, что стрельба и «петляние» несовместимы принципиально: пока не удалось уйти от **чередования** стрелковых и защитных действий и добиться их непротиворечивого **совмещения**.

Эволюция стрельбы до уровня «безопорной вскидки» прекрасно иллюстрирует парадоксальность создавшейся ситуации. Посудите сами: открытость участка «скатывания» на цель раскрывает намерения стрелка. Выстрел на фазе «зависания» снимает этот недостаток, но ухудшает точность нацеливания. Прямолинейное «захождение» на цель уменьшает ошибку наведения пистолета, но опять же за счет демаскирования намерений стрелка. Круг замкнулся: *наращивание изворотливости снижает качество стрельбы, а стремление восстановить утраченную меткость вынуждает жертвовать неуязвимостью.*

Так в чем же корень зла? В чем суть столь непримиримых противоречий между точной стрельбой и увертливой подвижностью? Почему меткий выстрел никак не уживается с защитным маневром? Почему бойцу все время приходится выбирать между эффективностью огня и неуязвимостью?

На наш взгляд, причина в том, что и меткость, и увертливость — каждая достигается своей особой формой телесности. Характер защитных и стрелковых движений принципиально противоречив (хаос «мерцания» и отчетливость стрельбы). Но, так как оружие «соединено» с телом воина в единую биомеханическую конструкцию «стрелок-пистолет», то деваться некуда: либо пистолет послушно сопровождает увертки бойца, либо боец «наводится» на цель вместе с пистолетом. И распутать этот узел пока не удалось.

Но надежда, как известно, умирает последней. Быть может этот узел — «гордиев», и его нужно не развязывать, а рубить?

Возможно, *искомое* — в полной **независимости** стрелковых и защитных движений? По крайней мере на первый взгляд их **самостоятельность** вполне способна породить желаемый сплав меткости и неуязвимости.

Своя логика в этих рассуждениях есть. Если в одно и то же время пистолет «находит и поражает» врагов, а тело стрелка «увертывается» от пуль, не это ли идеал воина?

Итак, принимаем гипотезу о необходимости **суверенности** телодвижений и стрелковых манипуляций. Что же стоит на пути их независимости?

Ответ очевиден: жесткая телесная связь стрелка и цели.

Развитый механизм пространственной адаптации помогает бойцу установить особую психофизическую связь с целью — «привязаться» к ней. Именно это обстоятельство делает бесприцельную стрельбу реальностью. Однако всякая связь имеет две стороны: чем она отчетливее, тем надежней, но значит и прочнее. Словом, при чрезмерном увлечении бесприцельной стрельбой, опорные элементы изготровки начинают доминировать, сдерживать мобильность воина, ограничивать его двигательную свободу.

Чтобы этого не происходило, нужно своевременно «извлечь булавку» собственной вертикали, оставить «уют» плоскости нацеливания и выйти в «открытое пространство». Ведь именно плоскость нацеливания и вертикаль играют ведущие роли в организации однозначной, жесткой связи пистолета и поражаемой цели **через тело** стрелка. Поэтому «высвобождение» оружия нужно начинать с поиска **иного посредника** между пистолетом и целью. Словом, необходимо *менять технологию бесприцельного выстрела*.

Здесь будет уместно напомнить, что подступы к решению этой задачи мы уже расчистили. Впервые призыв: «свобода оружию», прозвучал при обосновании актуальности *двухплоскостной стрельбы* (Пистолет в ближнем бою. Анатомия стрельбы). И хотя у нее обнаружился чрезвычайно существенный (для группового боя) недостаток — невозможность переноса огня по фронту, — тем не менее, первый шаг к высвобождению оружия из плоскости нацеливания был сделан. И этот шаг имеет колоссальное *методологическое значение*.

Дело в том, что при освоении двухплоскостной стрельбы у воина зарождается, укореняется и взращивается **«чувство ствола»** (способность направить пистолет в заданную точку), правда, только **в границах плоскости нацеливания**. Следовательно, стараясь избавиться от «ига» плоскости нацеливания, стрелок должен осознавать, что в этом случае он остается без привычной системы координат. Поэтому для того, чтобы «чувство ствола» не исчезло вместе с плоскостью нацеливания, нужно принять специальные меры.

К счастью, человек обладает собранием уникальных природных механизмов. Способность к *адаптации и ориентации в пространстве* занимает одно из почетных мест в этой коллекции. Именно активизация механизмов адаптации и ориентации позволяет бойцу стрелять бесприцельно.

Заметьте, для одиночного выстрела боец **«привязывается»** к поражаемой **цели**. А что, если **«привязываться»** не к одному объекту, а сразу ко всем — ко всему окружающему **пространству**? Быть может тогда чувство ствола «покинет пределы» плоскости нацеливания и «пронизет» собой все пространство боя?

Почему бы и нет. Природная адаптация по своему естеству объемна, пространственна. Но чтобы использовать эти свойства, воину придется решиться на кардинальную смену своих привычных, установившихся отношений с окружающим миром. Необходим отказ от *эгоцентричности* своих взглядов. То есть, боец не должен считать себя ни «пупом Земли», ни «центром Вселенной». Ведь мало кто обращает внимание на то, что восприятие окружающего мира *относительно собственного Я* стало своего рода привыком, вошло в привычку. И если от нее отказаться, если решительно порвать со стереотипами восприятия, произойдет удивительная метаморфоза: «привязка» из единичного, локального акта превратится в глобальный, всеобъемлющий и всепоглощающий процесс, в *иное «видение» пространства* — в **«Привязку»**.

Точно описать это явление непросто. Как любой психофизический феномен, «Привязка» обладает ярко выраженной субъективностью, но это не мешает пояснить суть происходящего.

«Привязываясь», воин как бы **«заполняет»** собой пространство, выстраивает с ним систему отношений, опутывает его паутиной связей. В результате возникает своего рода **слепок поля боя**, параметрами которого являются не столько размер, протяженность и направление, сколько их чувственные образы с ощущением единства и цельности, деталей и полутонов. Процесс «Привязки» отчасти рассудочен, но в гораздо большей степени эмоционален. Здесь тесно переплетаются ощущения пространства и направления, конфигурации и вложенности, объема и удаленности, порождающие у воина особое состояние **контроля над обстановкой**.

Но как бы не был широк спектр **субъективного** в переживаниях «Привязки», ее следствия вполне **объективны**. Каждая точка «заполненного» пространства ощущается почти так же отчетливо, как точка на собственном теле. Следовательно, и «чувство ствола», избежав печальной участи коллекционной бабочки, «спасается» от прокола вертикалью, «вырывается» из плоскости нацеливания и «захватывает» все пространство боя. Теперь нацелить пистолет не сложнее, чем приставить его к собственному виску.

Однако боевые действия не сводятся исключительно к стрельбе. Перемещения, преодоление препятствий, рукопашные схватки образуют единую ткань боя, его особый двигательный фон.

В этой связи закономерен вопрос: пригоден ли *традиционный двигательный арсенал* бойца для действий в «заполненном» пространстве? Практика, как известно, критерий истины. Потребность в *телесной инаковости* осознается через фиаско первых же попыток стрелять *по-новому*. Оказывается, привычный характер движений разрушает «Привязку» и, как следствие, боец теряет «чувство ствола». Выход кажется очевидным: необходима **иная** пластика, **другая** организация стрелковых движений. Поясним это утверждение на примере.

Представьте в своих руках емкость, до краев наполненную водой. Успокойте волнение жидкости, добейтесь ровной гладь. Считайте, что это аналог «заполнения» пространства. Теперь попытайтесь повернуться кругом, не расплескав при этом воду... Почувствовали, что значит сохранить «Привязку»?

Этот пример дает возможность ощутить всю необычность, инаковость телесных трансформаций, поддерживающих действия в «заполненном» пространстве. Ясно, что обычные, так сказать «строевые» приемы, здесь не годятся. Оставляя за скобками обоснование этого вывода, возьмем на себя смелость утверждать, что в наибольшей степени сохранению «Привязки» содействует парадигма **безопорного движения**. Это особая, своего рода «несущая» пластика, внешне напоминающая телодвижения в невесомости или под водой. Впервые она явила себя при настройке механизма стабилизации оружия, но только как легкое дуновение первобытного, реликтового духа иной телесности. Теперь пришло время погрузиться в эту стихию целиком, осознанно и решительно. Но суть здесь, конечно, не в нарочитой экзотичности или вычурности подобных эволюций, а в том, что они в целом, и в каждой своей частности подчинены одной общей цели — сохранить «Привязку». А уж она, в свою очередь, будет естественно и непреткновенно поддерживать работоспособность «чувства ствола».

Все это замечательно, но снимает ли стрельба «по чувству ствола» противоречия между точностью и неуязвимостью? Нет.

При традиционном отношении к технике и тактике ближнего боя стрельба и «петляние» решают **разные задачи** (поражения и выживания). В каждый момент боец может сконцентрироваться на решении только одной из них. Отсюда **неизбежность переключений**. Ясно, что именно деление **главной задачи** (победить) на **две частные** (выжить и поразить) заводит стрелка в тупик. И до тех пор, пока воин сам не установит иерархию задач боя, их приоритет, соподчиненность, его будет неизменно затягивать в эту дуальную безысходность.

А ведь иерархия напрашивается. Бой на уничтожение, беспощадное истребление врага — вот она исходная, отправная точка. Все в бою должно подчиняться этой главной цели. Значит, на первом месте стоит именно меткий выстрел (концепция «одним выстрелом»), а телесная увертливость — только обеспечивает его.

Другими словами, совершенствуя технологию выстрела, воин получает возможность не разрешить, а **обойти** проблему совмещения стрельбы и «петляния» в едином, цельном и

полном действии — Маневрировании. Приоритет задачи уничтожения, подкрепленный «несущей» пластикой, способствует изменению характера связей в действиях воина. На смену однозначной обусловленности двигательных навыков приходит телесный **синергизм** — *содружество и сотрудничество* всех способностей воина, концентрация его потенциала. Но повторяем, это неосуществимо без «снятия гипса» конструкции «стрелок-пистолет» и отказа от «костыля» собственной вертикали, без устранения телесной заданности и двигательной обусловленности.

Здесь закономерно возникает вопрос: как в этом случае изменяется характер ведения боя?

Ответ удивит многих.

При *вхождении* в бой на фоне «Привязки» и телесного синергизма воин обретает необычный психофизический феномен — «**замысел**» боя.

Замысел — объект, не имеющий четких очертаний. Его границы и содержание целиком определяются «ситуацией» и субъективными особенностями воина, главным образом, уровнем его подготовки, боевым опытом, фактическим психофизическим состоянием, короче — его синергетическим потенциалом. Но если отвлечься от индивидуальных особенностей «замысла», его можно представить как **картину** неотвратимой **схватки**. В ее основе — *мгновенное, контекстное переживание предстоящих действий*. И чем острее, чем ярче эти переживания, тем *замысел* более реалистичен, тем ближе успешная развязка боя. Здесь особенно важно еще раз подчеркнуть, что схватка *не представляется, не проигрывается, не моделируется*, а именно и только **проживается**. И вот тогда...

Все в бою оказывается взаимообусловлено. Материя битвы становится объемной, плотной. На этом фоне проступает, становится отчетливым, выпуклым единый рисунок схватки с узлами страстей, вихрями эмоций, переплетениями интересов. Пространство сливается со временем и вскипает в яростном сгустке. Стихия боя оживает, надвигается и сминает легковесные конструкции умозрительных построений. То, что раньше представлялось простым и очевидным, оказывается непостижимым и таинственным, а то, что казалось чудесным и

мистическим, наполняется смыслом, обретает границы, становится обозримым. И это закономерно. Когда человек отказывается от иллюзий и сознательно крушит ярмарочные картинки виртуального мира, его взору открываются суровые гармонии реальности.

Подобное переживание реальности служит ключом для перехода воина в режим **боевой самоорганизации**, что тут же сказывается на характере ведения боя. Неискушенному наблюдателю поведение *иного воина* может показаться странным. И не удивительно, некоторые его действия на самом деле кажутся не вполне связанными с открытым противоборством: выстрел через дверь, внезапный отход к укрытию, неожиданный маневр, затянутая пауза... А ведь это лишь следствие того, что стрелок *живет* боем, активно дополняет рисунок схватки живыми красками ощущений и эмоций. И «заполненное» пространство чутко отзывается на это, вибрирует, резонирует. Стрелок начинает *предвосхищать* действия неприятеля, *предвидеть* другие угрозы (мины, ловушки, тупики). Теперь воину не нужно полагаться исключительно на свою отменную реакцию, он **уже готов** к встрече с опасностью.

Необходимо подчеркнуть, что «замысел» не создается средствами формальной логики как продукт целенаправленной рассудочной деятельности. Он возникает сам собой, при переходе воина, вооруженного телесной инаковостью и решительно настроенного на уничтожение врага, в иное чувственное поле. Как явление цельное, «замысел» охватывает весь бой от момента его зарождения до самого его завершения. При чем осуществляется «замысел» в особом деятельностном состоянии — в режиме боевой самоорганизации.

Так что же такое «замысел»? В каком виде он существует? Что и как именно делает боец? Подобным вопросам несть числа. Однозначного, ясного и простого ответа на них не существует. Можно лишь говорить о субъективных формах проявления «замысла», о возможных вариантах его зарождения и жизни. Вот один из них.

Осознание вхождения в бой сопровождается мгновенным, как вспышка, озарением, стремительной «разверткой» предстоящих событий, «видением» схватки, спрессованной в один

краткий миг. Интенсивность переживаний ближайшего будущего настолько велика, что психофизиология воина как бы «проживает» схватку от начала до конца. Все ресурсы организма активизируются, все резервы задействуются, все системы настраиваются на единственно неодолимый режим работы — боевую самоорганизацию. При этом реалии боя непостижимым образом оказываются для воина *знакомыми*. Происходит *узнавание происходящего*. События разворачиваются в *известной* последовательности, ожидание угроз оправдывается. Действительность *совпадает* с «пережитым». Бой становится «повторением пройденного». Очевидность происходящего предоставляет все мыслимые возможности для *управления ситуацией*.

Так зарождается **бесстрашие «охотника»**.

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Ну, хватит, пожалуй; пора и дух перевести. Самое время осмотреться, осознать происходящее, оценить постигнутое. Но для этого придется возвратиться к началу книги...

Проблема страха... Ее предельная острота и кажущаяся непреодолимость выдвигают на передний план именно *психологические аспекты* стрельбы.

Считается, что коль скоро проблема психологическая, то и ее решение нужно искать в глубинах человеческой психики. Но все «очевидные» решения этой проблемы так или иначе сводятся к «анестезии страха», к насильственной блокаде естественной человеческой реакции на смертельную опасность. Хотя хорошо известно, что последствия любого насилия над тонким миром человеческой психики весьма плачевны и «военные» синдромы еще не самый яркий тому пример.

Но безвыходных ситуаций, как известно, не бывает. Не всегда «подобное» лечат «подобным»; часто из психологических тупиков существуют иные — не психологические выходы. Вот и в нашем случае разрушительное влияние страха на боевые возможности солдата сводится на нет ратной искусностью и опытом бывалого воина. Способность и готовность бойца к действиям в опасной обстановке снижают страх до такого уровня, когда он перестает быть проклятием воина и... становится его спасением — трансформируется в опасливость, настороженность, осмотрительность. Другими словами, неустранимость достигается не психическими или химическими «прививками», а рождается в процессе активного и целеустремленного накопления *боевого опыта*; не психологическими, а *воинскими средствами*.

Так, отказавшись от *привычных* способов борьбы с последствиями страха, мы свернули с проторенного пути традиционной боевой подготовки. И... тут же вновь оказались на перепутье: какие именно воинские средства, когда и как нужно использовать, чтобы рост опытности бойца приближал бы его к неустранимости, а не изощрял способность к выживанию любой ценой?

Чаще всего пытаются «учить войска тому, что необходимо на войне». Притягательность этой формулы в ее афористичной лаконичности и ясности, но в этой лукавой простоте скрывается губительная безысходность поверхностного взгляда на глубокие проблемы. Мистический магнетизм «простых» решений увлекает бойца на путь изощрения в частностях, затягивает в трясину бесконечной «шлифовки» деталей, соблазняет совершенством нескольких «коронных приемчиков». А отсюда уже рукой подать до первенств, состязаний, соревнований; трудно избежать соблазна и не помериться силой с товарищем, непросто отказаться от привилегий «мастера», от славы чемпиона... И вот уже готов, созрел «воин-спортсмен», а ряды защитников Отечества потеряли еще одного хорошего бойца.

Да, губителен «широкий» путь для настоящего воина. Но как найти иной — верный, где та единственно спасительная «теснота и узость» истинного ратного пути?

Путь этот начинается самоуничижением и приводит к воинскому откровению, но... пролегает он через сокрушение и отказ, пересекает недоумение и разочарования, проходит сквозь отчаяние и надежду (сокрушение собственной немощью, отказ от привязанностей, недоумение потерь, разочарование неудач, отчаяние безуспешности, надежду на помощь).

Главная трудность этого пути — неустанный поиск: *поиск решения* проблемы, если она есть, или *поиск новой проблемы*, если решение предыдущей уже найдено. Ищущий боец всегда в движении; он не остановится, чтобы закрепить *временный успех*; он не станет «оттачивать» *отдельный прием*; он не будет стремиться во что бы то ни стало *расширить* свой технический арсенал; для него важно обеспечить и поддержать *рост* своих ратных качеств.

Именно эту неутолимую жажду *восхождения* мы попытались отразить в книге. Не останавливаясь на методике, избегая занудных описаний, мы старались провести читателя от проблемы к проблеме, вместе с ним отыскивая и подвергая критическому разбору возможные решения.

Но здесь, пожалуй, будет уместен такой вопрос: если все время искать новое, можно ли хоть что-то освоить до уровня практического применения? Спешим успокоить озабоченно-

го читателя. Решение проблемы — это, как правило, мгновенная вспышка, озарение, внезапное прозрение: только что не видел исхода и... *вдруг все понял*. А вот поиск новой проблемы — процесс многотрудный и длительный. Именно в этот период боец пробует новое решение в самых разнообразных условиях, пытается применить его в невероятных ситуациях и обстоятельствах. И все это он проделывает с единственной целью — выявить слабые места в новой работе, выйти на границы ее возможностей — отыскать очередную проблему. Очевидно, что такое *отношение* подспудно, естественным образом развивает бойца; известно, что самые лучшие пилоты — это летчики-испытатели. Именно пристрастное *испытание* нового аспекта боевой работы и есть самая эффективная форма его освоения.

И все же, не это главное. Подобное *отношение* к продвижению по ратному пути обладает другим, поистине замечательным свойством — оно влияет, а в итоге и *меняет видение* война. Он начинает *иначе* воспринимать пространство, ощущать его, срастаться с ним. Рождается то, что мы называем *Привязкой* к пространству.

Это положение — важности чрезвычайной.

Обратите внимание: одно только изменение отношения к процессу освоения ратной науки порождает новый психофизический феномен — Привязку, а стрелковый тренинг оказывается лишь наиболее подходящим для этой цели инструментом. Причем инструментом в большей степени психологическим, нежели чисто воинским.

Однако сама по себе Привязка не позволяет бойцу кардинально изменить соотношение сил в свою пользу. Психофизика восприятия боя бесполезна без двигательной реализации тактических решений. Но *иное* «видение» пространства подерживается *иной* телесностью. И вновь проблема: замена пластической основы всего технического арсенала бойца; и снова он в поиске, опять подбирает, пробует, испытывает, но в это же самое время развивается, научается, растет...

Успешное завершение этого диалектического витка означает для бойца важнейший шаг на пути его ратного восхождения; его новое обретение способно поразить воображение

самого искушенного воина. **Замысел** — мгновенное контекстное «предвидение» событий, стремительная «развертка» будущего, опережающее «проживание» схватки и, наконец, «боевая самоорганизация» телесности; все это кардинально меняет существо человека — на авансцене появляется «охотник». И это уже не раб обстоятельств, он не подчиняется «воле случая», отнюдь. Он режиссер, и теперь именно он распределяет роли, устанавливает декорации, расставляет исполнителей. Он сам выбирает сюжет, сам дает третий звонок, сам опускает занавес. Отныне *он управляет течением боя*.

Другими словами, настойчиво упражняясь в стрельбе, ищущий боец усваивает не только стрелковые премудрости; главное — он научается иначе «видеть» всю схватку, ощущать тактический «объем» ситуации, воспринимать «полноту» боя.

Так *иное отношение* к психологии стрельбы дает необычный результат — бесстрашие «охотника»; *выбор верного пути* окончательно снимает проблему страха. Но не только. Следуя «узким путем» ратного восхождения через выверенный стрелковый тренинг к Привязке, от Привязки к новой пластике и далее к Замыслу и режиму боевой самоорганизации, воин — становится тем самым непобедимым былинным богатырем, который всегда представлялся нам не более чем сказочным персонажем. Перечитайте русский героический эпос, теперь вы сможете взглянуть на него *иначе*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, вторая книга проекта «Пистолет в ближнем бою» завершена, но она не поставила точку на проблемах применения пистолета, скорее наоборот, она сорвала завесу таинственности, распахнула горизонты, обозначила пути к вершинам истинного ратного мастерства. Так что тема стрелковой искусственности еще далеко не исчерпана. Безусловно, и технология, и психология группового боя важные этапы этого восхождения, однако воин силен не отдельными качествами, а *полнотой* боевых свойств.

В этой книге раскрываются фундаментальные аспекты стрельбы. Но будучи вырванными из контекста боя, сами по себе они не дают подавляющего преимущества «охотника». Стрельба — лишь основа, на которой должна быть выстроена цельная, завершенная *система*. Речь, прежде всего, идет об особенностях выбора, размещения и ношения оружия, приведения его в боевое положение и применения в условиях дефицита времени, с учетом силового противодействия, в ходе борьбы за оружие. Эти вопросы не могли быть решены без окончательно сложившегося идеального облика стрельбы. Теперь же, когда главные особенности психологии и технологии стрельбы в ближнем бою освещены, пришло время позаботиться о полноте и целостности всей системы.

Эти и, возможно, некоторые другие вопросы станут объектом нашего интереса в ближайшем будущем. Вместе с тем еще раз напомним, что рассмотрение перечисленных вопросов без методологической и двигательной базы, оформившейся при исследовании группового боя было бы преждевременно, необоснованно и бессистемно.

В заключение мы хотели бы выразить свою глубокую признательность Михаилу Махамендрикову за понимание, доверие и поддержку, а также Галине Ивановне Фурсовой за ее теплое отношение и бескорыстную помощь в поиске и подборе военно-исторических материалов. Без живого участия и реальной помощи этих людей выход книги мог бы задержаться на неопределенное время.

И наконец, мы считаем своим долгом обратиться к подлинным ревнителям стрельбы с просьбой — уведомить нас о всех Ваших сомнениях и возражениях, о Вашей несогласии с теми или иными положениями книги, а также об итогах Ваших экспериментов или результатах практического применения наших рекомендаций (адреса электронной почты: авторов — petr_zhukov@boevik.ru; издательства — geleos@boevik.ru). В вопросах ратной искушенности нет места авторскому самолюбию или уверенности в собственной непогрешимости. А потому мы не бежим от критики, мы нуждаемся в ней. Но еще более мы нуждаемся в конструктивном обмене мнениями; древний автор так высказался по этому поводу: *«Отцы и братие, аще где описах, недописах или переписах, чтите исправляя а не кляните! ...»*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ПСИХОЛОГИЯ СТРЕЛЬБЫ	6
ГРУППОВОЙ БОЙ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	13
ПОРАЖЕНИЕ ГРУППОВОЙ ЦЕЛИ	24
НЕУЯЗВИМОСТЬ В БЛИЖНЕМ БОЮ	65
МАНЕВРИРОВАНИЕ В БЛИЖНЕМ БОЮ	93
Бой на уничтожение	94
Принцип «Гравитационной горки»	97
Бой на прорыв	113
Выстрел с подвижного основания	117
Безопорный выстрел	126
Стрельба на ходу	131
ЧТО ДАЛЬШЕ?	144
ПОДВЕДЕМ ИТОГИ	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156

Издательский дом «Гелеос»
представляет свои издания

СЕРИЯ «ЗНАЙ ТО, ЧЕМ ВЛАДЕЕШЬ»

Жуковский В., Ковалев С.,
Петров И.

ПИСТОЛЕТ В БЛИЗКОМ БОЮ

В книге рассмотрены различные способы ведения огня из пистолета. Уникальная методика значительно повышает результативность каждого сделанного выстрела. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

По вопросу оптовой покупки книг
издательства «Гелеос» обращаться по адресу:

115093, г. Москва, Партийный пер., д. 1
Тел.: (095) 235-94-00, факс: (095) 951-89-72
E-mail: leVon@nt.ru

Книги издательства «Гелеос» можно заказать по почте.
Адрес: 115093, Москва, а/я 40, Книжный клуб «Читатель»

Научно-популярное издание

Жуковский Владимир Владимирович
Ковалев Сергей Евгеньевич
Петров Игорь Станиславович

Психология стрельбы

Редактор *М. Григорян*
Компьютерная верстка: *С. Чорньский*
Технический редактор *В. Ерофеев*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — научная и производственная литература

Издание осуществлено при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

ЗАО «Издательский дом «Гелеос»
113093, Москва, Партийный переулок, 1, оф. 319.
Тел. (095) 235-9400. Тел./факс (095) 951-8972.

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.2004
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Минская фабрика цветной печати».
220024, Минск, ул. Корженевского, 20.

ПСИХОЛОГИЯ

Знай то, чем владеешь!

СТРЕЛЬБЫ

Пистолет в ближнем бою

Книга посвящена актуальным вопросам применения ручного короткоствольного оружия в условиях ближнего боя.

Психология стрельбы

Групповой бой

Поражение групповой цели

Неуязвимость в ближнем бою

Что дальше?

Читайте серию "Знай то, чем владеешь"

ISBN 5-8189-0240-4

ТАКТОЛЕТЫ В БЛИЗКОМ БОЮ

Старая цена 80р.00к

Цена: 40р.00к

878241902404

06.02.08

